

В.А.ИСТРИН

# 1100 лет СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКИ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

---

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

---

Литературоведение и языкознание

---

**В. А. Истрин**

**1100 ЛЕТ**

**СЛАВЯНСКОЙ АЗБУКИ**

Издание второе,  
переработанное и дополненное

Ответственный редактор  
доктор филологических наук  
**Л. П. ЖУКОВСКАЯ**



МОСКВА «НАУКА»

1988

ББК 46.2  
И 89

**Истрин В. А.**

**И 89** 1100 лет славянской азбуки. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с., 24 ил. — (Серия «Литературоведение и языкознание»). ISBN 5-02-010865-0

Книга знакомит читателя с полной драматических событий историей жизни и деятельности создателей славянской азбуки, великих славянских просветителей братьев Константина Философа (Кирилла) и Мефодия. Наряду с этим дается сравнительная характеристика и прослеживается последующая судьба двух древнейших славянских азбук — кириллицы и глаголицы, рассматриваются пока еще не решенные наукой до конца вопросы о докирилловской славянской письменности.

И  $\frac{4602000000-371}{054(02)-88}$  78-88 НП

ББК 46.2

ISBN 5-02-010865-0

© Издательство «Наука», 1988

## От редактора

К 1125-летнему юбилею славянской письменности выходит вторым изданием книга профессора Московского полиграфического института, известного книговеда, автора фундаментального труда «Развитие письма» (М., 1961) Виктора Александровича Истрина (1906—1967 гг.) — «1100 лет славянской азбуки». Она была написана к 1100-летию первого славянского алфавита. Выйдя в свет в 1963 г. тиражом 22 000 экземпляров, книга скоро стала библиографической редкостью. Она не устарела и спустя 25 лет. Поэтому издательство «Наука» предпринимает второе ее издание (под тем же заголовком, а потому в основном и с той же библиографией).

Во «Введении» книги в 1963 г. отмечалось, что работ, «посвященных этой теме, не издавалось у нас уже около 60 лет». С той поры прошло еще два юбилея «солунских братьев» (в 1969 г. — 1100-летие со дня кончины Кирилла, в 1985 г. — кончины Мефодия), но подобной популярной обобщающей книги у нас не появлялось. Однако вышел научно обоснованный и прокомментированный подбор источников: Сказания о начале славянской письменности (Вступ. статья, перевод и комментарии Б. Н. Флори. Отв. ред. В. Д. Королук. М., 1981); роскошное факсимильное издание Жития Кирилла и Мефодия (М., София, 1987. Науч. ред. О. А. Князевская). Определенный вклад в кирилло-мефодиевистику представляет книга А. Е. Можяевой «Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике: 1945—1974 гг.» (М., 1980). Многие вопросы происхождения славянской письменности, ее становления и развития освещены в статьях книги: Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982.

Разумеется, за прошедшие 25 лет вышли в свет труды по отдельным частным вопросам. Среди них особенно важными, представляющими ранее неизвестные материалы, являются книги С. А. Высоцкого и А. А. Медынцевой о надписях в Софии Киевской и Софии Новгородской. Особенно важно отметить опубликованный к IX Международному съезду славистов (Киев, 1983) труд В. В. Ним-



чука, содержащий факсимильно и научно изданный текст и исследование: Німчук В. В. Київські глаголичні листки. Найдавніша пам'ятка слов'янської писемності. Київ, 1983. Их данные, как и продолжающиеся находки новгородских берестяных грамот, позволяют исследователям делать более аргументированные и точные заключения о первых веках славянской письменности на Руси, чем это мог 25 лет назад В. А. Истрин. Главные из этих трудов указываются со знаком \* в примечаниях от редактора подстрочно в соответствующих по содержанию местах книги. Некоторые дополнения со знаком \*\* внесены в библиографию К. Д. Истриной.

\* \* \*

Редактор книги В. А. Истрина академик Б. А. Рыбаков в 1963 г. лаконично и четко охарактеризовал значение деятельности «великих славянских просветителей братьев Кирилла и Мефодия»: «Заслуги Кирилла и Мефодия в истории культуры огромны. Во-первых, Кирилл, отправившись с братом в 863 г. в миссионерское путешествие в Моравию, разработал первую упорядоченную славянскую азбуку и этим положил начало широкому развитию славянской письменности. Во-вторых, Кирилл и Мефодий перевели с греческого многие книги, что явилось началом формирования старославянского литературного языка и славянского книжного дела. Есть сведения, что Кириллом были созданы, кроме того, и оригинальные произведения. В-третьих, Кирилл и Мефодий в течение долгих лет проводили среди западных и южных славян большую просветительскую работу и сильно способствовали распространению грамотности у этих народов. В продолжение всей их деятельности в Моравии и Паннонии Кирилл и Мефодий вели, кроме того, непрестанную самоотверженную борьбу против попыток немецко-католического духовенства запретить славянскую азбуку и книги».

Мы бы добавили к этому: в-четвертых, Кирилл и Мефодий были основоположниками первого литературно-письменного языка славян — старославянского языка, который в свою очередь явился своеобразным катализатором для создания древнерусского литературного языка, древнеболгарского и литературных языков других славянских народов.

Эту роль старославянский язык смог выполнить прежде всего благодаря тому, что он изначально не представлял собой нечто твердокаменное и застойное: он сам формиро-

вался из нескольких славянских языков или диалектов Константин и Мефодий прибыли в Великую Моравию владея южным славянским диалектом Солуни (ныне — Фессалоники), т. е. центра той части Македонии, которая искони и вплоть до нашего времени принадлежала Северной Греции. В Моравии же братья обучали грамоте и привлекали к переводческой деятельности, а не только переписыванию книг, лиц, говоривших, несомненно, на каких-то северо-западных славянских диалектах. Об этом прямо свидетельствуют лексические, словообразовательные, фонетические и иные языковые различия в древнейших дошедших до нас славянских книгах (в Евангелии, Апостоле, Псалтыри, Минеях X—XI вв.). Косвенным свидетельством является описанная в древнерусской Летописи более поздняя практика великого князя Владимира I Святославича, когда он в 988 г. ввел на Руси христианство в качестве государственной религии. Именно детей своей «нарочитой чади» (т. е. детей своих придворных и феодальной верхушки) Владимир привлекал для «обучения книжного», делая это подчас даже насильно, поскольку Летопись сообщает, что матери плакали о них, как о покойниках. Нет сомнения, что и моравский князь Ростислав, пригласивший византийцев для перевода на славянский язык всего христианского богослужения, требовавшего применения в его государстве огромного числа рукописных книг, использовал именно местное население для подготовки писцов, священников и клира, переводчиков и иных грамотных людей, обслуживавших также светские потребности его государства. После смерти Кирилла (869 г.) Мефодий продолжал просветительскую деятельность у славян в Паннонии, где в славянские книги также входили особенности местных диалектов. В дальнейшем старославянский литературный язык развивали ученики солунских братьев в районе Охридского озера, затем в собственно Болгарии.

С рубежа X—XI вв. крупнейшими центрами славянской письменности становятся Киев, Новгород, центры других древнерусских княжеств. Древнейшие дошедшие до нас славяноязычные рукописные книги, имеющие дату их написания, были созданы на Руси. Это Остромирово евангелие 1056—1057 гг., Изборник Святослава 1073 года, Изборник 1076 года, Архангельское евангелие 1092 г., датированные 90-ми годами новгородские Минеи. Наибольший и самый ценный фонд древних рукописных книг, восходящих к кирилло-мефодиевскому письменному на-

следию, как и названные, находится в древлехранилищах нашей страны (см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI—XIII вв. Отв. ред. Л. П. Жуковская. М., 1984).

Наконец, оценивая просветительскую деятельность солунских братьев, следует иметь в виду, что они не были миссионерами в общепринятом смысле слова: они не занимались христианизацией населения как таковой (хотя и способствовали ей), ибо Моравия ко времени их прибытия была уже христианским государством. Кирилл и Мефодий, составив азбуку, осуществляя переводы с греческого, обучая грамоте и приобщая местное население к богатой по содержанию и формам христианской и энциклопедической литературе, были именно учителями славянских народов.

*Л. П. Жуковская*

## Глава 1

# История жизни, борьбы и подвигов славянских просветителей Кирилла (Константина Философа) и Мефодия

### 1

В конце 862 г. к византийскому императору прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Послы передали императору просьбу прислать в Моравию миссионеров, которые могли бы вести проповеди на понятном для моравов\* языке вместо латинского языка немецкого духовенства.

— Наши люди оставили язычество и приняли христианство, — с такими словами, согласно «Житию Кирилла», обратились к императору моравские послы. — Но у нас нет учителей, которые говорили бы проповеди на нашем языке. Поэтому пошли их нам, государь!

... Это было тревожное и смутное время раннего европейского средневековья.

Прошло уже около четырех веков, как под напором германских племен распалась Западная римская империя, подточенная изнутри развитием феодальных отношений и грозными восстаниями рабов и колонов. А вместе с рабовладельческим Римом рухнула и впоенная потом рабов великая античная культура. Блестящие города римских провинций пустели и разрушались, ремесла и торговля замирали, мощенные камнем дороги зарастали травой, шумные торговые порты превращались в рыбацьи поселки. Грамотность сохранялась только среди духовенства и монашества. Наука и литература находились в тисках богословия.

На развалинах Римской империи возникли воинственные германские и иные «варварские» королевства. Единственное, что объединяло их, — это воспринятая от Рима христианская религия.

---

\* Оставляем авторское написание при правильном „мораване“. — *Прим. ред.*

Повсеместное и быстрое обращение в христианство германских и других европейских племен было далеко не случайным. Наивные языческие верования были связаны с племенным строем. Между тем еще в годы существования Западной римской империи у германских племен развились новые феодальные отношения.

Христианская религия к тому времени тоже перестала быть религией бедняков и рабов. Сделавшись еще в Риме официальной государственной религией, христианство постепенно превратилось, по определению Ф. Энгельса, в наиболее общий синтез и наиболее общую санкцию существующего феодального строя<sup>1</sup>, в «интернациональный центр феодальной системы». Римско-католическая церковь «окружила феодальный строй ореолом божественной благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и, наконец, она была самым крупным феодальным владельцем, потому что ей принадлежало не менее третьей части всего католического землевладения»<sup>2</sup>.

Все более обострявшаяся борьба феодалов с пережитками племенного строя, с сохранившимися еще остатками свободного крестьянства, а также борьба германцев и славян тоже облеклись в религиозные формы, в формы борьбы христианства с пережитками язычества. Опираясь на немецких феодалов, римские папы и немецко-католическое духовенство распространяли христианство среди соседних народов буквально огнем и мечом. При этом римская церковь в союзе с немецкими князьями всячески стремилась подавить у народов, обращенных ими в христианство, развитие национальной культуры, языка и письменности. Только три языка — латинский, греческий и еврейский — считались Римом достойными священного писания; в обоснование обычно указывалось, что надпись на кресте, на котором был распят Христос, была начертана по-латински, по-гречески и по-еврейски. В соответствии с этим все богослужение велось в западнохристианских церквях на непонятном для населения латинском языке.

Страны, принявшие от Рима христианство, сразу же наводнялись чуждыми народу алчными немецко-католи-

---

<sup>1</sup> См. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. VII. Изд. 2, с. 361.

<sup>2</sup> Энгельс Ф. Введение к «Развитию социализма от утопии к науке» // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произв., т. II. М., 1955, с. 93.

ческими прелатами и аббатами. Церкви и монастыри захватили огромные поместья, облагали население обязательной десятинной данью, не говоря о прочих налогах и поборах. А вслед за церковниками появлялись немецкие князья. Опираясь на поддержку родственного им духовенства, они стремились присоединить обращенные в христианство страны к своим владениям, а жителей превратить в колоннов — крепостных.

Другой христианский центр находился на Востоке, в Византийской империи. В отличие от Рима и германских феодальных государств здесь в большей мере сохранялись традиции античной образованности и культуры, продолжали существовать крупные города, многочисленные школы, развитые ремесла и торговля.

Подобно древнему Риму Византийская империя тоже страдала от натиска соседних племен и народов: славян — с северо-запада, гунов, вандалов, лангобардов и норманнов — с запада, персов — с востока, арабов, а впоследствии турок — с юго-востока. В основном две причины задержали ее падение почти на тысячелетие. Одной из них было выгодное положение Византии на стыке торговых путей из Европы в Иран, Индию, Китай. Это способствовало притоку в Византию огромных богатств, создавало возможность подкупа соседних племен, натравливания их друг на друга, содержания больших наемных войск для охраны границ и для подавления восстаний рабов и колоннов.

Другой причиной была выработанная в течение столетий искусная и гибкая политика византийских императоров. Ведя с соседями почти непрерывные войны, Византия в то же время всячески стремилась подчинить их своему политическому и культурному влиянию. Так, византийские императоры не препятствовали мирному расселению славян на территории империи, охотно включая смелых в бою славянских воинов в свои войска, и даже допускали славянскую знать к участию в государственном управлении. Это оживляло и омолаживало ветшавший организм Византийской империи, повышало ее сопротивляемость натиску воинственных соседей.

Едва ли не самым главным орудием византийского влияния на славянские народы было распространение среди них христианской религии с ее проповедью непротivления злу и безропотнои покорности властям. Однако, в отличие от Рима, обладавшего поддержкой германских феодалов, Византия видела в христианском учении почти единствен-

ное средство обуздания своих воинственных соседей; поэтому она стремилась распространять христианство гораздо более осторожными и дипломатичными методами.

Византийское духовенство не взимало с населения обязательного десятинного сбора и существовало в основном на «доброхотные давания» прихожан. Восточно-христианская церковь и Византия не препятствовали, а даже способствовали созданию у обращенных ими в христианство народов своей письменности<sup>3</sup>, развитию на этой основе народной культуры, переводу на местные языки богослужебных книг и даже отправлению церковных служб на этих языках вместо греческого.

Поэтому естественно, что славянские народы больше тяготели к восточной византийской, чем к западной римской церкви. Это, вероятно, и послужило главной причиной моравского посольства к императору Михаилу.

Однако существовала и другая, может быть, не менее важная, цель этого посольства. Такой целью было стремление моравского князя укрепить политические связи с могущественной Византийской империей, создать возможность получения от нее военной помощи против особенно усилившегося за эти годы немецкого натиска.

За тридцать с небольшим лет до посольства в Византию, в 830 г., моравские племена были объединены князем Моймиром, создавшим обширное Великоморавское государство со столицей в Велеграде. Наследовавший Моймиру в 846 г. его племянник Ростислав вскоре после вступления на престол принял от Рима христианство. Почти одновременно с моравами объединились под властью князя Прибины и тоже приняли христианство их южные славянские соседи — словаки. Ко времени моравского посольства столицей словаков стал город Блатно, а князем — наследник Прибины Коцел.

Археологические раскопки, проведенные за последние годы в Чехословакии<sup>4</sup>, показали, что в Моравии IX в. существовало уже не менее десяти крупных городов, расстояние между которыми не превышало в среднем 40—

<sup>3</sup> Так, под восточно-христианским влиянием были созданы: коптское письмо египетских христиан (II—III вв.), готское письмо (епископом Вульфилей в IV в.), армянское письмо (в начале V в. епископом Месропом Маштоцем), а в середине IX в. — славянское письмо.

<sup>4</sup> *Третьяков П. Н.* Новые данные о Великоморавском государстве // Вопросы истории. 1961, № 5; *Poulik J.* Velikomoravské hradište Mikulčice. Brno, 1962.

60 км. В городах этих были найдены многочисленные церкви и другие каменные постройки, следы разнообразных ремесел, развитой внутренней и международной торговли. Материалы раскопок характеризуют Моравию IX в. как крупное и сильное государство с развивающимся феодальным строем.

Встревоженный усилением Моравии и независимой политикой Ростислава, король Людовик Немецкий попытался силой положить конец деятельности славянского князя. Попытка эта кончилась неудачей. Ростислав, перейдя в наступление, не только отразил натиск немцев, но даже расширил границы своего княжества до пределов Болгарии. Тогда Людовик начал переговоры с болгарским князем Борисом о военном союзе против Моравии. Ростислав, вероятно, знал об этих переговорах, которые уже в следующем, 864 г. привели к одновременному вторжению в Моравию немецких и болгарских войск. Поэтому Ростислав стремился заранее заручиться поддержкой могущественной соседки Болгарии — Византии; ведь только Византия могла удержать болгар от союза с немцами. К тому же Ростислав, естественно, опасался и обративших его в христианство немецких проповедников. Он не без основания подозревал, что они пришли в Моравию не только как служители евангелия, но и как разведчики германских князей. Он знал, как легко меняли католические монахи христианские крест и посох на германские панцирь и меч.

Таковы были, вероятно, политические причины моравского посольства в Византию. Недаром во главе этого посольства был поставлен племянник и наследник Ростислава Святополк.

Просьба Ростислава о присылке миссионеров соответствовала интересам Византии, давно стремившейся распространить свое влияние на западных славян. Еще больше соответствовала она интересам византийской церкви, отношения которой с Римом в середине IX в. становились все более враждебными. Как раз в год прибытия моравского посольства отношения эти настолько обострились, что папа Николай даже публично проклял патриарха Фотия.

Упорная и долгая борьба римских пап и византийских патриархов за влияние и власть в христианском мире приобрела впоследствии более пристойные формы богословско-схоластических расхождений, например: происходит ли дух святой только от бога-отца или же и от сына; могут ли священники вступать в брак; какое тесто следует



применять при причастии — пресное или квасное. Но в середине IX в. эта борьба имела неприкрытый характер. А одним из ее важнейших объектов были еще только переходившие в христианство южные и западные славяне.

Особенно ярко проявилась эта борьба в Болгарии. Так, в 865 г., т. е. через три года после моравского посольства, Болгария приняла христианство от Византии. Однако уже в 866 г. болгарский князь Борис, прельстившись посулами Рима, порвал с византийской церковью и пригласил римских священников. Наконец, еще через четыре года, в 870 г. Борис, разочаровавшись в Риме, изгнал его представителей и снова признал главенство византийских патриархов.

Моравия была дальше от Византии, чем Болгария. Влияние Рима там было гораздо прочнее. Оно опиралось, кроме того, на мощную поддержку немецких феодалов. Но тем заманчивей было для Византии, воспользовавшись посольством к Ростиславу, попытаться оторвать Моравию от Рима. А для мстительного Фотия это было бы к тому же великолепным ответом на проклятие папы Николая. Поэтому император Михаил и патриарх Фотий с большой радостью приняли просьбу Ростислава и направили в Моравию своими миссионерами ученого македонянина Константина Философа и его брата Мефодия.

Михаил и Фотий не случайно выбрали в качестве миссионеров братьев Константина и Мефодия. Это было вызвано тем, что Константин уже имел богатый опыт миссионерской деятельности и показал себя в ней блестящим диалектиком и дипломатом. Выбор этот был обусловлен также тем, что братья, происходя из полуславянского-полугреческого города Солуни, прекрасно знали славянский язык.

— Ведь вы оба солуняне, — заявил братьям император. — А солуняне все говорят по-славянски!

## 2

Биография Константина (Кирилла) и Мефодия может быть достаточно подробно воспроизведена на основе различных документальных (например, послания римских пап) и летописных источников. Важнейшие из этих источников следующие.

1. Пространные, так называемые «Паннонские жития» Кирилла и Мефодия. «Жития» эти были составлены, судя по их тексту, учениками Кирилла и Мефодия в Паннонии (в Блатенском княжестве Коцела) в конце IX в., вскоре после смерти Кирилла (869 г.) и Мефодия (885 г.), но, вероятно, до изгнания их учеников из Моравии в Болга-

рию (886 г.) и во всяком случае до завоевания Моравии немцами и мадьярами (905 г.). Такая датировка подтверждается тем, что в «Житиях» ничего не говорится о событиях, последовавших за смертью Мефодия, и в то же время сообщается о величии Моравского государства. «Житие Мефодия» дошло до нас в 8 списках<sup>5</sup>; древнейший из них (в сборнике Исторического музея в Москве) относится к XII в. «Житие Кирилла» известно в настоящее время, согласно Е. Георгиеву, в 23 списках<sup>6</sup>; по мнению большинства исследователей, оно написано ранее «Жития Мефодия».

2. Краткие (каждое менее страницы) «Жития» Кирилла и Мефодия, так называемые «проложные» — по названию христианских книг «Прологи», в которые были включены эти «жития».

3. «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, рассказывающее о причинах создания славянской азбуки Кириллом, дающее характеристику этой азбуки и сообщающее о докирилловской письменности у славян. Сказание это было написано, видимо, в Болгарии, вскоре после смерти Кирилла и Мефодия, в период наибольшего возвышения и культурно-политического соперничества Болгарии с Византией (конец IX—начало X в.). Такая датировка подтверждается следующим: во-первых, в «Сказании» сообщается, что «еще живы те, кто видели их» (Кирилл и Мефодий); во-вторых, большая часть «Сказания» посвящена полемике с греками о том, какая азбука священной и выше — славянская или греческая. Известно не менее 12 списков «Сказания»; древнейший из них (болгарский) относится к середине XIV в.<sup>7</sup>

4. Послания, письма и другие документы римских пап, в особенности же современника Мефодия папы Иоанна VIII (874—882 г.).

5. Свидетельства папского библиотекаря Анастасия (869 и 875 г.).

6. Так называемая «Итальянская легенда», составленная на латинском языке в XI в. епископом Гаудериком и рассказывающая о перенесении Кириллом в Рим в 867 г. открытых им в Херсонесе мощей «римского папы» Кли-

<sup>5</sup> *Рассейкин Ф. М.* Буржуазная историография о византийско-моравских отношениях в середине IX века // *Византийский вестник*, т. III. М., 1950, с. 246.

<sup>6</sup> *Георгиев Е.* Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, с. 50.

<sup>7</sup> *Вилинский С. Г.* Сказание Черноризца Храбра. Одесса, 1911.

мента, а также составленное, возможно, самим Кириллом «Слово на перенесение мощей Климента»; краткое сообщение «Успение Кирилла».

7. Составленные на греческом языке, вероятно в первой половине X в., в Болгарии «пространное» («Болгарская легенда») и «краткое» («Охридская легенда») «жития» ученика Кирилла и Мефодия — Климента (умер в 916 г.); составленное там же и в то же время «житие» другого ученика Кирилла и Мефодия — Наума (умер в 910 г.).

8. Посвященный Кириллу и Мефодию и истории создания славянских письмен отрывок из восточно-славянской «Повести временных лет» (около XI в.).

9. «Богемская легенда», рассказывающая о крещении Мефодием чешского князя Боривоя и о «житии» супруги этого князя Людмилы; «Слово Кирилла Философа» («Солунская легенда»); службы св. Кириллу и Мефодию, составленные, вероятно, в X столетии, «Похвальное слово Кириллу и Мефодию» и другие, менее важные источники.

Эти летописные источники напечатаны на языке их подлинников в книгах: Н. В. Ястребов. Сборник источников для истории деятельности Кирилла и Мефодия (1911); С. Г. Вилинский. Сказание Черноризца Храбра о письменах славянских (1911); Н. Л. Туницкий. Материалы для истории жизни и деятельности учеников Кирилла и Мефодия (1918); П. А. Лавров. Материалы по возникновению древнейшей славянской письменности (1930). Переводы важнейших источников даны в книге В. Бильбасова «Кирилл и Мефодий» (1868). Перечень остальных важнейших работ, посвященных Кириллу и Мефодию, приведен в списке литературы.

### 3

Жизнь и деятельность Кирилла (Константина) и Мефодия до поездки их в Моравию, согласно дошедшим до нас летописным свидетельствам, рисуется следующим образом.

Константин (826—869 гг.) и его старший брат Мефодий (820—885 гг.) родились и провели детство в шумном македонском портовом городе Солуни (сейчас греческий город Салоники); население Солуни в то время состояло наполовину из греков, наполовину из славян. Национальность Константина и Мефодия в летописных источниках прямо не указывается. На основании же косвенных свидетельств большинство ученых считают братьев болгарями; согласно одному афонскому преданию, отец их был болгарин,

а мать — гречанка. Известно, что их отец был крупный солунский военачальник — «друнгарий под стратигом», т. е. был непосредственно подчинен «стратигу» — по византийской иерархии воинскому чину самого высшего ранга.

Уже с детства Константин превыше всего полюбил науку. Согласно «Житию», еще мальчиком он видел сон, о котором так рассказывал матери: «Отец собрал всех девушек Солуни и приказал избрать одну из них в жены. Осмотрев их, я выбрал прекраснейшую; ее звали София». Как известно, София по-гречески значит «мудрость». Так, согласно «Житию», Константин еще в детстве обручился с мудростью.

Вскоре после смерти отца, когда Константину исполнилось 14 лет, один из императорских придворных («царев строитель Логофет»), узнав об уме и прилежании юноши, вызвал его для учения в столицу, ко двору малолетнего тогда императора Михаила. Там одним из учителей Константина, преподававшим ему философию, стал знаменитый Фотий, впоследствии дважды занимавший престол византийского патриарха. Составитель и автор многих крупных литературных произведений («Тысячечнижие», «Лексикон», «Номоканон» и др.), Фотий был человек надменный и властный, превосходивший по уму и образованию едва ли не всех своих современников. Константин, тоже очень способный, но скромный, видимо, завоевал сердце своего учителя. Во всяком случае папский библиотекарь Анастасий впоследствии в одном из своих писем называл Константина «крепчайшим другом» Фотия. Дружба эта во многом предопределила дальнейшую судьбу Константина.

По словам «Жития», юноша в самый короткий срок изучил грамматику, диалектику и риторику, арифметику и геометрию, астрономию и музыку, Гомера и «все прочие эллинские художества».

Призвавший его ко двору Логофет был так доволен Константином, что даже предложил ему в жены свою крестницу.

— Узнав об этой женитьбе, — соблазнял его Логофет, — император даст тебе воеводство и назначит тебя стратигом!

Но, помня о своем обручении с «Софией», Константин ответил отказом.

— Предлагаемое тобой очень велико, — будто бы ответил он Логофету. — Но, кроме просвещения разума,

я ничего не желаю. Просветив же разум, хочу искать более важного, чем все почести и богатства!

Отказавшись от блестящей карьеры, Константин избрал сравнительно скромное место патриаршего библиотекаря. Но даже эта работа, по-видимому, мешала его научным занятиям. По свидетельству «Жития», Константин вскоре же покинул патриаршую библиотеку и скрылся на полгода в каком-то уединенном монастыре. По возвращении он отказался от места библиотекаря и согласился быть лишь преподавателем философии. В должности преподавателя, будучи еще очень юным, Константин неожиданно проявил себя как искусный диалектик.

В Византии уже более столетия шла острая борьба между партией почитателей икон и партией иконоборцев, считавших поклонение иконам пережитком идолопоклонства. Борьба эта была связана с соперничеством между многочисленным византийским монашеством (так, в VII в. в Византии насчитывалось до ста тысяч монахов) и светской знатью, стремившейся под прикрытием иконоборства к захвату богатых монастырских имений. Протекала эта борьба то в форме дворцовых интриг, заговоров и переворотов, то в форме вооруженных столкновений, возникавших чаще всего на византийском ипподроме (туда собиралось во время конных состязаний почти все население столицы), то в форме изощренных богословских публичных диспутов.

И вот, на одном из таких диспутов Константин одерживает блестящую победу над опытным и ярким вождем иконоборцев, бывшим патриархом Арием. Такая победа несомненно доставляет Константину если не славу, то широкую известность в столице. Именно с этого времени император Михаил, а затем и патриарх Фотий начинают почти непрерывно направлять Константина как посланника Византии к соседним народам для убеждения их в превосходстве византийского христианства над всеми иными религиями.

Так, в начале 50-х годов Константин отправляется в Болгарию, на реку Брегалницу, и обращает там в христианство многих болгар; по мнению некоторых ученых, во время этой поездки Константин начинает свою работу над созданием славянской азбуки. Примерно к тому же периоду относится поездка Константина в Сирию к сарацинам (арабам), где он также одерживает блестящую победу в богословских спорах с сарацинскими учеными. По возвращении от сарацин, утомленный этими двумя

путешествиями, Константин проводит несколько лет в уединении за чтением книг у своего старшего брата Мефодия, удалившегося к тому времени в один из монастырей на горе Олимп <sup>8</sup>.

Но наибольшее внимание уделяют «Жития» третьему миссионерскому путешествию Константина: на рубеже 60-х годов по поручению императора он ездил к хазарам.

Сильная хазарская держава образовалась в низовьях Волги еще в начале VII в. Хазары говорили на одном из тюркских языков. В VII в. это был еще полудикий, в основном кочевой народ. Вот как, например, описывает набеги и внешность хазар того времени армянская «История авган»: «Как волны колеблющегося моря, ударили хазары о город Чога (теперь Дербент) и разрушили его до основания. Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей, безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными волосами устремилась на них, содрогание охватило жителей...» <sup>9</sup>.

158206 35084

Ко времени путешествия Константина хазары уже сильно изменились. Из полудиких кочевников они стали народом в основном земледельческим и торговым. Они создали крупные многолюдные торговые города — Саркел, Итиль и другие, сменили в VIII в. язычество на иудаизм и под влиянием Византии сильно продвинулись по пути культурного развития. Особо следует отметить, что хазары применяли к этому времени две системы письма: до сих пор еще не расшифрованное буквенно-звуковое руническое письмо, родственное орхоно-енисейским, печенегским и протоболгарским рунам <sup>10</sup>, и древнееврейское письмо, заимствованное хазарами в VIII в. вместе с иудейской религией. Как еврейское, так (по мнению некоторых исследователей) и руническое хазарское письмо оказали влияние на древнейшие русские азбуки.

Византия нередко использовала хазар как союзников в войнах с арабами, армянами и славянами. Тюркскому

<sup>8</sup> Здесь и далее речь идет, разумеется, не о греческом Олимпе — обители Зевса и других языческих богов, а о горе Дербентовападе Малой Азии, неподалеку от побережья Мраморного моря.

<sup>9</sup> Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. М., 1937, с. 56.

<sup>10</sup> Руны — примитивные письмена, обычно состоявшие из комбинаций прямых черточек, прорезанных на дереве, камне или каком-либо ином твердом материале. Протоболгары — наименование тюркских племен, завоевавших в VII в. северо-балканских славян и затем слившихся с ними.

1942727



Р и с. 1. Спор Константина Философа с сарацинскими мудрецами (старинная гравюра).

Византия была заинтересована в укреплении политических связей с хазарами, а в эпоху средневековья политические связи почти всегда выступали в религиозном обли- чии. Этим и была вызвана хазарская миссия Константина Философа.

По пути из Византии к хазарам Константин останавли- вается в греческом городе Херсонесе (по-славянски — Корсунь) на южном побережье Крыма. Он пополняет там свои знания еврейского языка, применявшегося образованной верхушкой хазар, после принятия ими иудей- ства. В результате этого изучения Константин, по со- общению «Жития», даже составляет (или переводит с ев- рейского) «грамматику в восьми частях». К сожалению, грамматика эта, как и почти все другие работы Констан- тина, до нас не дошла.

Там же, в Херсонесе, Константин вспоминает, что на грани I и II вв. нашей эры сюда будто бы был сослан императором Траяном римский епископ Климент. Со- гласно легендам, Климент был утоплен язычниками в море с якорем на шее. Константин производит розыски остан- ков Климента и находит на каком-то острове некие древ- ние кости; по лежащему рядом якорю он принимает их за останки Климента.

Эти останки Константина почему-то не отдаст в одну из херсонесских церквей, а увозит с собой в Византию. Там он тоже хранит эти останки у себя, затем везет их в Моравию, из Моравии в Рим. . . Зачем? Для чего? Единственно возможное объяснение заключается в том, что Константин понимал, какую большую ценность имеет его находка, и предвидел роль, которую она сможет сыграть в его судьбе. Предвидение это, как будет показано ниже, полностью оправдалось.

В Херсонесе же, согласно свидетельству всех двадцати трех дошедших до нас списков «Паннонского жития», Константин обнаружил «Евангелие» и «Псалтырь», написанные русскими буквами («роусьскими писмены писано») <sup>11</sup>. Далее в «Житии» (см. с. 110) рассказывается, что Константин встретил в Херсонесе человека, говорившего по-русски, вступил с ним в беседу и, прислушавшись к его языку, сопоставив его со своей собственной (болгаро-македонской) речью, вскоре начал читать и говорить по-русски. И многие этому удивлялись.

Это исключительно важное, до сих пор вызывающее большие споры свидетельство «Жития» подробнее рассматривается в главе третьей. Здесь отметим только, что в середине IX в. восточные славяне нередко посещали, а многие даже жили в Крыму, а еще позже, при князе Святославе, почти весь Крым входил в сферу влияния Киевского государства. К середине IX в. среди восточных славян много было и принявших христианство. Так, патриарх Фотий в своем послании 867 г. пишет о крещении в начале 60 годов многих «россов», в том числе целой княжеской дружины; по словам Фотия, на Русь был даже послан Византией епископ <sup>12</sup>. Аналогичное свидетельство, относящееся к 40-м годам IX в., встречается и у арабского писателя Ибн Хордадбега <sup>13</sup>; согласно Ибн Хордадбегу, русские купцы в Багдаде, которые «относятся к племени славян», «выдают себя за христиан и, как таковые, платят поголовную подать». Как показано в главе третьей, существовала у славян в середине IX в. и какая-то своя письменность.

---

<sup>11</sup> В двух из 23 списков «Жития» вместо слова «роусьскими» применено слово «роушкими» письменами (список 1469 г. Югославской академии и список 1479 г. Рыльского монастыря).

<sup>12</sup> История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, с. 81.

<sup>13</sup> *Никольский Н. К.* «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930, с. 95 и сл.



Пути по причерноморским степям, где бродили в эту эпоху орды кочевников, были очень опасны. Поэтому, испытав нападения кочевых хазар и угров, Константин решил сменить сухопутный путь на морской. Он сел на попутный корабль и на нем прибыл в ставку хазарского кагана.

Там Константин одержал очередную победу в споре с иудеями и магометанами. Весь ход своего спора с хазарскими мудрецами Константин впоследствии изложил на греческом языке для отчета патриарху; позднее этот отчет, по словам легенд, был переведен Мефодием на славянский язык. К сожалению, и это сочинение Константина до нас не дошло.

На обратном пути Константин снова заехал в Херсонес и затем возвратился в Византию.

Здесь, вскоре после путешествия к хазарам, и застали его моравские послы.

#### 4

Характер, а следовательно, и жизнь Мефодия были во многом сходны, но во многом и отличны от характера и жизни его младшего брата.

Оба они жили в основном духовной жизнью, стремясь к воплощению своих убеждений и идей, не придавая значения ни чувственным радостям, ни богатству, ни карьере, ни славе. Братья никогда не имели ни жен, ни детей, всю жизнь скитались, так и не создав себе дома или постоянного пристанища, и даже умерли на чужбине. Не случайно и то, что до нас не дошло ни одного из литературных произведений Константина и Мефодия, хотя оба они, в особенности Константин, написали и перевели немало научных и литературных трудов; наконец, мы не знаем даже, какую именно азбуку создал Константин Философ.

Оба брата прошли сквозь жизнь, активно изменяя ее в соответствии со своими взглядами и убеждениями. Но в качестве следов от их деяний остались лишь плодотворные изменения, внесенные ими в народную жизнь, да смутные рассказы житий, преданий и легенд. Все это было общее в характере и в жизни братьев. Но столь же много было у них и различного.

Младший брат недаром был прозван философом. То и дело он скрывался из шумной Византии куда-нибудь в уединение, подолгу читал, размышлял, а затем, накопив очередной запас энергии и мыслей, щедро растрачивал

его в путешествиях, спорах, диспутах, в научном и литературном творчестве. Старший брат шел по жизни прямой и ясной дорогой. Лишь дважды он изменял ее направление: первый раз — уйдя в монастырь и второй — снова вернувшись под влиянием младшего брата к активной деятельности и борьбе.

Младший брат писал, старший переводил его работы. Младший создал славянскую азбуку, славянскую письменность и книжное дело, старший практически развил созданное младшим. Младший был талантливым ученым, философом, блестящим диалектиком и тонким филологом; старший — способным организатором и практическим деятелем.

Младшему всегда и все удавалось. Даже римского папу и мощи святого Климента он сумел заставить служить борьбе за славянскую письменность и культуру. Старший брат, если и достигал чего-либо, то лишь в результате тяжелых трудов и мучительных испытаний.

Только физически старший брат превосходил младшего. Мефодий, по свидетельству «Жития», был благообразен лицом, спокоен и здоров телом; Константин, наоборот, наряду с порывистостью и энергией, был очень болезнен. Всю последнюю часть их совместной жизни Мефодий трогательно заботился и опекал своего более талантливого любимого младшего брата. Возможно, забота о Константине была одной из причин его поездки с братом в Моравию.

«Жития» не сообщают почти никаких подробностей о первых годах жизни Мефодия. Вероятно, в жизни Мефодия не было почти ничего выдающегося, пока она не скрестилась с жизнью его младшего брата.

Мефодий рано поступил на военную службу и вскоре был назначен управителем одной из подвластных Византии славяно-болгарских областей. Около десяти лет Мефодий провел в этой должности. Затем он оставил чуждую ему военно-административную службу и удалился в монастырь; там Мефодий вел незаметное скромное существование и, согласно «Житию», усердно «прилежал к книгам». Сюда, в тихий приют на горе Олимп, переселился на несколько лет, в промежутке между путешествиями к сарацинам и к хазарам, и Константин Философ.

Имеются указания, будто Мефодий сопровождал брата в его поездке в Хазарский каганат. Но хронологические расчеты этому противоречат. Больше веры заслуживают другие свидетельства, согласно которым во время путеше-

ствия Константина в Хазарию, т. е. на рубеже 60-х годов, Мефодий посетил болгарского князя Бориса и либо крестил, либо подготовил его к крещению. В летописных источниках говорится, что «Мефодий неустанно старался приобрести дарами словес князя болгар Бориса, которого он еще прежде сделал своим сыном». Согласно этим источникам, Мефодий «пленил Бориса отечественным своим языком, во всем прекрасным». В более поздних сказаниях упоминается и иное средство, примененное Мефодием. Он будто бы так красочно нарисовал Борису картину страшного суда и нестерпимых мук, ожидающих на том свете язычников, что перепуганный князь сам начал умолять Мефодия окрестить его.

Вероятно, именно за заслуги Мефодия в Болгарии патриарх предложил ему высокий сан архиепископа. Но Мефодий выбрал более спокойную, тихую должность настоятеля небольшого монастыря Полихрон на азиатском берегу Мраморного моря, неподалеку от ставшей родной для Мефодия горы Олимп.

В этой должности и застал его Константин по возвращении от хазар.

## 5

Как указывалось выше, основной причиной моравского посольства к византийскому императору было стремление заручиться поддержкой Византии против все возрастающего натиска на Моравию немецких феодалов, вступивших к тому времени в переговоры о военном союзе с соседкой Моравии и Византии — Болгарией. Официальной же целью моравского посольства было приглашение в Моравию византийских миссионеров, которые могли бы вести проповедь на родном для моравов славянском языке.

Очень вероятно, что в Моравии слышали об успешной миссионерской деятельности Константина и рассчитывали именно на него. Во всяком случае на созванном по случаю моравского посольства совете император Михаил заявил, что просьбу послов никто не исполнит лучше, чем Константин Философ.

— Я знаю, — прибавил император, — что ты нездоров. Но необходимо, чтобы именно ты отправился в Моравию!

— Немоощен я телом и болен, — будто бы ответил на это Философ. — Но с радостью пойду в моравскую землю, если только они имеют азбуку своего языка. Ибо просве-

щение народа без письмен его языка, — добавил он, — подобно попыткам писать на воде!

После этого, по рассказу «Жития», Константин удалился с совета и долго молился. По свидетельству всех дошедших от того времени летописных и документальных источников, он разработал затем славянскую азбуку (какую — ни в одном из источников не сообщается); пользуясь ею, Константин (Кирилл) с помощью Мефодия перевел на славянский язык основные богослужебные книги. Так, в «Паннонском житии» Кирилла говорится, что Кирилл «тогда (т. е. перед отъездом в Моравию. — В. И.) сложи письмена и начал беседу писати евангельскую». Аналогичное свидетельство имеется и в «Паннонском житии» Мефодия: «Тут явил бог Философу славянские книги и, тотчас устроив письмена и беседу составив, поехал в Моравию». «Создателем славянского письма» называется Кирилл также в послании папы Иоанна VIII к моравскому князю Святополку (880 г.; об этом см. ниже), в «Сказании о письменах» Черноризца Храбра и во многих иных источниках.

У исследователей этого вопроса уже давно вызывал удивление очень короткий срок (не более нескольких месяцев), в течение которого, согласно «Житиям», Кирилл разработал славянскую азбуку и затем перевел на славянский язык не менее трех богослужебных книг (согласно «Паннонскому житию» — «Избранное евангелие», «Избранный апостол», «Псалтырь» и отдельные места из «Церковных служб»). В связи с этим выдвигалось предположение, что Константин начал работу над созданием азбуки и над переводом книг задолго до приезда моравского посольства. Побудительной причиной к началу такой работы могла быть миссионерская деятельность Кирилла в Болгарии, на реке Брегалнице, протекавшая за семь-восемь лет до приезда моравского посольства.

В качестве доказательства этого обычно приводится дата создания Кириллом славянской азбуки, указываемая Черноризцем Храбром. В большинстве списков его «Сказания о письменах» в качестве такой даты указывается 6363 год от сотворения мира. Согласно же принятому в Византии летосчислению, считалось, что от сотворения мира до рождества христового (условная дата, от которой мы ведем сейчас летосчисление нашей эры) прошло 5508 лет. Вычитая 5508 из 6363, получаем 855 год нашей эры, т. е. примерно тот год, когда Кирилл проводил миссионерскую деятельность на реке Брегалнице.

Противники такой датировки указывали, что наряду с византийским, существовало и другое, так называемое александрийское летосчисление. Появившись в Египте, в Александрии, оно впоследствии перешло в Сирию, Византию, а затем и в славянские страны. Согласно этому летосчислению, от сотворения мира до рождества христово насчитывалось не 5508, а 5500 лет. Следовательно, если Храбр применял александрийское летосчисление, то славянская азбука была создана не в 855, а в 863 г., т. е. вскоре после приезда в Византию моравского посольства.

За последнее время этот вопрос был подробно рассмотрен в работах болгарского ученого К. М. Куева<sup>14</sup>. В пользу 863 г., как даты создания Кириллом славянской азбуки, К. М. Кувев выдвигает четыре главных и убедительных довода.

1. В «Паннонском житии» Кирилла создание азбуки относится ко времени вскоре после приезда моравского посольства, т. е. к 863 г. Трудно предположить, чтобы столь важный факт биографии Кирилла был бы датирован в «Житии» неверно. Кроме того, не случайно разница между 855 и 863 гг. составляет 8 лет, т. е. в точности совпадает с разницей между александрийским и византийским летосчислением.

2. Указывая 863 г. в качестве даты создания Кириллом азбуки, Храбр добавляет, что это произошло во время Михаила — царя греческого, Бориса — князя болгарского, Ростислава моравского и Коцела блатенского. Годы правления Михаила (842—867 гг.), Бориса (852—889 гг.) и Ростислава (846—870 гг.) подходят к обоим возможным датам — и к 855 и к 863 г. Блатенский же князь Коцел вступил на престол лишь в 860—861 гг., а умер в 70-х годах IX в., следовательно, его правлению соответствует лишь дата 863 г. Между тем Храбр, судя по его сочинению, был очень начитан, и современная наука подтверждает правильность всех сообщаемых им фактов.

3. Храбр жил и писал свое «Сказание» в конце IX в. — в начале X в., когда Болгария достигла (при князе Борисе и царе Симеоне) своего наивысшего могущества и во всем соперничала с Византией; само сочинение Храбра было написано в основном для доказательства преимущества славянской азбуки перед греко-византийской. Сле-

<sup>14</sup> Кувев К. М. Към въпроса за началото на славянската письменност. София, 1960; *Он же*. Отново за годината, когато е била съставена славянската азбука. София, 1960.



Р и с. 2. Константин Философ показывает созданную им славянскую азбуку императору Михаилу (старинная гравюра).

довательно, Храбр должен был избрать скорее александрийское летосчисление, а не византийское.

4. В «Житии» Мефодия говорится, что тот незадолго до смерти перевел за шесть месяцев почти всю Библию. Тем более мог Мефодий, по мнению К. М. Куева, вдвоем с братом перевести за короткий срок такие сравнительно небольшие книги, как «Избранное евангелие», «Избранный апостол» и «Псалтырь». К тому же К. М. Куев доказывает, что в IX в. книги эти были еще меньше по объему, чем сейчас.

Правда, одновременно с переводом книг Кирилл разработал и свою азбуку. Между тем работа над азбукой (которая исключительно точно передавала фонетику славянской речи) требовала не меньше времени, чем перевод книг. В особенности сложным должен был быть этот труд, если Константин создавал азбуку, так сказать, «на пустом месте», т. е. если никакой славянской письменности до него не существовало. Однако дошедшие до нас летописные и иные данные свидетельствуют, что это было не так.

Наиболее подробно о создании Кириллом славянской азбуки говорится в «Сказании о письменах» Черноризца Храбра (см. с. 153—154; «юс большой» условно передается в настоящей работе буквой «у»).

«Прежде убо словене не имеху книг, — пишет Храбр, — по чротами и резамп четеху и гатааху (т. е., видимо, считали и гадали. — *В. И.*), погани суще (т. е. будучи язычниками. — *В. И.*). Крестивше же ся, римсками и греческими писмены нуждахуся (писати) словенску речь без устроения. . . И тако бешу много лета. Потом же человеколюбец бог. . . посла имь святого Константина Философа, нарицаемого Кирилла, мужа праведна и истинна, и сотвори имь 30 писмена и осмь, ова убо по чину греческихъ писмен, ова же по словенстей речи. . .»

Таким образом, согласно Храбру, славяне до принятия ими христианства применяли некие «черты и резы», т. е., видимо, какие-то примитивные знаки рунического типа; знаки эти служили славянам для счета, для гадания, для обозначения личной и племенной собственности, для календарных дат и т. п. После же принятия христианства славяне начали использовать для записи своей речи хорошо известные многим из славян латинские (на западе) и греческие (на востоке) буквы. Такое использование славянами латинских и греческих букв продолжалось, согласно Храбру, в течение очень долгого времени («и тако бешу много лета»).

Первоначально латинские и греческие буквы использовались славянами, согласно Храбру, «без устроения», т. е. с очень неточной передачей фонетики славянской речи. Это было обусловлено тем, что в греческом и латинском алфавитах отсутствовали буквы для многих звуков славянского языка; так, в греческом алфавите не было особых букв для звуков: *б, ж, з, ц, ч, ш, щ, у, ю, я*. На это Храбр прямо указывает в другом месте своего сочинения. «Но како можетъ ся, — спрашивает он, — писати добре греческими письмены: бог или живот, или зело, или церковь, или чаание, или широта, иль ядь, или уду, или юность, или язык и инаа подобнаа симъ?»

Почти несомненно также, что за долгие годы применения греческой и латинской азбук славянами эти азбуки пополнились новыми буквами или буквосочетаниями, передававшими особые звуки славянского языка.

Константин, по-видимому, знал о таком применении славянами греческого письма. Ведь согласно его «Житию», он нашел в Херсонесе Евангелие и Псалтырь, написанные «русскими письменами» и быстро научился их понимать, чему «многие удивлялись». Вероятнее всего (см. раздел 4 третьей главы), книги, найденные Константином, были написаны на восточно-славянском языке греческим

письмом, но уже несколько перестроенным, пополненным новыми славянскими буквами и буквосочетаниями и поэтому названным в «Житии» русскими письменами.

Знакомство с этими «русскими письменами» объясняет и сравнительную быстроту создания Константином славянской азбуки. Правда, и в этом случае Константину все же пришлось провести сложную филологическую работу. Во-первых, книги, найденные Константином Философом в Херсонесе, были написаны по-восточнославянски, а Константин строил азбуку применительно к южнославянской (болгаро-македонской) речи. А, во-вторых, даже если к середине IX в. и произошло некоторое приспособление греческого письма к своеобразной фонетике славянской речи, то это стихийное приспособление никак не могло бы достичь той полноты и систематичности, которыми отличаются обе старославянские азбуки.

Даже при наличии исходных материалов создание такой упорядоченной и соответствующей особенностям славянского языка азбуки, как кириллица или глаголица, было под силу лишь столь крупному ученому и тонкому филологу, каким был Константин. Ведь, согласно «Житию», Константин хорошо знал пять языков — славянский, греческий, латинский, еврейский и арабский, в совершенстве изучил грамматику и даже сам писал на эту тему ученые сочинения.

Составив новую, упорядоченную славянскую азбуку и переведя на славянский язык наиболее необходимые для церковной службы книги, Константин и Мефодий отправились в далекую Моравию.

«Жития» трогательно рассказывают о прощании Константина и Мефодия с матерью. Провожая сыновей, мать со слезами умоляла: если один из них умрет на чужбине, пусть оставшийся в живых привезет на родину хотя бы тело погибшего. Братья дали обещание, попрощались и двинулись в путь.

## 6

Для правильного понимания дальнейших событий и, в частности, героической и сложной истории борьбы Константина и Мефодия с немецко-католическим духовенством необходимо еще раз напомнить, что римско-католическая церковь представляла собой в эпоху средневековья, по определению Ф. Энгельса, наивысшее обобщение и санкцию феодального строя.

«Ясно, что при этих условиях, — пишет Энгельс, —



все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси»<sup>15</sup>. «. . . Всякая борьба против феодализма, — пишет он в другой работе, — должна была тогда принимать религиозное облачение. . .»<sup>16</sup> Поэтому не следует удивляться и тому сугубо религиозному облачению, которое приняла борьба Константина и Мефодия с немецким духовенством за славянскую народную культуру и письменность. Не следует удивляться и тому, что эта борьба внешне сводилась к защите богослужбных книг и богослужения на понятном населению Моравии славянском языке.

Летом 863 г. Константин и Мефодий после длительного и трудного путешествия прибыли наконец в гостеприимную столицу Моравии Велеград.

Пригласивший их князь Ростислав, согласно всем дошедшим до нас источникам, был любимым народом, осторожный, мудрый, но в то же время отважный и смелый правитель. Всю жизнь он боролся с немцами за независимость своей сравнительно небольшой и неокрепшей страны. Иногда Ростислав был вынужден лавировать и даже шел на уступки. Но, накопив силы, снова переходил в наступление и не раз одерживал крупные победы в сражениях со своим непримиримым врагом королем Людовиком Немецким.

В этой борьбе Ростислав погиб, вероломно преданный племянником Святополком. Но славянские народы надолго сохранили память о князе Ростиславе. Недаром даже десятилетия спустя, в другой славянской стране — в Болгарии, Черноризец Храбр, упоминая Ростислава в «Сказании о письменах», ласково называет его уменьшительным именем «князь Ростица».

Ростислав принял посланцев дружественной Византии, привезших славянскую азбуку и книги, с радостью и почетом. Восторженно встретил их, по рассказам «Житий», и моравский народ.

Сразу по прибытии в Велеград Константин и Мефодий повели большую многообразную работу. На богослуже-

---

<sup>15</sup> *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. VII. Изд. 2, с. 361.

<sup>16</sup> *Энгельс Ф.* Введение к «Развитию социализма от утопии к науке» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв., т. II. М., 1955, с. 94.

ниях в самом Велеграде и в моравских деревнях они читали по-славянски Евангелие и другие переведенные ими книги. И народ с радостным изумлением внимал родным славянским словам, впервые прозвучавшим в моравских церквах. С помощью Ростислава братья избрали себе учеников и усердно обучали их славянской азбуке и церковным службам на славянском языке. А в свободное от занятий время продолжали переводить на славянский язык привезенные греческие книги. Так, с самого приезда в Моравию Константин и Мефодий делали все возможное для скорейшего распространения в стране славянской письменности и культуры.

Постепенно моравы все более привыкали слышать в церквах родной язык. Церкви, где служба велась на латинском языке, пустели, а немецко-католическое духовенство теряло в Моравии влияние и доходы. Поэтому понятна злоба, с которой обрушивалось на братьев это духовенство. Константина и Мефодия обвиняли в ереси, в том, что они нарушают все освященные веками церковные законы, ибо сам бог избрал только три языка, на которых подобает к нему обращаться. Особенно негодовал зальцбургский архиепископ. Ведь еще Карл Великий пожаловал зальцбургскому епископату права на моравскую церковь, на десятинный сбор по всей Моравии и на треть доходов с моравских земель. А сейчас все это уплывало от могущественного архиепископа из-за дерзостных деяний каких-то византийских священника и монаха!

Прошло около полутора лет, и грозовые тучи нависли над Моравией.

В конце августа 864 г. король Людовик Немецкий, в союзе с болгарами, перешел с большим войском Дунай и осадил в крепости Довина князя Ростислава. Не имея достаточных сил для сопротивления объединенным немецким и болгарским войскам, Ростислав вынужден был принять предложенные Людовиком условия мира. Он даже признал себя вассалом Людовика.

Эти события сразу усилили позиции немецкого духовенства в Моравии. Оно принялось чинить всяческие препятствия деятельности Константина и Мефодия и, в частности, решительно отказало в посвящении их учеников в духовные звания. Братья оказались в очень трудном положении. Ведь Константин имел сан простого священника, а Мефодий был только монахом. Поэтому братья не имели права сами ставить своих учеников на церковные должности, а без этого их ученики не могли совер-

шать церковные службы. Так на пути распространения славянского обряда в Моравии возникли казалось бы почти непреодолимые препятствия.

Константину и Мефодию оставался только один выход — искать разрешения созданных немцами затруднений в Византии или Риме.

Самым естественным для них было бы, конечно, направиться в Византию. Ведь оттуда они были посланы в Моравию. Там патриарший престол все еще занимал друг и покровитель Константина Фотий, а императорский престол — пославший их в Моравию Михаил. Там им легче всего было бы получить церковный сан для их учеников.

Однако Константин и Мефодий едут почему-то не в Византию, а в Рим. В Рим, представителем которого был враг славянского богослужения — архиепископ зальцбургский. В Рим, где папский престол занимал Николай, яростно ненавидевший патриарха Фотия и всех с ним связанных. В Рим, откуда совсем недавно пришло папское послание Людовику Немецкому с вознесением молитв за успех похода Людовика против моравов.

Почему же Константин и Мефодий избрали Рим, а не Византию? На что, отправляясь туда, могли они надеяться?

«Легенды разнно отвечают на этот вопрос, — пишет автор нескольких книг о Константине и Мефодии В. А. Бильбасов<sup>17</sup>. — По одним — папа Николай, извещенный о подвигах солунских братьев в славянских землях, много порадовался тому и особым посланием пригласил их в Рим; по другим — Константин выполнял данный им некогда обет посетить Рим; по третьим — они едут в Рим, чтобы представить папе труд своего перевода священного писания; по четвертым — папа позвал солунских братьев, желая их видеть, как ангелов божьих».

Все эти объяснения столь же наивны, сколь невероятны. Поэтому многие современные исследователи считают, что хотя в конечном итоге Константин и Мефодий приехали в Рим, но их первоначальной целью была все же Византия. Эту цель братья изменили только прибыв в Венецию и получив там будто бы неожиданное для них приглашение от папы Николая.

«Вопрос о цели путешествия братьев вызвал в исторической литературе большие споры, — пишет, напри-

---

<sup>17</sup> Бильбасов В. А. Исторические монографии. СПб., 1901, с. 92.

мер, автор советского исследования о Константине и Мефодии проф. Н. Грацианский<sup>18</sup>. — Однако трудно не согласиться с теми исследователями, которые считают, что целью этого путешествия была Византия». И далее: «Братья держали путь в Венецию, потому что оттуда легко можно было попасть на один из кораблей, совершавших регулярные рейсы в Византию».

Однако достаточно свериться с картой, чтобы убедиться, что путь из Велеграда в Византию через Венецию почти в два раза длиннее прямого пути через Болгарию. Не угрожал этот короткий, прямой путь и какими-либо опасностями. Ведь Моравия граничила тогда с Болгарией, а с болгарским князем Борисом у Мефодия давно были дружеские связи.

Нет, братья, видимо, с самого начала решили ехать в Рим. С самого начала надеялись на благосклонный прием со стороны папы.

Что же могло вселить в них эти надежды?

Нам представляется, что ответ возможен только один: найденные Константином и увезенные им из Херсонеса останки Климента. Не случайно Константин не отдал эти останки митрополиту Херсонеса, не поместил их в какой-либо из византийских или моравских церквей. Не случайно, никогда не расставаясь с ними, он повсюду возил с собой эти почерневшие кости: из Херсонеса в Византию, из Византии в Моравию и, наконец, в Рим.

Тонкий дипломат, Константин предвидел, какую большую роль смогут сыграть эти останки в его судьбе.

В течение многих веков римские папы усердно собирали, скупали и даже похищали мощи различных святых, стремясь составить возможно более полную коллекцию священных останков. В особенности же ценились и тщетно разыскивались Римом мощи древнейших римских пап. Большую роль играло здесь то, что католическая церковь, стремясь обосновать свои притязания на всемирную власть, объявила первым папой самого апостола Петра. А Климент считался третьим папой после Петра, т. е. одним из самых древнейших.

Поэтому Константин мог не только надеяться, но даже мог быть уверенным, что за такую ценную реликвию, как останки Климента, папа пойдет на большие уступки,

---

<sup>18</sup> Грацианский Н. Деятельность Константина и Мефодия в Велекоморавском княжестве // Вопросы истории, 1945, № 1, с. 89.



Карта Византийской империи, царства Болгарии и Великоморавского государства в середине IX в.

вплоть до разрешения богослужения и книг на славянском языке.

Как будет показано дальше, эти надежды Константина полностью оправдались.

В середине 866 г. Константин и Мефодий в сопровождении учеников выехали из Велеграда. Вызывает удивление, почему они оба одновременно покинули Моравию в столь тяжелое и трудное для нее время. По-видимому, причиной этого было сильно ухудшившееся здоровье Константина. Мефодий не смог оставить любимого младшего брата без забот и ухода.

По пути в Венецию братья заехали в Блатноград — столицу паннонского княжества Коцела. Это был не слишком решительный, но честный, образованный и миролюбивый правитель. Превыше всего Коцел стремился к спо-

койствию и миру. И действительно, за годы правления Коцела его маленькая страна сумела остаться в стороне от бушевавших вокруг нее войн.

Хорошо понимая огромное значение для всех славянских народов дела, предпринятого Константином и Мефодием, Коцел отнесся к братьям как друг и союзник. Он выучился у них сам славянской грамоте и отправил с ними для такого же обучения и посвящения в духовный сан около пятидесяти учеников.

По прибытии в Венецию у Константина произошло бурное столкновение с местным духовенством.

«Собрались против него, — рассказывает «Житие», — латинские епископы, священники и черноризцы, как вороны на сокола, и воздвигли трехязыческую ересь».

— Горе вам, книжникам, присвоившим себе ключ разумения, — гневно ответил им, по словам «Жития», Философ. — Сами не входите и желающих не впускаете! Не на всех ли равно идет дождь божий? Не на всех ли равно светит солнце? Не все ли равно одним воздухом дышим? Как же можете вы признавать достойными только три языка, а все иные народы обрекать быть глухими и слепыми!

Здесь же, в Венеции, неожиданно для местного духовенства, но, вероятно, далеко не неожиданно для Константина и Мефодия, им вручают любезное послание от папы Николая с приглашением в Рим.

Послание это до нас не дошло. Поэтому причины и цель его тоже вызывают споры среди историков.

Умный, но нетерпимый и властолюбивый Николай несомненно слышал об успехах братьев в Моравии; по видимому, он рассчитывал отнять этих талантливых миссионеров у патриарха Фотия, которого Николай ненавидел тем яростней, чем больше замечал у Фотия сходства с собой. Незадолго до описываемых событий Фотий в ответ на проклятие Николая торжественно отлучил его от церкви, и самолюбивый Николай настолько мучительно воспринял это оскорбление, что даже тяжело заболел. Папа знал также о дружбе Мефодия с болгарским князем Борисом и надеялся любезным приемом братьев еще больше укреплять свои отношения с Болгарией; ведь эта страна только что по настоянию Николая порвала связь с византийским патриархом и признала главенство Рима. Но не менее важной причиной любезного приглашения папы должны были послужить дошедшие до Рима слухи о найденных Константином останках Климента.

Получив папское приглашение, братья продолжали путь уже почти с полной уверенностью в успехе. Этому еще больше способствовала скоропостижная смерть Николая и вступление на папский престол Адриана II.

В противоположность умному и властолюбивому Николаю, Адриан был одним из самых бессильных и нерешительных пап. Оскорбляемый и унижаемый собственными кардиналами, Адриан, услышав об останках Климента, видимо, сразу же загорелся надеждой укрепить свой престиж столь ценным пополнением римской коллекции мощей.

Во всяком случае, по рассказам «Житий» и по дошедшим до нас свидетельствам папского библиотекаря Анастасия, Константин и Мефодий были встречены в Риме с необычайным почетом, далеко превзошедшим все их надежды. В торжественной процессии, сопровождаемый духовенством и жителями Рима, сам папа вышел за город встретить привезенные Константином «мощи» Климента.

Вслед за тем Адриан с совершенно несвойственной ему решительностью тотчас же принял под свою высокую защиту богослужение на славянском языке и славянские книги. Он отдал распоряжение положить эти книги в одной из римских церквей и совершить над ними торжественную литургию. Он посвятил Мефодия в священники, а его учеников — в пресвитеры и диаконы. Он велел проводить в римских церквях в течение нескольких дней богослужение на славянском языке. Он составил послание к князьям Ростиславу и Коцелу. В этом послании в необычно резких и твердых выражениях папа подтвердил разрешение славянских книг и богослужения на славянском языке.

«Если же кто из учителей ваших, — пишет, по словам «Жития», в этом послании Адриан, — дерзновенно начнет соблазнять вас, порицая книги на языке вашем, да будет отлучен, пока не исправится. Такие люди суть волки, а не овцы. . .».

Все эти успехи достались братьям, конечно, нелегко. Искусный диалектик и опытный дипломат, Константин, по-видимому, умело использовал для этого и борьбу Рима с Византией, и колебания болгарского князя Бориса между восточной и западной церковью, и ненависть папы Николая к Фотию, и стремление Адриана укрепить свой шаткий авторитет приобретением останков Климента. При этом Константину по-прежнему были гораздо ближе

**Византия и Фотий, чем Рим и римские папы.** Но за три с половиной года его жизни и борьбы в Моравии главной, единственной целью Константина стало упрочение созданной им славянской письменности, славянского книжного дела и культуры. И ради этой цели братья готовы были использовать даже папу.

Почти два года окруженные приторной лестью и восхвалениями в сочетании со скрытыми интригами временно притихших противников славянского богослужения, Константин и Мефодий живут в Риме. Одной из причин столь долгой их задержки было все ухудшавшееся здоровье Константина. Не исключено также, что папа Адриан нарочито задерживал Константина и Мефодия, надеясь почестями и лестью постепенно подчинить братьев влиянию Рима и даже заставить их отказаться от возвращения в Моравию.

Несмотря на слабость и болезнь, Константин составляет в Риме два новых литературных произведения — «Обретение мощей святого Климента» и стихотворный гимн в честь того же Климента. Видимо, Константин хорошо понимал, как сильно помогла находка останков Климента главному делу его жизни. Согласно свидетельству библиотекаря Анастасия, составленный Константином гимн имел большой успех: он неоднократно исполнялся в греческих школах. К сожалению, и это произведение Константина до нас не дошло.

Длительное и трудное путешествие в Рим, напряженная борьба с притихшими, но по-прежнему непримиримыми врагами славянской письменности, а может быть и волнующий, но непрочный успех, подорвали и без того слабое здоровье Константина.

В начале февраля 869 г. он слег в постель, принял схиму и новое монашеское имя Кирилл, а 14 февраля скончался.

По рассказу «Жития», перед смертью Константин позвал брата, ласково поцеловал его и сказал:

«Мы тянули с тобой, брат, одну борозду, и вот, я падаю на гряде, кончаю жизнь свою, — так передает «Житие» последние слова Константина. — Я знаю, ты очень любишь свой родной Олимп. Смотри же, не покидай даже ради него наше служение. . .».

С этими словами Константин отошел от жизни.

Глубоко потрясенный смертью брата и помня об обещании, данном матери, Мефодий вскоре после похорон отправился к папе Адриану. Он умолял, по словам «Жи-



тия», разрешать увезти тело брата на родину для погребения его в родной земле.

Адриан сперва согласился исполнить просьбу Мефодия. Но посоветовавшись с кардиналами, он изменил свое решение и приказал похоронить Константина в Риме, в церкви святого Климента.

Вероятно, и в этом сказалось упорное стремление римских пап к коллекционированию останков. Возможно, кроме того, Адриан понимал, что не только живого, но даже мертвого Константина безопаснее сохранить у себя в Риме, чем отдать соперничавшей с Римом полуславянской Византии. . .

## 7

При жизни Константина неизменный, превосходящий любые ожидания успех сопутствовал всем предприятиям братьев. Со смертью талантливого брата для скромного, но самоотверженного и честного Мефодия начинается мучительный, поистине крестный путь, усеянный казалось бы непреодолимыми препятствиями, опасностями и неудачами. Но одинокий Мефодий упрямо, ни в чем не уступая врагам, проходит этот путь до самого конца.

Правда, на пороге этого пути Мефодий сравнительно легко достигает нового большого успеха. Но успех этот тотчас же порождает еще бóльшую бурю гнева и сопротивления в стане врагов славянской письменности и культуры.

По пути из Рима в Моравию Мефодий навещает своего недавно обретенного друга князя Коцела, чтобы передать ему послание папы Адриана.

Узнав о победе, одержанной братьями в Риме, Коцел советует Мефодию попытаться получить от папы еще одну важную уступку. Ведь Мефодия посветили в Риме в простые священники, а его главный враг имеет сан архиепископа зальцбургского. Под силу ли будет священнику бороться с архиепископом? Не следует ли Мефодию попробовать уговорить папу присвоить ему звание если не архиепископа, то хотя бы епископа? Ведь в римско-католической церкви с ее строгой иерархией звание и сан ценятся превыше всех заслуг.

Убежденный этими доводами, Мефодий возвращается в Рим.

Папа Адриан благосклонно и милостиво встречает новую просьбу Мефодия. Он посвящает Мефодия в высокий сан архиепископа Моравии и Паннонии. Очень воз-

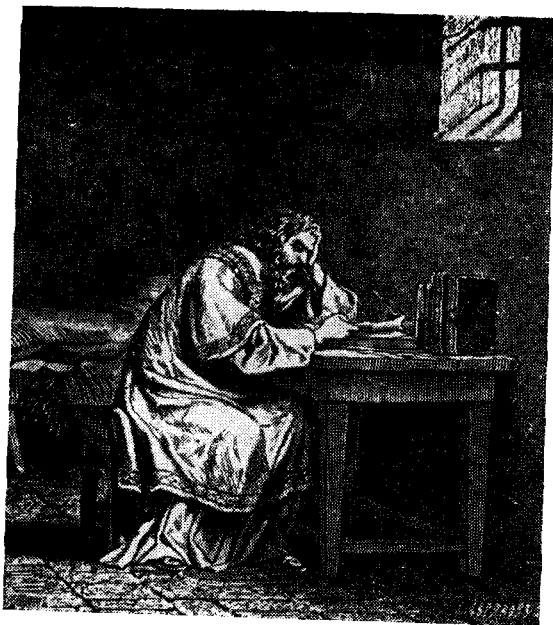


Рис. 3. Мефодий в заточении в швабской темнице (старинная гравюра).

можно, что, кроме благодарности за оказанную ему братьями услугу, на решение папы повлияли также и очередные тревожные события в Болгарии. Искусно игравший на соперничестве Византии и Рима болгарский князь Борис в 870 г. внезапно порвал с Римом и вновь признал главенство византийского патриарха. А потеря Болгарии, естественно, побуждала папу к всемерному укреплению его отношений со славянами Моравии и Паннонии.

Окрыленный этим новым успехом, Мефодий возвращается к Коцелу. При неизменной помощи князя он развертывает вместе с учениками большую и кипучую работу по распространению славянского богослужения, письменности и книг в Блатенском княжестве и в соседней Моравии.

Мефодий даже не подозревает, что именно сейчас и начинается самая трудная часть его жизненного пути.

Неожиданное назначение дерзкого греческого монаха архиепископом всей Моравии и Паннонии вызывает буквально взрыв ярости у немецких епископов и прелатов,

давно привыкших к получению доходов с этих славянских земель. Не решаясь открыто выступить против решения самого папы, они начинают плести вокруг Мефодия такую сложную сеть интриг, предательства, доносов и подлогов, на которую была способна только римско-католическая церковь.

Свой первый рассчитанный удар немцы наносят по князю Ростиславу — главному покровителю Мефодия и отважному борцу за независимость Моравии.

Оправившись после поражения под Довиной и накопив силы, князь Ростислав разрывает унижительное соглашение, заключенное в 864 г. с Людовиком Немецким. В течение нескольких лет Ростислав успешно отбивает немецкие атаки, а в конце 869 г. наносит немцам крупное поражение.

Почувствовав невозможность победить моравского князя в открытом бою, Людовик Немецкий и его друг архиепископ зальцбургский тайно сговариваются с племянником Ростислава Святополком. Устроив засаду, Святополк вероломно захватывает Ростислава и передает его в руки немцев. По приказу Людовика пленнику выкалывают глаза и затем заключают в темницу при одном из баварских монастырей, где Ростислав вскоре умирает. Ничего не достиг предательством и Святополк. Избавившись от самого опасного противника, немцы присоединили Моравию к своим владениям. Святополку же оставили небольшое вассальное княжество, а затем отняли и это княжество и заключили его в темницу.

У Мефодия остался только один сторонник — князь Коцел. Но небольшое и слабое блатенское княжество, конечно, не в состоянии было оказать сопротивление немецким войскам. Да Коцел никогда и не решился бы на такое сопротивление.

Поэтому, расправившись с Ростиславом, немцы, подстрекаемые архиепископом зальцбургским, организовали расправу и со вторым своим упорным противником — Мефодием. Они арестовали Мефодия и устроили над ним суд.

«Жития» подробно рассказывают об этом суде. Есть упоминания о нем и в папских письмах. Согласно этим источникам, судили Мефодия баварские епископы, доходы которых особенно страдали от его деятельности. Присутствовал будто бы на суде и сам Людовик Немецкий. Епископы обвиняли Мефодия в том, что тот незаконно присвоил себе духовную власть в областях, издавна

находившихся в ведении зальцбургского архиепископства.

— Ты учишь в нашем царстве! — гневно кричали они Мефодию.

☐ Мефодий держался на суде с достоинством и твердостью. Он отстаивал правоту своего чела, опираясь к тому же на папское решение.

— Берегитесь, — заявлял он. — Стремясь пробить головой железную гору, как бы не повредили вы себе мозга!

— Худо тебе будет, Мефодий, за такие речи! — угрожающе кричали в ответ епископы.

Согласно свидетельству папских писем, Мефодия били кулаками, а один из епископов, Эрменрих, пытался ударить его по лицу бичом.

— Я говорю истину даже перед королями, — гордо отвечал Мефодий. — Можете делать со мной, что хотите. Я не слабей тех, что уже приняли мученический венец за слова правды!

Первоначально не принимавший участия в споре Людовик Немецкий, услышав о королях, не выдержал и вмешался.

— Не утомляйте моего Мефодия, — насмешливо сказал Людовик. — Он уже начинает потеть, как будто стоит у печки!

— Да, государь, — возразил Мефодий. — Но когда одного философа спросили, отчего он вспотел, тот ответил: «Оттого, что спорил с глупцами!».

Ничего не добившись в споре, епископы, с санкции короля, присудили Мефодия к тюремному заключению.

Почти два с половиной года Мефодий провел в холодной, сырой темнице в далекой Швабии.

Между тем положение в Моравии снова резко изменилось.

В самом конце 870 г., вскоре же после пленения и ослепления немцами Ростислава и суда над Мефодием, в Моравии вспыхнуло народное восстание. Восстанием руководил моравский священник Славомир, по-видимому, один из учеников Мефодия. Славомир нанес поражение немецким войскам и захватил столицу Моравии Велеград.

Испуганные этим немцы решили снова использовать Святополка. Стремясь внести раскол в стан восставших, они освободили Святополка и назначили его начальником войск, действующих против повстанцев. Однако Святополк, уже узнавший однажды благодарность своих немецких друзей, поступил с ними так же, как с Ростис-

славом. Расположив войска у стен Велеграда, Святополк отправился в город якобы для переговоров с восставшими об их сдаче. В действительности же, выговорив себе княжескую корону, он во главе повстанцев внезапно напал на оставшиеся без руководства немецкие войска и наголову их разбил. Освободив таким образом Моравию, вероломный Святополк заключил союз с чехами и сербами и нанес один за другим сокрушительные удары по немецким войскам.

Почти четыре года длилась безуспешная война немцев с их бывшим союзником. В 874 г. немцы заключили со Святополком мир и признали независимость Моравии.

К этому времени произошли изменения и в судьбе Мефодия.

Несколько лет немцам удавалось скрывать от Рима их расправу с архиепископом, назначенным папой. Правда, до Рима иногда доходили смутные слухи о событиях в Моравии. Но когда посещавших Рим немецких епископов спрашивали об этих событиях, они все отрицали. А один из участников суда над Мефодием, епископ фрейзингенский, на вопрос о судьбе Мефодия нагло ответил, что даже не знает этого человека.

Лишь через два с половиной года после суда над Мефодием новый папа — Иоанн VIII, сменивший скончавшегося Адриана II, узнал от приехавшего из Моравии бродячего монаха 'Лазаря' об аресте Мефодия. Беспринципного Иоанна мало интересовал сам Мефодий и дело, за которое тот боролся. Больше того, Иоанн далеко не сочувственно, даже враждебно относился к славянскому богослужению. Но папа не мог допустить, чтобы архиепископ, назначенный в Моравию его предшественником Адрианом, был смещен со своего поста без папского соизволения. Да и как посмели простые епископы судить более высокого по сану, чем они, архиепископа! Иоанн усмотрел в этом дерзкий вызов авторитету папского престола и всей установленной Римом строгой церковной иерархии.

Поэтому Иоанн немедленно послал в Моравию епископа авконского Павла, с поручением расследовать происшедшее. Одновременно в письмах к Людовику Немецкому, его сыну Карломану и к зальцбургскому архиепископу Иоанн повелел освободить и восстановить Мефодия в его архиепископских правах. Однако богослужение на славянском языке папа Иоанн категорически запретил, а славянскую речь разрешил только для церковных проповедей.

Напуганные гневом папы, немецкие епископы освободили Мефодия.

Он снова поселился в столице Моравии Велеграде и вступил в архиепископские права. Но Мефодий никогда не интересовал архиепископский сан сам по себе. Он видел в этом сани лишь средство для продолжения той борьбы, которую он начал более десяти лет назад вместе с братом. Поэтому, вопреки запрещению папы, Мефодий продолжал в Моравии богослужение на славянском языке. Он решился на этот опасный шаг несмотря на то, что к тому времени у него уже не осталось ни одного покровителя. Отважный Ростислав давно погиб в баварской темнице, умер и слабый, но честный Коцел. А на поддержку Святополка Мефодий, конечно, даже не рассчитывал.

В круг своей деятельности Мефодий вовлек на этот раз и другие, соседние с Моравией, славянские народы. Он крестил чешского князя Боривоя с его супругой Людмилой и некоего польского князя с Вислы. Все эти князья приняли славянское богослужение, славянскую азбуку и книги; одновременно они вступили в военный союз с Моравией для совместной борьбы против немецких завоевателей.

Все это побудило немецкое духовенство предпринять новые действия против Мефодия.

Не надеясь в сложившейся неблагоприятной для них обстановке на собственные силы, немцы снова избирают Святополка в качестве своего орудия. Они искусно используют страстный, необузданный характер Святополка, которого «жития» описывают как «грубого варвара», «с умом, помраченным нечистотою плотоугодия» и как «раба женских удовольствий». Всячески потакая страстям князя, немецкие священники ловко настраивают его против Мефодия. Этому способствует также то, что чистый и строгий нравом Мефодий открыто осуждал поведение Святополка. Одновременно немцы стараются напугать Святополка, нашептывая ему о дерзком нарушении Мефодием приказа папы Иоанна, запретившего славянское богослужение.

В результате Святополк совершает еще одно очередное предательство. Он пишет в Рим донос на своего архиепископа, обвиняя его в ереси, в нарушении канонов католической церкви и в ослушании папы.

Иоанн VIII вызывает Мефодия для объяснений. Вместе с Мефодием отправляется в Рим и главный зачинщик

немецкой интриги, любимый фаворит Святополка священник Викинг.

Но несмотря на клевету и происки Викинга, Мефодию удается не только оправдаться, но даже склонить папу Иоанна на свою сторону.

Как удалось Мефодию снова добиться такого успеха, остается неясным. Возможно, Мефодий убедил Иоанна, что отмена разрешения, данного моравам папой Адрианом, нанесет урон папскому авторитету не только в Моравии и других славянских странах, но даже в самом Риме. Ведь многие римляне еще помнили торжественную литургию, совершенную по приказу Адриана над славянскими книгами, и богослужение на славянском языке в римских церквях. Вероятно, Мефодий, кроме того, дал понять папе, что запрещение славянского богослужения вынудит моравов по примеру болгар отворотиться от Рима к Византии.

Иоанн VIII как искусный политик учитывал опасность потери Западной церковью таких важных приобретений, как Моравия и Паннония. Правда, он знал, что Святополк дружит сейчас с немецким духовенством. Но помня о трагической гибели Ростислава и о судьбе немецких войск, доверенных некогда Святополку, Иоанн, конечно, не очень-то полагался на прочность этой дружбы. Принимал во внимание он и то, что византийский престол после смерти императора Михаила уже шесть лет занимает славянин Василий Македонец. А Иоанн, соперничая с Византией, в то же время очень нуждался в ее поддержке против возросшего натиска сарацин.

Во всяком случае, Иоанн нашел выгодным поддержать Мефодия. Поэтому в письме, отправленном Святополку, Иоанн повелевает: «Мы приказываем вам принять Мефодия, как собственного вашего пастыря, с почестями, должным вниманием и радостью, так как мы утвердили за ним привилегию его архиепископства и определили, что это должно оставаться на веки веков».

Столь же легко, как он отменил год назад разрешение, данное его предшественником Адрианом, папа Иоанн отменяет сейчас и свое собственное указание: он снова разрешает Мефодию богослужение на славянском языке. Правда, лукавый Иоанн сохраняет для себя и для Святополка возможность пересмотра и этого решения. «Если тебе и твоим приближенным, — пишет папа Святополку, — более угодно слушать обедни на латинском языке, предписываем, чтобы они торжественно справлялись по-

латыни». Не доверяя и Мефодию, папа назначает ему в епископы Викинга — одного из самых ярых противников Мефодия.

Результаты такого двойственного решения не замедлили сказаться.

Ободренный назначением в епископы, ловкий интриган Викинг фабрикует подложное письмо от папы к Святополку. Тотчас по возвращении в Велеград Викинг торжественно предъявляет это письмо моравскому князю. В этом письме, прямо противоположном по содержанию письму, переданному папой Мефодию, славянское богослужение не разрешается, а наоборот, запрещается, и верховным распорядителем моравской церкви назначается не Мефодий, а Викинг; ему же будто бы поручается наблюдать за поведением Мефодия.

Друг Викинга Святополк признает это письмо подлинным, а письмо, привезенное Мефодием, — подложным. Он даже отдает распоряжение подготовить народное собрание для разбора обвинения Мефодия в подделке папского послания.

Ничего не понимая в случившемся, даже не подозревая возможности столь дерзкого подлога, Мефодий спешно направляет к папе гонца. Он просит разъяснить, что могло побудить Иоанна дать Викингу письмо, полностью противоречащее тому, которое папа вручил Мефодию.

Между тем в Велеграде созывается народное собрание по обвинению Мефодия в подлоге. Ему угрожает изгнание из Моравии.

«Собрались тогда все моравяне, — образно описывает «Житие», — и велели прочесть перед ними послание папы, чтобы услышать об изгнании. Все... печалились и скорбели, лишаясь такого пастыря и учителя, кроме слабых, которых увлекал обман, как ветер листья».

Враги Мефодия уже торжествовали.

«Папа дал нам власть, — ликуя восклицали они, — а Мефодия велел изгнать вместе с учением его!»

Однако именно в этот момент, согласно «Житию», приходит ответное послание папы Иоанна. В этом, сохранившемся до нашего времени послании Иоанн сообщает, что никаких других писем, кроме врученного Мефодию, он Святополку не посылал: «Никакое другое послание от нас к нему не было писано, и мы ни открыто, ни тайно не приказывали тому епископу и не предписывали ему делать что либо иное, чем ты делаешь. Еще менее заслуживает вероятия то, будто бы мы взяли с того епископа



клятву, так как мы даже и в разговоре ничего не говорили ему об этом деле. Поэтому да уничтожится это сомнение в тебе!»

Сфабрикованный Викингом подлог полностью разоблачается.

«Посрамленные этим враги, — красочно рассказывают «Жития», — со стыдом разошлись, как туман», а сам Викинг «предан был Мефодием с анафемою сатане вместе с сонмом людей с ним бесновавшихся».

Однако Святополк все же не удалил от себя своего фаворита Викинга.

До предела утомленный и измученный всеми этими нескончаемыми интригами, подлогами и доносами, чувствуя, что его здоровье непрерывно слабеет, Мефодий уехал отдохнуть в Византию.

Несмотря на неоднократные попытки получить для славянского богослужения и письменности поддержку Рима, Мефодий по-прежнему тяготел к Востоку. Но Византия была от Моравии очень далека, а Рим и силен, и близок. Однако, почувствовав веяние смерти, Мефодий решился даже на риск разрыва с папой. Он не мог преодолеть желания хотя бы еще один, последний раз повидать любимую родину, покинутую им почти двадцать лет назад.

Патриарх Фотий и император Василий Македонец встретили Мефодия приветливо и ласково. Мефодий провел на родине почти три года. Что он делает там, «Жития» не сообщают. Вероятно, одинокий старик посещает свою любимую тихую обитель на горе Олимп, могилы родителей и братьев, беседует с немногими оставшимися живых друзьями.

В середине 884 г. Мефодий возвращается в Моравию. В Византии, по свидетельству «Жития», он оставляет двух своих учеников — священника и диакона с книгами. Есть предположения<sup>19</sup>, что этими «священником и диаконом» были появившиеся затем в Болгарии и прославившиеся там своими литературными трудами мефодиевские ученики Константин Преславский и Григорий Пресвитер Мних.

По возвращении в Велеград усталый, все больше стареющий Мефодий, «удалившись, по словам «Жития», от шума и возложив заботы на бога, посадил двух своих

<sup>19</sup> Георгиев Е. Расцветът на българската литература в IX—X вв. София, 1962, с. 300—301.

учеников священников-сорописцев и в скором времени перевел с греческого языка на славянский все книги (библейские) сполна, кроме Маккавейских. в течение шести месяцев».

Окончив этот тяжелый труд, Мефодий еще больше ослаб. Он уже редко поднимался с постели.

Не покидавшие его в эти дни ученики с тревогой наблюдали, как силы покидают учителя. Предчувствуя неминуемый исход, они просили, чтобы Мефодий назначил себе преемника. Мефодий указал на одного из своих учеников — Горазда.

В вербное воскресенье Мефодий попросил отнести его в церковь. Он обратился там с прощальным словом к моравскому народу, которому отдал больше трети своей жизни. В этом прощальном слове Мефодий предупреждал о тяжелых испытаниях, которые еще предстоит перенести его ученикам и сторонникам.

— Я не молчал из страха и всегда бодрствовал на страже, — говорил Мефодий. — И теперь повторяю вам: будьте осторожны, охраняйте сердца ваши и братьев ваших; вы будете ходить среди козней. Дни мои сочтены. После моей кончины придут к вам лютые волки, они будут пытаться соблазнить народ. Но вы им противустойте!

В тот же день, 19 апреля 885 г. Мефодий скончался. Похоронен он был в Велеграде.

## 8

Незадолго до этого искусный полководец Святополк нанес новые тяжелые поражения немецким войскам. Он, в частности, отнял у них захваченное ими после смерти Коцела блатенское княжество. Таким образом Святополк мог бы вполне обеспечить развитие в Моравии, в Паннонии, а возможно, и в соседних славянских странах близкой народу славянской письменности и культуры.

Но Святополк оставался Святополком. Похоронив Мефодия, он предоставляет полную свободу действий яростному врагу славянской культуры своему фавориту епископу Викингу. Тот тотчас же направляется с новым доносом в Рим. Викинг обвиняет Мефодия в ереси, а также в тайном соглашении с Фотием, будто бы заключенном Мефодием во время его поездки в Византию.

Вступивший к тому времени на престол папа Стефан V, обеспокоенный и разгневанный сообщением Ви-

кинга, присылает в Моравию трех своих легатов с поручением разобраться в происходящем.

В дошедшем до нашего времени папском письме князю Святополку и в инструкциях легатам Стефан V снова запрещает под страхом церковного отлучения славянское богослужение и отменяет, как незаконное, назначение Горазда преемником Мефодия. Стефан всячески восхваляет Викинга, Мефодия же резко упрекает: «Много мы удивлялись, слыша, что Мефодий стремится к лжеучению, не к назиданию, ко вражде же, а не к миру. И если это так, то мы осуждаем его заблуждения. Проклятие же, которое он изрек в презрение к католической вере, да обернется на его голову. . .»

О дальнейших событиях в Моравии рассказывают «Жития» мефодиевых учеников Климента и Наума.

Согласно этим рассказам, Викинг, опираясь на послание Стефана V, отстранил Горазда и захватил всю власть в моравской церкви. Спротивление же учеников Мефодия он изображал Святополку как дерзкий бунт против папы и против самого Святополка.

Все, что известно о Святополке, показывает его искусным воином и дипломатом, но полностью равнодушным как к церковным делам, так и к общеславянским интересам. По-видимому, Святополку очень надоели непрерывные распри между сторонниками Викинга и учениками Мефодия, поэтому, по словам «Жития», он будто бы принял следующее оригинальное решение: «Кто первый придет и поклянется, что верует истинно и православно, о том я буду судить, что он нисколько не преткнется и не уклонится от точного смысла веры. Тому и церковь вручу и предоставлю заведование делами церковными. . .»

Согласно «Житию» Климента, сторонники Викинга сумели опередить учеников Мефодия, поэтому Святополк решил дело в их пользу. Он предоставил Викингу право как угодно расправляться с противниками.

Викинг немедленно воспользовался этим правом.

«Иных мучили бесчеловечно, у других расхищали дома, с нечестием соединяя любостяжание, — с горестью рассказывает «Житие» Климента о последовавших событиях. — Иных нагими влачили по терновнику и притом людей престарелых, которые преступили уже за пределы жизни человеческой, намеченные у Давида. А пресвитеров и диаконов, тех, которые были моложе, продавали. . . Всех же их было немало, но до двухсот считалось служителей алтаря, как мы сказали прежде. . .» Согласно



Р и с. 4. Сожжение славянских книг немецко-католическими монахами (старинная гравюра).

«Житию» Наума, проданные в рабство были привезены их хозяевами в Венецию. Прослышавший об этом посол византийского императора Василия Македонца «одних купил», а «других взял так» и отправил всех в Византию. Оттуда некоторые переехали потом в Болгарию, чтобы продолжать в этой стране дело, завещанное Мефодием.

Самых же главных сторонников славянских книг, ближайших учеников Мефодия — Горазда, Климента, Наума, Ангелария и Лаврентия по распоряжению Викинга, «заковавши в железо, держали в темнице» и «истязали ударами». Потом, по свидетельству «Жития», «отдали их воинам, приказав отвезти их в придунайские земли, как обреченных на вечное изгнание. Воины, люди грубые — немцы бо — отняли у них одежды и повели их нагими. Они прикладывали к шеям мечи и подставляли к их бокам копыя, глумясь и муча. . . Затем воины покинули их и возвратились в город. . .»

Видимо, подверглись уничтожению и славянские книги.

Изгнание из Моравии ближайших учеников Мефодия произошло в 886 г.

Через четыре года, в 890 г., папа Стефан V счел нужным еще раз предать анафеме славянские книги и славянское богослужение. «Властью бога и нашей апостольской властью, — пишет папа, — мы запрещаем славянское бо-

гослужение под страхом уз проклятия». Еще через 25 лет, около 915 г., это запрещение повторяет в своем послании папа Иоанн X. Все это показывает, что, несмотря на жестокие преследования, славянская письменность и богослужение, хотя и тайно, по продолжали сохраняться в Моравии.

Кто же мог возобновить в Моравии дело Кирилла и Мефодия?

Вероятнее всего, в Моравию тайно вернулся из изгнания преемник Мефодия Горазд вместе с другим любимейшим мефодиевым учеником Лаврентием. Ведь именно Горазду поручил Мефодий руководство моравской церковью и продолжение борьбы за славянскую письменность. Горазд и Лаврентий были и среди пяти ближайших сподвижников Мефодия, изгнанных сторонниками Викинга в Болгарию. Но в Болгарии из них оказались только трое — Климент, Наум и Ангеларий. Следы же Горазда и Лаврентия с момента их изгнания загадочно исчезли. Между тем славянское богослужение в Моравии, несмотря на изгнание сподвижников Мефодия, не прекратилось.

К сожалению, здесь, как и во многом ином, связанном с происхождением славянской письменности, возможны только более или менее вероятные гипотезы.

Вскоре после смерти Святополка немцы, уничтожившие при его содействии славянскую культуру в Моравии, уничтожили и само моравское княжество. В 905 г. Моравия была завоевана объединившимися немецко-мадьярскими войсками.

Почти одновременно с Моравией были вытеснены заложённые Мефодием начатки славянской письменности также из Польши и Чехии.

## 9

Как указывалось, трое из пяти изгнанных из Моравии учеников Мефодия поселились в Болгарии.

Правивший тогда Болгарией князь Борис-Михаил (852—889 гг.) понимал, какую большую роль могут сыграть самостоятельная славянская письменность и литература в борьбе за независимость и процветание Болгарии. Поэтому князь помог ученикам Мефодия устроиться на новой родине и оказал всемерную поддержку их деятельности.

Наибольшего могущества и высшего культурного подъема средневековая Болгария достигла при царе Симеоне (893—927 гг.).

Воспитанный при византийском дворе, высокообразо-

ванный, искусный и культурный правитель, Симеон стремился увековечить свое царствование крупными архитектурными памятниками<sup>20</sup>, покровительствовал литературе и искусству и даже сам занимался литературой.

При царе Симеоне Болгария успешно соперничает как в военно-политическом, так и культурном отношении с самой Византией. При этом Симеон всячески стремится к культурно-политической независимости и обособлению Болгарии. Так, почти сразу же после вступления на престол, в 894 г., Симеон признает славянский язык официальным языком болгарской церкви; в 919 г., после двух победоносных войн с Византией, он принимает титул императора и организует избрание самостоятельного болгарского патриарха. Не случайно в этот период появляется и такое произведение, как «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, в котором доказывается превосходство славянской письменности над греческой.

Наряду с местными болгарскими писателями и учеными Иоанном Экзархом Болгарским, Тодором Доксовым, Черноризцем Храбром и самим царем Симеоном большую роль в расцвете болгарской письменности и литературы того времени играют переселившиеся в Болгарию ближайшие мефодиевы ученики: Климент Охридский (умер в 916 г.), Наум Охридский (умер в 910 г.), Ангеларий (IX—X вв.), а также Константин Преславский (умер, вероятно, в 20—30-х годах X в.) и Григорий Пресвитер Мних. Они продолжают начатые Константином и Мефодием переводы с греческого на славянский, принимают участие в составлении различных литературных сборников, пишут сами и сильно способствуют широкому распространению грамотности в Болгарии; так, согласно преданию, только один Климент обучил грамоте три с половиной тысячи человек. При их участии создаются крупные литературные школы: одна в столице Болгарии Преславе, другая в юго-западной Македонии, в Охриде, а Пантелеймонов монастырь в Преславе превращается в нечто вроде литературной академии<sup>21</sup>.

В значительной мере благодаря мефодиевым ученикам годы правления царя Симеона получили даже наименование «золотого века» болгарской литературы.

<sup>20</sup> Блеск и богатство дворцовых зданий в столице Симеона Преславе ярко описаны в «Шестодневе» Иоанна Экзарха, писателя того времени.

<sup>21</sup> Георгиев Е. Расцветът на българската литература в IX—X вв. София, 1962.

Заметно тускнеет этот «золотой век» уже при наследнике Симеона царе Петре (927—969 гг.). А с одиннадцатого столетия центр славянской письменности, литературы и книжного дела постепенно перемещается в Киевскую Русь.

Но одной из важнейших основ всех этих, а также последующих успехов письменности и литературы восточных и южных славян была и остается благородная деятельность великих славянских просветителей Кирилла и Мефодия.

## Глава 2

### **Что представляли собой азбуки кириллица и глаголица и на какой основе они были созданы**

От периода деятельности Константина Философа, его брата Мефодия и их ближайших учеников, т. е. от второй половины девятого века, до нас не дошло, к сожалению, никаких письменных памятников, если не считать сравнительно недавно обнаруженных надписей на развалинах церкви царя Симеона в Преславе (Болгария). Надписи эти (см. рис. 8) одними учеными (например, Е. Георгиевым) относятся к последним годам IX в.; другие ученые оспаривают эту датировку и относят преславские надписи к X—XI вв. К X в. относятся и все остальные дошедшие до нас древнейшие славянские надписи, а также наиболее древние рукописи.

И вот, оказывается, что эти древнейшие надписи и рукописи выполнены были не одной, а двумя графическими разновидностями старославянского письма. Одна из них получила условное название «кириллицы» (от имени Кирилл, принятого Константином Философом при его пострижении в монахи); другая же получила название «глаголицы» (от старославянского «глагол», что означает «слово»).

Наличие таких двух графических разновидностей славянского письма до сих пор вызывает большие споры среди ученых. Ведь согласно единодушному свидетельству всех летописных и документальных источников, Константин Философ перед отъездом в Моравию разработал какую-то одну славянскую азбуку. Откуда же, как и когда появилась вторая азбука? И какая из двух азбук — кириллица или глаголица — была создана Константином?

С этими вопросами тесно связаны другие, может быть еще более важные. А не существовало ли у славян какой-то письменности до введения азбуки, разработанной Констан-



тином? И если такая письменность существовала, то что она собой представляла, как возникла и какие общественные нужды обслуживала?

## 1

Прежде чем перейти к рассмотрению этих сложных, до конца еще не решенных наукой вопросов, нужно познакомиться с древнейшими славянскими азбуками — кириллицей и глаголицей. По своему алфавитно-буквенному составу кириллица и глаголица почти совпадали.

Кириллица, по дошедшим до нас рукописям XI в., имела 43 буквы (рис. 5, 6). Глаголица, согласно памятникам примерно того же времени, имела 40 букв. Из 40 глаголических букв 39 служили для передачи почти тех же звуков, что буквы кириллицы, а одна глаголическая буква — «дєрвь», отсутствовавшая в кирилловском алфавите<sup>1</sup>, предназначалась для передачи палатального (мягкого) согласного *g*; в древнейших из дошедших до нас глаголических памятниках X—XI вв., «дєрвь» обычно служила для передачи звука *g*, стоящего перед гласными *e*, *i* (например, в слове «ангел») <sup>2</sup>. Отсутствовали в глаголице буквы, аналогичные кирилловским «пси», «кси», а также йотированные *э*, *а*.

Таков был алфавитный состав кириллицы и глаголицы в XI в. В IX—X вв. их состав был, видимо, несколько иной.

Так, в начальном составе кириллицы<sup>3</sup>, по-видимому, еще не было четырех йотированных букв (двух йотированных «юсов», а также йотированных *а*, *э*). Это подтверждается тем, что в древнейших болгарских кирилловских рукописях и надписях отсутствуют все четыре указанные буквы (надпись царя Самуила, «Листки Ундольского») или же некоторые из них («Саввина книга», «Супрасльская рукопись»). Кроме того, буква «ук» (оу) первоначально, вероятно, воспринималась не как особая буква, а как сочетание из «он» и «ижицы». Таким образом, начальная кириллица имела не 43, а 38 букв.

Соответственно в начальном составе глаголицы, по-видимому, имелись не два, а только один «малый юс» (тот, который впоследствии получил значение и название

<sup>1</sup> В некоторых более поздних кирилловских памятниках тоже появилась (под влиянием глаголицы) буква, аналогичная «дєрви» (ћ).

<sup>2</sup> Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951, с. 56.

<sup>3</sup> Там же, с. 39.

А	А А А А а а	Ф	Ф Ф Ф Ф ф ф
Б	Б Б Б Б б	Х	Х х х х х х
В	В В в в в	Ѡ	Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ Ѡ
Г	Г Г г	Ц	Ц Ц Ц Ц ц
Д	Д Д Д Д д	Ч	Ч ч ч ч ч ч
Е	Е Е Е Е е е	Ш	Ш ш ш ш
Ж	Ж Ж ж ж ж ж	Щ	Щ щ щ щ щ щ
З	З З з з з з	Ъ	Ъ ъ ъ ъ ъ ъ
И	И И и и и и	Ы	Ы ы ы ы ы ы
І	І І і і і і	Ь	Ь ь ь ь ь ь
К	К К к к к к	Ю	Ю ю ю ю ю ю
Л	Л Л л л л л	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
М	М М м м м м	Н	Н Н н н н н
Н	Н Н н н н н	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
О	О О о	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
П	П П п п п п	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Р	Р Р р р р р р	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
С	С С с с с с	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
Т	Т Т т т т т	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ
У	У У у у у у	Ѧ	Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ Ѧ

Р и с. 5. Графические варианты кирилловских букв, встречающиеся в русских рукописях XI в. (по Черепнину).

Греческие буквы (византийский устав)		Славянские буквы — кириллица и глаголица					
Названия букв	Звуковые значения букв	Форма букв	Форма букв		Звуковые значения букв	Цифровые значения букв	
			кириллица	глаголица		кириллица	глаголица
альфа	а	α	А	ⱁ	аз	1	1
бета, (вита)	б, затем в	β	Б	ⱂ	буки	2	2
гамма	г	γ	В	ⱃ	веди	3	3
дельта	д	δ	Г	ⱄ	глаголь	4	4
э псилон	э (краткое)	ε	Δ	ⱅ	добро	5	5
(дигамма)	—	—	Ε	ⱆ	есть***	6	6
дзета	(w)	(F→S)	Ϝ	ⱇ	живете	7	7
эта (ита)	дзэ	Z	Ϛ	ⱈ	зело**	8	8
	э (долгое, "и")	η	Ζ	ⱉ	земля***	9	9
	и (краткое)	ι	Η	ⱊ	иже***	20	20
иота	—	—	Ι	ⱋ	и*	10	10
каппа	к	κ	(h) К	ⱌ	дерево	—	30
ламбда	л	λ	К	ⱍ	како	—	40
ми	м	μ	Л	ⱎ	люди	20	40
ни	н	ν	М	ⱏ	мысле	30	50
о микрон	о (краткое)	ο	Ν	ⱐ	наш***	40	60
пи	—	—	Ο	ⱑ	он	50	70
ро	р	ρ	П	ⱒ	покой	70	80
сигма	с	σ	Р	ⱓ	рцы	80	90
тау	т	τ	С	ⱔ	слово	100	100
—	—	—	Τ	ⱕ	твердо	200	200
фи	ф	φ	Ф	ⱖ	ук***	300	300
хи	х	χ	Ф	ⱗ	ферт	—	400
			Χ	ⱘ	ха	500	500
				ⱙ		600	600



«йотированного малого юса»), служивший для обозначения как йотированного, так и нейотированного носового гласного звука э<sup>н</sup>. Второй «малый юс» (получивший впоследствии значение и название «нейотированного малого юса») в первоначальной глаголице, по-видимому, отсутствовал; это подтверждается графикой древнейшей глаголической рукописи — «Киевских листков»<sup>4</sup>. Возможно, отсутствовал в начальной глаголице и один из двух «больших юсов» (получивший впоследствии значение и название «йотированного большого юса»); во всяком случае происхождение формы этой глаголической буквы очень неясно и, вероятно, объясняется подражанием поздней кириллице. Таким образом, начальная глаголица имела не 40, а 38—39 букв.

Подобно буквам греческого алфавита, глаголические и кирилловские буквы имели, кроме звукового, также и цифровое значение, т. е. применялись для обозначения не только звуков речи, но и чисел (см. табл. 1). При этом девять букв служили для обозначения единиц (от 1 до 9), девять — для десятков (от 10 до 90) и девять — для сотен (от 100 до 900). В глаголице, кроме того, одна из букв обозначала тысячу; в кириллице для обозначения тысяч применялся особый знак. Для того чтобы указать, что буква обозначает число, а не звук, буква обычно выделялась с обеих сторон точками и над ней проставлялась особая горизонтальная черточка — «титло» (-).

В кириллице (табл. 2) цифровые значения имели, как правило, только буквы, заимствованные из греческого алфавита: при этом за каждой из 24 таких букв было закреплено то самое цифровое значение, которое эта буква имела в греческой цифровой системе. Исключением были только числа 6, 90 и 900. В греческой цифровой системе для передачи этих чисел применялись буквы «дигамма», «коппа», «сампи», давно утерявшие в греческом письме свое звуковое значение и использовавшиеся только как цифры. В кириллицу эти греческие буквы не вошли. Поэтому для передачи числа 6 в кириллице была использована новая славянская буква «зело» (вместо греческой «дигаммы»), для 90 — «червь» (наряду с иногда применявшейся «коппой») и для 900 — «цы» (вместо «сампи»).

В отличие от кириллицы, в глаголице цифровое значение получили первые 28 букв подряд, независимо от того, соответствовали ли эти буквы греческим или же слу-

<sup>4</sup> Там же, с. 65, 269.

жили для передачи особых звуков славянской речи. Поэтому цифровое значение большинства глаголических букв было отличным как от греческих, так и от кирилловских букв.

Совершенно одинаковыми были в кириллице и глаголице названия букв; правда, время возникновения этих названий (в особенности в глаголице) неясно.

А	К	Г	Д	Е	С	З
аз	вѣди	глаголь	добро	есть	зелѣ	земля
1	2	3	4	5	6	7
И	Ѡ	І	К	Л	М	Н
ижѣ	фита	и	како	люди	мыслѣте	наш
8	9	10	20	30	40	50
Ѫ	О	П	Ч	Ѣ	Ѧ	Т
кси	он	покой	червь	рцы	слово	твердо
60	70	80	90	100	200	300
У	Ѣ	Х	Ц	Ѧ	Ц	
ук	фѣрт	ха	пси	от	цы	
400	500	600	700	800	900	

Т а б л и ц а 2. Славяно-кирилловская цифровая система

Почти одинаковым был порядок расположения букв в кирилловском и глаголическом алфавитах. Порядок этот устанавливается, во-первых, исходя из цифрового значения букв кириллицы и глаголицы, во-вторых, на основе дошедших до нас азбучных акростихов<sup>5</sup> XII—XIII вв., в третьих, на основе порядка букв в греческом алфавите.

Сильно разнились кириллица и глаголица по форме их букв. В кириллице форма букв была геометрически простой, четкой и удобной для письма. Из 43 букв кириллицы 24 были заимствованы из византийского устава (см. рис. 7)<sup>6</sup>, а остальные 19 построены в большей или

<sup>5</sup> Азбучный акростих — стихотворение, каждая строка которого начинается с соответствующей буквы азбуки (в порядке алфавита).

<sup>6</sup> Уставом (уставным письмом) называется особый почерк, применявшийся некогда в Византии, а затем и на Руси, для переписки книг и отличавшийся от других почерков (полуустава, скорописи и т. д.) особенно четким, каллиграфическим начертанием букв,

меньшей мере самостоятельно, но с соблюдением единого стиля кирилловской азбуки. Форма букв глаголицы, наоборот, была чрезвычайно сложной и замысловатой, со множеством завитков, петель и т. п.<sup>7</sup> Зато глаголические буквы были графически оригинальнее кирилловских, гораздо меньше походили на греческие.

Несмотря на, казалось бы, очень значительную разницу, многие буквы глаголицы, если их освободить от завитков и петель, близки по форме к аналогичным буквам кириллицы. В особенности велико сходство букв глаголицы с теми буквами кириллицы, которые не заимствованы из греческого устава, а созданы для передачи особых звуков славянской речи (например, буквы «живете», «цы», «червь», «шта» и др.); одна из этих букв («ша») в глаголице и кириллице даже совершенно одинакова. Внимание исследователей привлекало также то, что буквы «шта», «ук» и «еры» в глаголице и в кириллице представляли собой лигатуры из других букв. Все это указывало, что одна из азбук оказала когда-то сильное влияние на другую.

## 2

В связи с графической близостью кириллицы к византийскому уставу большой интерес приобретает вопрос о степени самостоятельности, оригинальности кириллицы, о том, можно ли считать ее особой, новой письменной системой или же лишь разновидностью греко-византийского письма<sup>8</sup>. От ответа на этот вопрос во многом зависит также и ответ на другой, еще более важный вопрос:

---

каждая из которых писалась отдельно, ставилась обычно почти перпендикулярно строке и имела форму, близкую к геометрической.

<sup>7</sup> Некоторые ученые (Н. Н. Дурново, А. А. Сидоров) считают, что буквы кириллицы, состоящие в основном из прямых линий, овалов и полуовалов, были удобнее для резьбы на камне, а состоящие в основном из петель и дуг буквы глаголицы были удобнее для письма на пергамене, так как такая форма позволяла писать буквы без отрыва пера от пергамена. Однако буквы глаголицы сложны не столько из-за наличия петель и завитков, сколько из-за того, что они, как правило, состоят из большего количества графических элементов (черт, петель, овалов и полуовалов), чем те же буквы кириллицы (см., например, «буки», «иже», «мыслете», «омега», «ижица» и др.). Кроме того, вплоть до XIV—XV вв. буквы глаголицы всегда писались отдельно.

<sup>8</sup> В отношении глаголицы такой вопрос почти не ставится, так как оригинальность и своеобразие глаголицы очень велики.

какая же из двух азбук была создана Константином Философом?

При решении вопроса о степени самостоятельности кириллицы обычно исходили из генетического анализа формы кирилловских букв. В результате находили в греческой, еврейской и других системах письма графические прототипы большинства букв кириллицы и делали отсюда вывод о несамостоятельном характере кирилловской азбуки. Так обычно рассматривался этот вопрос во всех дореволюционных русских исследованиях и в большинстве советских работ, вышедших до конца 40-х годов. Так рассматривают этот вопрос и крупнейшие современные зарубежные историки письма. В связи с этим они обычно либо отводят славянскому письму всего по несколько страниц или строк в главах, посвященных греческому письму (Ж. Феврие, М. Коэн, Д. Дирингер, Ч. Лоукотка), либо даже не упоминают о славянском письме (И. Гельб).

Такой подход представляется принципиально неправильным.

Во-первых, он неправилен потому, что в истории письма не было ни одной буквенно-звуковой системы, которая возникла бы совершенно самостоятельно, без влияния на нее предшествующих систем письма. Так, финикийское письмо возникло на основе древнеегипетского; древнееврейское, арамейское и греческое — на основе финикийского; арабское — на основе арамейского; латинское — на основе греческого; французское, немецкое, английское и другие системы письма западноевропейских народов — на основе латинского и т. п. Поэтому можно ставить вопрос лишь о степени самостоятельности той или иной системы письма (в том числе и славянской), о том, возникла ли эта система путем механического заимствования или же путем творческой переработки наследия других народов.

Во-вторых, при решении вопроса о степени самостоятельности той или иной системы письма наименьшее значение имеет оригинальность формы букв. Ведь письмо — это прежде всего средство передачи и закрепления речи. Между тем форма букв почти никогда не бывает обусловлена фонетическими особенностями того языка, для передачи которого эти буквы предназначаются (относительно редкий пример такой связи — графическое построение кирилловских букв «ук», «шта», в особенности же букв для йотированных гласных славянской речи — см. табл. 3).



В малой степени predeterminedляется форма букв и особенностями искусства того или иного народа. С особенностями народного искусства иногда бывает связан лишь общий графический стиль письма и шрифта. Так, например, для арабской (периода ислама) и для многих других систем ближневосточного письма характерна подчас очень изощренная орнаментальность букв; для финикийского и раннего греческого письма — геометрическое, для латинского — более округлое и плавное построение букв; для европейского письма позднего средневековья — угловатый готический стиль и т. п. Но это относится лишь к общему стилю письма и шрифта. Конкретная же форма отдельных букв в подавляющем большинстве случаев является чисто условной и в основном зависит от назначения письменных памятников (например, монументальное, или книжное, или канцелярское письмо), от применяемых материалов (например, форма знаков клинописи) и от влияния графики ранее существовавших систем письма. Та или иная форма букв начинает восприниматься как национальная только в силу многовековой к ней привычки.

Поэтому при наличии простых, четких, удобных по форме и уже применявшихся славянами греческих букв создателям кириллицы совершенно незачем было придумывать какие-то новые буквы для звуков, одинаковых в славянском и греческом языках. Иначе обстояло дело с буквами для звуков, имевшихся в славянском языке, но отсутствовавших в греческом. В построении этих букв создатели кириллицы проявили глубокое понимание фонетики старославянского языка (например, разобранное построение букв для йотированных гласных), а также несомненный графический вкус. Большинству этих букв была придана форма простая, удобная для написания и в то же время соответствующая общему графическому стилю кирилловской азбуки. В случае же, когда заимствованные буквы не соответствовали общему стилю кириллицы (например, заимствованные из еврейского алфавита буквы «цы», «ша»), форма их была изменена применительно к этому стилю.

Но, как уже указывалось, степень самостоятельности кириллицы, как любой иной азбуки, меньше всего характеризуется своеобразием формы ее букв. Степень самостоятельности любой буквенно-звуковой системы определяется не столько оригинальностью ее графики, сколько степенью соответствия звукового состава алфавита зву-

ковому составу данного языка. А в этом отношении кирилловский алфавит был вполне оригинален.

Своеобразие звукового состава кирилловского алфавита явствует из следующего сопоставления.

При построении французского, немецкого, английского и других западноевропейских алфавитов к 24 буквам классической латыни были добавлены (в эпоху средневековья) только две новые буквы — «дубль ве» (w) и йот (j); кроме того, одна из латинских букв — v (u) — начала применяться в двух начертаниях, в зависимости от того, употреблялась ли она в значении русского «у» или в значении «в»<sup>9</sup>. В результате столь механического заимствования алфавита классической латыни различными народами Западной Европы возник разрыв между звуковым (точнее, фонемным) составом западноевропейских языков и буквенно-звуковым составом их алфавитов. Так, во французском языке обычно насчитывают 18 гласных и 17 согласных, в немецком — 15 гласных и 18 согласных, в английском — 13 гласных и 24 согласных фонем, не считая значительного количества дифтонгов<sup>10</sup>. Для передачи всего этого звукового многообразия современные западноевропейские алфавиты предоставляют лишь 6 гласных и 20 согласных букв; некоторые из этих букв в ряде языков, кроме того, дублируют друг друга (например, v—w, k—q, i—j—y).

Это обусловило необходимость широкого применения в западноевропейских системах письма различных надстрочных и подстрочных знаков (например, во французском письме — è, é, ê, ë), а также двух-, трех-, четырех- и даже семибуквенных сочетаний. Так, например, согласные звуки и аффрикаты, близкие к русским *х, ч, ш, щ*, передаются в западноевропейских системах письма (из-за отсутствия особых букв для этих звуков) следующими сочетаниями:

	Х	Ч	Ш	Щ
По-немецки	ch	tsch	sch	schtsch
По-французски	kh	tch	ch	stch
По-английски	kh	tch	sh	sch
По-польски	ch	cz	sz	szcz

<sup>9</sup> *Добиаиш-Рождественская О. А.* История письма в средние века. М.—Л., 1936, с. 56 и сл.

<sup>10</sup> *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1960, с. 183. — Фонемы — это те звуки данного слова, при изменении которых обычно изменяется и значение слова (например, *стал, стол, стул, стыл*); дифтонг — сочетание двух гласных (слогового и неслогового) в одном слого (ай, ой, уй, эй).

Аналогично тому, как западноевропейские алфавиты были построены на основе латинского, так и кирилловская азбука была построена на основе греческой. Но кириллица представляет собой очень искусную, сложную и творческую переработку греческой (византийской) азбуки. Из 43 букв кириллицы 19 букв, т. е. 45 %, отсутствовали в византийском алфавите и были включены в кирилловскую азбуку применительно к особому звуковому составу старославянского языка. К числу таких букв относятся (см. рис. 6):

Буки	Шта	Е (йотированное э)
Живете	Ер	Юс малый
Зело	Еры	Юс большой
Ук <sup>11</sup>	Ерь	Юс малый йотированный
Цы	Ять	Юс большой йотированный
Червь	Ю (йотированное у)	
Ша	Я (йотированное а)	

В результате столь тщательного учета фонетического состава старославянского языка кирилловский алфавит имел все буквы, необходимые для правильной передачи этого языка. Пригоден был кирилловский алфавит и для точной передачи русского языка, хотя в IX—X вв. русский язык уже несколько отличался в фонетическом отношении от старославянского. Соответствие кирилловского алфавита русскому языку подтверждается тем, что за тысячу с лишним лет в этот алфавит понадобилось ввести лишь две новые (по звуковому значению) буквы: «й» (при реформе 1735 г.) и «ё» (в современной ее форме впервые в 1797 г.); не нужны и почти не применяются в русском письме многобуквенные сочетания и надстрочные значки. Именно это и определяет оригинальность кирилловского алфавита.

Таким образом, несмотря на то, что многие буквы кириллицы совпадают по форме с греческими буквами, кириллица (равно как и глаголица) должна быть признана одной из наиболее самостоятельных, творчески и по новому построенных буквенно-звуковых систем.

### 3

При очень больших достоинствах кириллицы и глаголицы у них имелся, однако, и крупный недостаток.

<sup>11</sup> В византийском письме для передачи звука у тоже применялось сочетание «омикрона» с «псилоном», однако сочетание это никогда не считалось особой буквой и в алфавит не входило.

Обладая полным ассортиментом букв, необходимых для передачи основных звуков старославянского языка, кирилловский алфавит в то же время включал шесть греческих букв, не нужных для передачи славянской речи. К числу таких букв относились:

«омега»	«кси»	два из трех кирилловских «и»
«фита»	«пси»	(«и восьмеричное», «и десятиричное», «ижица»)

Четыре ненужные для передачи славянской речи греческие буквы (те же, что в кириллице, но без «кси» и «пси») имел и глаголический алфавит.

Буквы эти использовались славянами в основном как цифровые знаки. Наряду с этим они по традиции нередко применялись и как буквы в заимствованных славянами греческих, главным образом религиозно-богослужебных словах; некоторые из них (например, «фита», «омега») обеспечивали при этом точное (византийское) произношение заимствованных слов. Но войдя в славянские языки, греческие слова вскоре начали и произноситься по-славянски; славянская же цифровая система постепенно (примерно, к XVIII в.) была вытеснена более удобной арабской цифровой системой. В связи с этим указанные шесть кирилловских букв стали излишними и при реформах русского, болгарского и сербского письма в XVIII—XX вв. были исключены.

Так, «омега» обозначала в греческом письме долгое *o*, в отличие от краткого *o*, передававшегося греческой буквой «омикрон» (в славянских азбуках — буква «он»). В старославянском языке IX в., так же как в русском, гласные не различались по долготе или краткости; поэтому в старославянском и русском письме «он» и «омега» совпадали по звуковому значению. Практически «омега» до начала XVIII в. чаще всего применялась в русском кирилловском письме с надписанной над ней буквой «т» для обозначения предлога 'от'. Исключена была «омега» из русского алфавита Петром I в 1710 г.

«Фита» (греческая «тета») применялась в греческом письме для обозначения межзубного придыхательного *m* (*th*). В связи с отсутствием в старославянском и русском языках соответствующего звука «фита» постепенно совпала по значению с буквой «ферт»<sup>12</sup> и сохранилась только

<sup>12</sup> В некоторых заимствованных греческих словах (например, в слове 'ритмика') «фита» перешла не в *ф*, а в *т*.

в некоторых словах, заимствованных из греческого: например, в словах 'анафема', 'Фивы', 'Афон', 'Мефодий'. Исключена была «фита» из русского алфавита лишь в 1917 г.

Буквы «пси» и «кси» служили в греческом письме для обозначения характерных для греческого языка сочетаний *кс*, *пс*. В старославянском письме эти буквы применялись тоже лишь в немногих словах, заимствованных из греческого, например в словах 'псалтырь', 'Ксеркс'. Из русского алфавита буква «пси» была исключена Петром I в 1710 г., а буква «кси» — Академией наук в 1735 г.

Иным было происхождение трех славянских букв, передававших звук *и*.

Одна из этих букв, получившая в русском письме по ее цифровому значению (10) название «и десятеричного» (*i*), в греческом письме именовалась «йота» и издавна служила для обозначения звука *и*. Вторая из этих букв, получившая по ее цифровому значению (8) название «и восьмеричного» (*и*), в греческом письме именовалась «эта» и когда-то служила для обозначения долгого *э* (в отличие от другой греческой буквы — «эпсилон», обозначавшей краткое *э*); в результате исторических изменений фонетики греческого языка «эта» в Византии IX в. произносилась уже не как долгое *э*, а как *и* (подобно «йоте»). Третья из этих букв, получившая в русском письме название «ижица», в греческом письме именовалась «ипсилон» и когда-то применялась для обозначения звука, близкого к немецкому *й*; в византийском письме IX в. буква «ипсилон» тоже стала обозначать не *й*, а *и*. Таким образом, уже в византийском письме эти три буквы совпали по их звуковому значению и продолжали одновременно применяться лишь в силу традиции, а также в связи с их разными цифровыми значениями.

С одинаковым звуковым, но с разным цифровым значением вошли эти буквы и в славянское письмо. В русском письме для передачи звука *и* чаще всего использовалось «и восьмеричное». «И десятеричное» постепенно стало применяться главным образом перед гласными и перед полугласной «й»; такое использование этой буквы было узаконено в 1758 г. Академией наук. Наконец, «ижица» традиционно применялась в русском письме вместо «и» лишь в немногих заимствованных греческих словах ('миро', 'синод'). Окончательно «и десятеричное» и «ижица» были исключены только в 1917 г.

Наряду с перечисленными шестью греческими буквами, с самого пачала ненужными для передачи славянской речи, в кирилловском алфавите имелось также шесть новых славянских букв (четыре «юса», «зело» и «ять»), ставших лишними вследствие исторических изменений фонетики старославянского и русского языков. В глаголическом алфавите таких букв было семь (четыре «юса», «зело», «ять» и «дєрвь»).

Из перечисленных букв «юсы» применялись для особых носовых славянских гласных: «юс малый» — для гласного *э<sup>н</sup>* (гласный этот еще сохранился в польском языке, например, в слове 'пэ<sup>н</sup>чъ' — 'пять'): «юс большой» — для гласного *о<sup>н</sup>* (сохранился в польском слове 'ро<sup>н</sup>чка' — 'ручка'); йотированные «юсы» — для соответствующих йотированных носовых гласных. В русском языке все эти носовые гласные исчезли до IX в., перейдя в звуки *а*, *у*; аналогичное новое звуковое значение получили и «юсы». «Юс большой» исчезает из русского письма с XII—XIII вв. (частичное временное возрождение он пережил лишь в XV в.) с заменой его сперва лигатурой «оу», а впоследствии буквой «у». «Юс малый» исчезает к XVII—XVIII вв. с заменой его буквами «а» — «я».

Буква «ять», судя по дошедшим до нас азбучным акростихам XI—XII вв. и иным источникам, служила в старославянском языке для обозначения гласного переднего ряда *а* при мягкости предшествующего согласного, для йотированного *а*, а также для особой разновидности звука *е*<sup>13</sup>. Такое значение буквы «ять» в течение долгого времени сохранялось в глаголице, не имевшей особой буквы для йотированного *а*. В кириллице появилась особая буква «йотированное *а*», служившая для передачи гласного звука *а* при мягкости предшествующего согласного и для йотированного *а*; в связи с этим в кириллице «ять» стала обозначать, как правило, особую разновидность звука *е*, хотя иногда использовалась и взамен «йотированного *а*». В более позднем русском письме «ять» до середины XVIII в. обозначала долгое закрытое *е*; так, еще М. В. Ломоносов указывал, что «*е*» произносится «тонко», а «ять» «толсто». С конца XVIII в. в литературном русском языке эти два звука совпали и перестали различаться. Тем не менее буква «ять» по традиции продолжала применяться вместо «*е*» во многих русских словах ('бѣлый', 'бѣдный', 'блѣдный', 'лѣс' и др.). Это чрезвычайно осложняло обу-

<sup>13</sup> Щенкин В. П. Учебник русской палеографии. М., 1918, с. 19.

чение грамоте и было наиболее частой причиной провалов на экзаменах по орфографии. Исключена была буква «ять» только в 1917 г.

Иной была история славянских букв «зело» и «земля». Из этих двух букв «земля» представляла собой почти копию греческой буквы «дзета», служившей для передачи звонкого передне-язычного звука *дз*. Кирилловскую букву «зело» обычно считают новой славянской буквой, но форму «зело» выводят из позднего (византийского) начертания греческой буквы «дигаммы»; когда-то «дигамма» имела в греческом письме звуковое значение, близкое к английскому *w*, но совпадала с «зело» по ее цифровому значению («шесть» — см. табл. 1). В славянские алфавиты буква «зело», вероятно, была первоначально введена либо только для обозначения числа «шесть», либо для обозначения числа «шесть» и для передачи звука *з* (в отличие от «дзеты» — «земля», предназначавшейся для передачи звука *дз*). Однако, по-видимому, еще в IX—X вв. «земля» и «зело» обменялись своим звуковым значением: «земля» стала применяться для передачи звука *з*, а «зело» — для *дз* (в некоторых кирилловских рукописях *дз* передавалось также буквой «земля» с добавлением к ней особой горизонтальной черточки). Еще позже, в связи с фонетическими изменениями русского языка, та и другая буква совпали по звуковому значению и стали использоваться для передачи только звука *з*. Поэтому буква «зело» в 1738 г. была исключена из русского алфавита.

Очень важными были изменения в значении и применении кирилловских букв «ер» (ѣ) и «ерь» (ь). Первоначально эти буквы служили для обозначения редуцированных (ослабленных, глухих) гласных, близких к *о* («ер») и *е* («ерь»); например, в «Сказании о письменах» Черноризца Храбра в словах 'грѣхский', 'сѣтвори'. Примерно с XII—XIII вв. звуки «ер», «ерь» в одних случаях (например, в конце слов) выпали и перестали произноситься; в других же случаях перешли в полногласные звуки *о* и *е* (например, 'греческий', 'сотвори').

Однако в русском письме буквы «ер» и «ерь» сохранились, но уже в новом значении. В середине слова буква «ерь» (ь) стала применяться для обозначения мягкости предшествующей согласной (например, 'письмо'), а также для йотации последующей гласной (например, 'пенье'); «ер» (ѣ) — для обозначения йотации последующей гласной (например, 'подъем'). В конце слова «ерь» начала применяться главным образом для обозначения мягкости,

а «ер» — для обозначения твердости конечной согласной. В последнем случае применение буквы «ер» (ъ) было излишним, так как твердость согласной в достаточной мере определялась отсутствием в конце слова буквы «ерь» (ь). Поэтому реформой 1917 г. применение буквы «ер» в конце слов было отменено.

#### 4

Каково же происхождение формы букв кириллицы и глаголицы? <sup>14</sup>

Из 43 букв кириллицы 24 были несомненно заимствованы из византийского уставного письма с сохранением их графической формы, а первоначально также и звукового значения.

Остальные 19 букв кириллицы отсутствовали в греко-византийском письме и были введены для передачи особых звуков славянской речи. Почти все эти новые буквы (15 из 19) были помещены в конце кирилловского алфавита и только четыре из них («буки», «живете», «зело», «ук») находились среди букв, заимствованных из византийского письма. Таким образом, в отношении кириллицы возникает вопрос о происхождении лишь этих 19 новых букв. Происхождение их следующее (табл. 3).

Одна новая славянская буква — «буки» (Б) была получена путем небольшого изменения греческой «беты» (β). В византийском письме «бета» получила название «вита», так как стала обозначать звук *в* и лишь очень редко (например, в некоторых словах после звука *ж*) произносилась как *б*. В славянском языке звуки *в* и *б* встречались почти одинаково часто. Поэтому в кириллице для передачи *в* была сохранена византийская «вита» (славянская «веди»), а для передачи звука *б*, «вита» была графически видоизменена в «буки». этому способствовало то, что в некоторых византийских рукописях (например, в Порфирье-

<sup>14</sup> Почти все приведенные в разделах 4 и 5 гипотезы не являются новыми и уже публиковались в работах И. И. Срезневского, А. И. Соболевского, Е. Ф. Карского, Л. Гейтлера, Е. Георгиева и других исследователей. Задача автора состояла лишь в том, чтобы, отобрав наиболее убедительные из этих гипотез, доказать ненужность привлечения византийского курсива и различных восточных алфавитов для объяснения формы славянских букв, показать возможность объяснения формы кирилловских букв только из византийского устава и отчасти из еврейской азбуки, а формы глаголических букв — из кириллицы и латиницы с использованием при этом в обеих азбуках различных графических модификаций и лигатур.



В	→	В (веди)	0 + γ	→	0γ (ук)
	→	Б (буки)	ш	→	Щ (шта)
З	→	Ц (цы)	т		
Г	→	Ч (червь)	ь + і	→	Ы (еры)
У	→	Ш (ша)	І + ε	→	Ю (э йотиров.)
	→	А (юс малый)	І + Δ	→	Ѧ (а йотиров.)
	→	Ѧ (юс большой)	І + 0γ	→	Ю (у йотиров.)
І	→	Ѣ (ер)	І + А	→	Ѧ (юс малый йотиров.)
	→	Ѥ (ерь)	І + Ѧ	→	ѦѦ (юс. большой йотиров.)
	→	Ѧ (ять)	ζ + І + ζ	→	Ж (живете)??
Г → S → S		(зело)??			
(диграмма)					

Т а б л и ц а 3. Происхождение формы кирилловских букв, созданных для передачи особых (отсутствующих в греческом языке) звуков славянской речи.

В левой колонке — буквы, полученные путем заимствования или же путем графического видоизменения; в правой колонке — буквы, полученные путем лигатурного сочетания других букв кириллицы.

вой псалтыри 862 года) буква «вита» имела форму, более близкую к Б, чем к В. Общность происхождения славянских букв «веди» и «буки» подтверждается также тем, что в отличие от большинства других новых букв, отнесенных в конец алфавита, «буки» была поставлена в алфавите рядом с «веди».

Форма другой кирилловской буквы «зело» была, по-видимому, получена путем изменения позднего, византийского начертания греческой буквы «дигаммы». Это подтверждается графическим сходством этих двух букв, а также тем, что «зело» получила в славянском письме такое же цифровое значение («шесть»), которое имела в греческом письме «дигамма». Цифровое значение буквы «зело» определило и место этой буквы в кирилловском алфавите.

Три новые буквы — «цы», «червь», «ша» были заимствованы из еврейского с приданием им только более правильной геометрической формы, соответствовавшей общему графическому стилю кириллицы. Буква «ша» была полу-

чена из еврейской «шин». Буквы «цы» и «червь» представляют собой графическую дифференциацию еврейской «цаде», которая в средние века произносилась и как *ц* и как *ч*. Возможно, на форму буквы «червь» повлияла также греческая «копна»; это подтверждается тем, что «червь» получила в кириллице то самое цифровое значение («девятисто»), которое имела в греческом алфавите «копна».

Пять новых букв были получены путем графического видоизменения других букв кириллицы.

Так, «юс малый» и «юс большой» представляют собой видоизменение (усложнение) уставного греческого Α (Л. Гейтлер), которое иногда имело в некоторых византийских рукописях форму, близкую к кирилловскому «юсу малому» и даже «юсу большому».

Буква «ерь» (ь), видимо, происходит от графически наиболее простой кирилловской буквы «и» (і), а «ер» (ъ) и «ять» (ѣ) были получены путем графического усложнения «ерь» (Е. Георгиев); это подтверждается близостью формы и звукового значения букв «ер» — «ерь», а отчасти также букв «ерь» — «ять».

Восемь новых букв были созданы путем лигатурного сочетания различных букв кириллицы. Сочетание это, как правило, было связано с звуковым значением новой буквы.

Так, буква «ук» была получена путем сочетания «он» с «ижицей». Такое лигатурное построение кирилловской буквы «ук», видимо, было подсказано византийским письмом, так как в письме этом для передачи звука *у* тоже использовалось сочетание «омикрона» с «ипсилоном». Наряду с горизонтальной лигатурой «он» с «ижицей» (оу) в позднем кирилловском письме применялась и вертикальная, слитная лигатура тех же двух букв (см. табл. 3).

Буква «шта» была построена в кириллице путем лигатурного сочетания буквы «ша» с примкнутой к ней снизу буквой «твердо». Такое построение буквы «шта» отражало звуковое значение этой буквы в старославянском (болгарском) языке, в котором эта буква произносилась как *шт*; о таком построении этой буквы свидетельствует и само ее название («шта»).

Буква «еры» (ы) представляла собой сочетание «ер» (ъ) с буквой «и» (і).

Особенно интересным и соответствующим законам фонетики было построение кирилловских букв для славянских йотированных гласных. Буквы эти строились путем лигатурного сочетания буквы, обозначающей соответствующую

гласную, с буквой «и» (I). Так были построены в кириллице буквы: «я» {«и»+«аз»}, «е» («и»+«есть»), два йотированных «юса» {«и»+соответствующий «юс»}, а также буква «ю» («и»+«он»). Последняя буква первоначально представляла собой, вероятно, сочетание «и» с «ук» («оу») с последующим отпадением второго графического элемента буквы «ук». Возможность использования такой сокращенной лигатуры (I + o) для передачи звука ю обеспечивалось тем, что звука ё в старославянском и древнерусском языках еще не было; поэтому придание этой лигатуре звукового значения ё было в то время невозможным.

Недостаточно ясно происхождение только одной новой буквы кириллицы — «живете». Возможно, форма этой буквы была получена путем добавления центральной вертикальной черты к букве «хер» (Е. Ф. Карский) или же путем удвоения буквы «земля», близкой к «живете» по звуковому значению; может быть, этим объясняется то, что, в отличие от других новых букв, «живете» не была отнесена в конец кирилловского алфавита, а была поставлена почти рядом с буквой «земля».

## 5

Труднее поддается объяснению происхождение букв глаголицы.

Несмотря на графическое своеобразие этих букв, многие ученые пытались разыскивать их прототипы в разных других алфавитах. Для этого обращались к самым различным системам письма: к кириллице (И. Добровский, 1845, И. И. Срезневский, 1848, В. И. Григорович, 1852, О. М. Бодянский, 1855, затем А. И. Соболевский, 1909, Е. Ф. Карский, 1928 и др.); к скандинавским рунам (Я. Гануш, 1857, и др.); к сирийскому и пальмирскому алфавитам (П. И. Шафарик, 1857); к хазарскому письму (М. А. Оболенский, 1857, М. Груньский, 1928, И. А. Фигуровский, 1957); к византийской скорописи (И. Тэйлор, 1881; Д. Ф. Беляев, 1885; И. В. Ягич, 1911; в наше время — В. Н. Щенкин, А. М. Селищев и др.); к албанской письменности (Л. Гейтлер, 1883); к иранскому письму (В. Ф. Миллер, 1884); к арабской графике (В. И. Григорович, 1888); к армянскому и грузинскому алфавитам (М. Гастер, 1837, Р. Абихт, 1895, М. И. Привалова, 1960); к еврейскому (В. Вондрак, 1896—1897); к коптскому (Ф. Ф. Фортунатов, 1913); к латинскому курсиву (Л. Гейтлер, Г. Вессали, 1913); к греческим потным знакам (А. И. Яцимирский, 1902); к греческому «очковому» письму (М. А. Шангин,

ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ			ГРЕЧЕСКОЕ
Буквы	Название	Знаки старшие и младшие	Курсив
a	азъ	ⲁ ⲁ ⲁ ⲁ	ⲁ ⲁ ⲁ
b	боукы	Ⲃ Ⲃ Ⲃ Ⲃ	Ⲃ Ⲃ Ⲃ
g	глаголи	Ⲅ Ⲅ Ⲅ Ⲅ	Ⲅ Ⲅ Ⲅ
d	добро	Ⲇ Ⲇ Ⲇ Ⲇ	Ⲇ Ⲇ Ⲇ
e	естъ	Ⲉ Ⲉ Ⲉ Ⲉ	Ⲉ Ⲉ Ⲉ
dz	стао	Ⲋ Ⲋ Ⲋ Ⲋ	Ⲋ
j	нже	Ⲍ Ⲍ Ⲍ	Ⲍ Ⲍ Ⲍ Ⲍ
i	нжен	Ⲏ Ⲏ Ⲏ Ⲏ	Ⲏ Ⲏ Ⲏ Ⲏ
k	како	Ⲑ Ⲑ Ⲑ Ⲑ	Ⲑ Ⲑ Ⲑ
l	люди	Ⲓ Ⲓ Ⲓ	Ⲓ Ⲓ Ⲓ
m	мъканте	Ⲕ Ⲕ	Ⲕ
n	нашь	Ⲗ Ⲗ Ⲗ Ⲗ	Ⲗ Ⲗ Ⲗ Ⲗ
o	онъ	Ⲙ Ⲙ Ⲙ Ⲙ	Ⲙ Ⲙ Ⲙ
p	покон	Ⲛ Ⲛ Ⲛ	Ⲛ Ⲛ Ⲛ
r	ръци	Ⲝ Ⲝ Ⲝ	Ⲝ Ⲝ Ⲝ
s	слово	Ⲟ Ⲟ Ⲟ	Ⲟ Ⲟ Ⲟ
t	теръло	Ⲡ Ⲡ Ⲡ	Ⲡ Ⲡ Ⲡ
f	фрътъ	Ⲣ Ⲣ Ⲣ	Ⲣ Ⲣ
x	хѣръ	Ⲥ Ⲥ Ⲥ Ⲥ	Ⲥ Ⲥ
o	шь	ⲧ ⲧ ⲧ	ⲧ ⲧ
e	дита	ⲩ ⲩ	ⲩ
v	вѣдѣ	ⲫ ⲫ	ⲫ
	—		!

Р и с. 6. Сопоставление глаголических букв с буквами византийского курса (по А. М. Селищеву).

ГЛАГОЛИЧЕСКОЕ			ГРЕЧЕСКОЕ
Буквы	Название	Знаки старшие и младшие	Курсив
z	жесты	z̄ z̄ z̄	z̄ = z̄ = z̄
z	земля	z̄ z̄ z̄	z̄ = z̄
dj	дѣ	{ d̄ d̄	d̄ = d̄
	(дѣръ)		- d̄ = z̄
и	оукъ	ī ī ī	{ ī = ī ī = ī }
v	ша	v̄ v̄ v̄	v̄ z̄ (- z̄)
st	шта	st̄ st̄	- st̄ (- st̄ - st̄)
c(ts)	ци	c̄ c̄ c̄	c̄ c̄ (- c̄ - c̄)
с	чръвь	s̄ s̄ s̄	s̄ = s̄ - z̄
i	иже	ī ī ī ī	ī (- ī, - ī)
e(ja)	ять	ē ē ē ē	{ ē + ē = ē + ē ē + ē = ē + ē }
ju	ю	jū jū jū	jū = jū
ę	юсь	ę̄ ē	d̄ = ē + ē
ę		ę̄ = ē + ē	= ē + ē
ü	ижица	ǖ = ǖ	ǖ = ē + ē
o/u	нръ	ō ū ō ū	ō + ē
y	нръ	ȳ ȳ	ȳ = ō + ē + ē
e/i	нръ	ē ī ē ī	ē + ē
je	юсь	jē = jē	= ē + ē
jq		jq̄ = jq̄	= ē + ē

Рис. 6. Окончание

1940); к клинописи (А. С. Львов, 1951); к греческим астрономическим, медицинским и другим символам (Е. Э. Гранстрем, 1955); к кипрскому слоговому письму (Н. А. Константинов, 1957); к магическому греческому письму (А. Ф. Вишнякова, 1937; во Франции — М. Коэн, 1958) и т. д.<sup>15</sup>

Наибольшее распространение получили три гипотезы. Одна из них была развита в 1881 г. И. Тэйлором, а затем Д. Ф. Беляевым, И. В. Ягичем, В. Н. Щепкиным и др. Согласно этой гипотезе, глаголица выводилась из византийской скорописи IX в. (рис. 6); замысловатость же рисунка глаголических букв объяснялась стремлением писцов к украшению письма. Гипотезу эту подверг критике И. И. Срезневский; в советский период недостатки этой гипотезы разобраны в работах Е. Ф. Карского, Е. Э. Гранстрем и др.<sup>16</sup>

Действительно, сходство глаголицы с византийской скорописью IX в. весьма отдаленное, разница же очень значительна. Принципиальными особенностями скорописи как почерковой разновидности византийского письма были: связное, курсивное написание букв; наличие элементов букв, выступающих за верхнюю и нижнюю линии строки; частое применение лигатур; использование «петель» с единственной целью ускорения письма. Наоборот, для глаголицы были характерны: раздельное написание букв; отсутствие элементов, выступающих за линии строки; редкое применение лигатур; использование «петель» отнюдь не для ускорения письма (так как глаголические буквы писались раздельно), а как графических элементов букв, служивших для их украшения, орнаментации (см. рис. 11). В особенности графически далека от византийской скорописи древнейшая «полуугловатая» глаголица (см., например, рис. 8), имевшая скорее уставный, чем скорописный характер. Лишь в результате ее эволюции, в позднейших болгарских рукописях глаголица приобрела более близкие с скорописным округлые формы, а связное (не раздельное) написание букв возникло в глаголице лишь с XIV—XV вв.

<sup>15</sup> Годы, проставленные после фамилий, указывают время опубликования основных работ; название работ см. в списке литературы.

<sup>16</sup> Гранстрем Е. Э. К вопросу о происхождении глаголической азбуки // Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР. М.—Л., 1953, IX; *Она же*. О происхождении глаголической азбуки // Там же, 1955, XI.

Кроме того, в Византии IX в. скоропись применялась преимущественно для канцелярской, торговой и бытовой переписки, реже для светских книг; богослужебные же книги почти всегда переписывались уставным почерком. Поэтому очень маловероятно, чтобы в качестве образца для славянского письма, призванного обслуживать главным образом церковные нужды, был бы взят не богослужебный византийский устав, а канцелярская скоропись.

Таким образом, построение глаголической азбуки в целом на основе греческого курсива представляется неправдоподобным. Можно допустить некоторое влияние греческого курсива лишь на форму отдельных, сравнительно немногих букв глаголицы. Поэтому сторонники этой гипотезы (И. В. Ягич, В. Н. Щепкин, А. М. Селищев и др.) для объяснения формы глаголических букв обращались, наряду с греческим курсивом, к еврейскому, самаритянскому, коптскому и другим алфавитам. Однако кажется маловероятным, что создатели глаголицы были во всех случаях настолько самостоятельны и при этом прибегали к столь разным и далеким источникам. Кроме того, как показано ниже (см. табл. 4 на с. 87), построение и форма большинства глаголических букв гораздо проще и убедительнее объясняются подражанием соответствующим буквам кириллицы, с использованием в отдельных случаях формы латинских букв, а в других — самостоятельных символических композиций и фонетических лигатур.

Близка к изложенной гипотеза, выдвинутая в интересной, но во многом парадоксальной работе Н. Н. Дурново. Согласно этому автору<sup>17</sup>, глаголицу и кириллицу следует понимать не как две разные славянские азбуки, а как почерковые разновидности одной и той же азбуки, возможно даже созданные одновременно и одним автором. Подобно греческому уставу (см. рис. 7) и скорописи или современному печатному шрифту и рукописному курсиву глаголица была, согласно Н. Н. Дурново, скорописной разновидностью славянской азбуки, предназначенной для письма на пергаменте, а кириллица — уставной разновидностью, предназначенной в основном для высекания на камне. Однако уставный, а не скорописный характер древнейших глаголических надписей, слишком резкая

<sup>17</sup> Дурново Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов // *Byzantinoslavica*, I, Praha, 1929, с. 66—67.

Κ̅ ΠΡΟΤ̅ Χ̅Υ̅ ΓΕΝΗ̅  
Ε̅Κ̅ Κ̅ ΜΑΤ̅  
**Β**ΙΒΛΟΣ ΓΕΝΕΣΕ  
ΩΣ ΙV ΧV. V VΑΑΔ  
V VΑΒΡΑΑΜ + ΑΒΡΑ  
ΑΜ ΕΓΕΝΝΗΣΕ  
ΤΟΝ ΙΣΑΑΚ + ΙΣΑ  
ΑΚ ΔΕ ΕΓΕΝΝΗΣΕ  
ΤΟΝ ΙΑΚΩΒ + ΙΑΚΩ  
ΔΕ ΕΓΕΝΝΗΣΕ  
ΤΟΝ ΙΟΥΔΑΝ ΚΑΙ  
ΤΟΥΣ ΑΔΕΛΦΟΥΣ

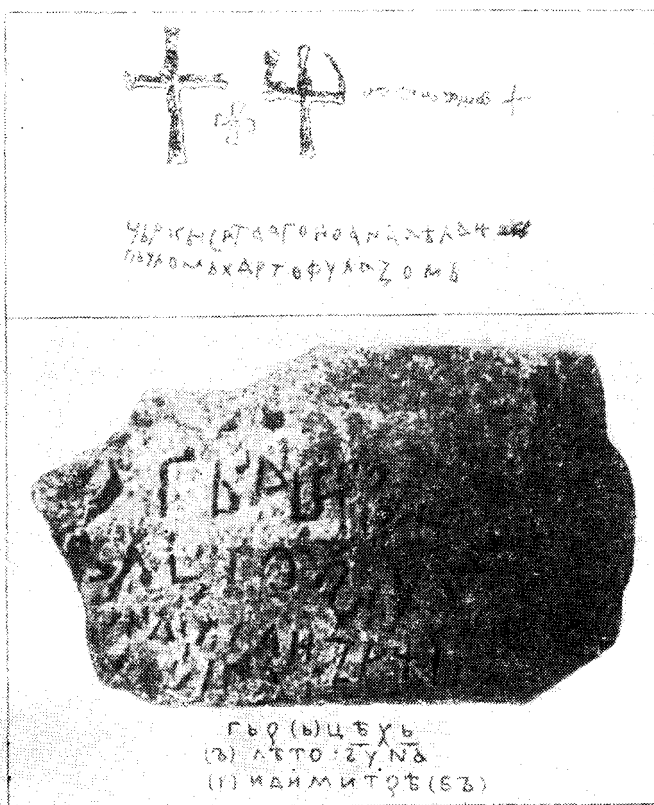
Рис. 7. Образец византийского уставного письма (X в.).



разница в форме почти всех букв кириллицы и глаголицы, а также одновременное применение их как для надписей на камне (см. рис. 8), так и для письма на пергаменте (см. рис. 10, 11) делают такое понимание кириллицы и глаголицы неприемлемым.

Согласно другой гипотезе, получившей довольно широкое распространение в СССР за последние пятнадцать лет (П. Я. Черных, Е. М. Эпштейн, П. А. Константинов, И. А. Фигуровский и др.), глаголица происходит от некоего «протоглаголического» письма, сформировавшегося у восточных славян эволюционным путем еще в дохристианское время. Как показано в главе 3, документальных подтверждений этой гипотезы найти почти не удалось. Кроме того, очень сложная и вычурная форма большинства глаголических букв заставляет думать скорее об искусственном их создании, чем о естественном, эволюционном происхождении. История письма показывает, что алфавиты, возникшие эволюционным путем (финикийский, еврейский, греческий, латинский, ранний арабский и др.), первоначально отличались сравнительной простотой и даже геометричностью формы букв. Графическая же сложность была более характерна для алфавитов, созданных в результате индивидуального изобретательства (например, армянский, грузинский алфавиты), или же возникла в результате последующей нарочитой стилизации (например, поздний арабский, некоторые сирийские алфавиты).

Поэтому наиболее вероятной представляется третья гипотеза, согласно которой глаголица появилась в результате индивидуального творчества. При этом одни исследователи считают, что индивидуальными творцами глаголицы были ученики Кирилла и Мефодия; ученики эти создали глаголицу взамен ранее разработанной Кириллом кириллицы, в годы, когда кирилловское письмо, слишком походившее на византийское, подвергалось в Моравии особенно жестоким преследованиям со стороны соперничавшего с Византией немецко-католического духовенства. Другие исследователи считают индивидуальным творцом глаголицы самого Кирилла, который создал глаголицу (тоже на основе кириллицы, развившейся у славян эволюционным путем) с целью сделать свою азбуку полностью «новой», не похожей на все ранее существовавшие. Первый вариант этой гипотезы был выдвинут во второй половине XIX в. русскими учеными И. И. Срезневским, А. И. Соболевским, затем Е. Ф. Карским и другими. Второй

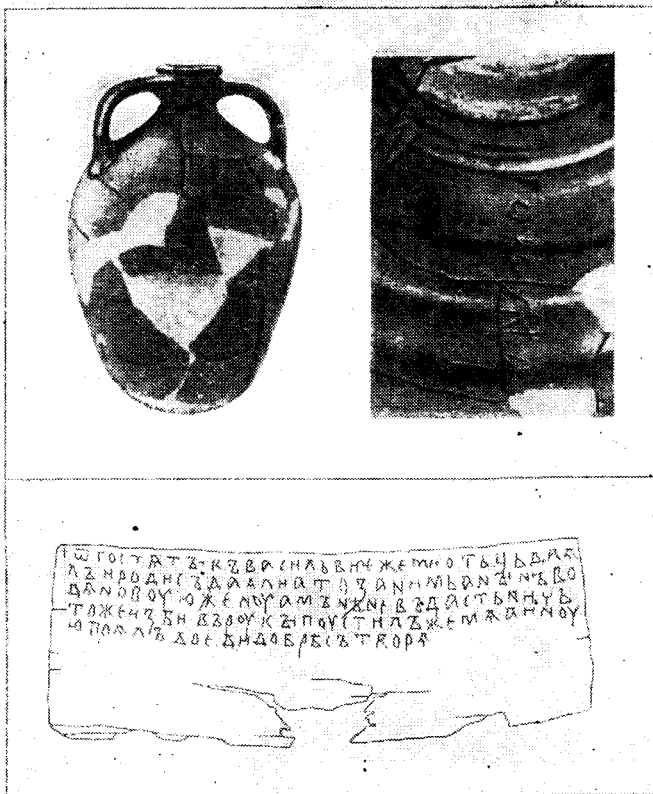


Р и с. 8. Древнейшие болгарские кирилловско-глаголические надписи.

Вверху — глаголические и кирилловская надписи на развалинах церкви болгарского царя Симеона (около 893 г.); внизу — кирилловская надпись на камне их румынской Добруджи (943 г.) и ее чтение Ф. Марешом (неясные буквы заключены в скобки).

вариант этой гипотезы развивает в последние годы болгарский ученый Е. Георгиев. Согласно обоим вариантам этой гипотезы, считается, что индивидуальные творцы глаголицы использовали в качестве основы для своего творчества ранее существовавшую кириллицу, нарочито изменив и усложнив ее графические формы.

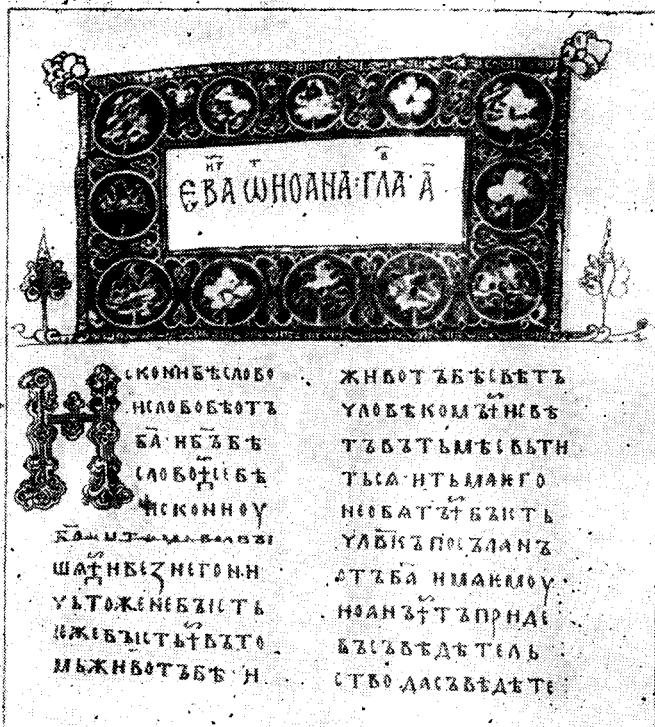
Такое происхождение глаголических букв представляется наиболее вероятным по следующим соображениям.



Р и с. 9. Древнейшие русские кирилловские надписи

Вверху — надпись на глиняном сосуде первой четверти X в., внизу — одна из новгородских берестяных грамот (XI в.).

Как показано в разделе четвертом этой главы, кириллица несомненно происходит из византийского уставного письма и легко могла развиваться из него чисто эволюционным путем, путем графических видоизменений или лигатурных сочетаний византийских букв, а также путем заимствования двух-трех недостающих букв из еврейской азбуки. Глаголица же не может быть полностью выведена из какой-либо другой системы письма и больше всего походит на искусственно созданную систему. Кроме общей



Р и с. 10. Страница из древнейшей датированной кирилловской рукописи — «Остромирова евангелия» (1056—1057 гг.).

графической сложности и вычурности глаголицы, это подтверждается и некоторыми отдельными ее особенностями. Так, первая буква глаголицы «аз» по форме представляет собой крест. Вероятно, такая форма начальной буквы глаголического алфавита возникла не случайно, а была сознательно придана ей автором глаголицы, чтобы указать, что изучение азбуки — богоугодное дело и поэтому должно начинаться с крестного знаменья. Симметрически подобны друг другу, кроме того, глаголические буквы «иже» и «слово», представляющие собой различные сочетания круга с треугольником. Такое однотипное построение этих букв некоторые исследователи (Г. Чернохостов, В. Р. Кипар-

Р и с. 11. Страница из древнейшей глаголической рукописи — «Киевских листов» (начало X в.).

ский) тоже считали не случайным и объясняли его тем, что и «иже» и «слово» входили в состав имени Иисуса.

Об искусственном создании глаголицы свидетельствует и цифровое значение глаголических букв. В кириллице цифровое значение букв почти в точности воспроизводит греческую систему. Наоборот, в глаголице цифровое

значение имеют только первые буквы в алфавитном порядке. Но единый, постоянный и в то же время новый алфавитный порядок букв навряд ли мог появиться эволюционным путем; скорее, он мог возникнуть в результате индивидуальной сознательной систематизации. Значит, продуктом индивидуального творчества было и цифровое значение глаголических букв.

Происхождение глаголицы из кириллицы подтверждается, кроме того, сравнительным анализом формы глаголических и кирилловских букв. Многие из этих букв настолько сходны по форме или построению, что сходство это может быть объяснено лишь при принятии одной из трех гипотез; 1) общности первоисточника обеих азбук, 2) влияния глаголицы на кириллицу или 3) влияния кириллицы на глаголицу<sup>18</sup>.

Но первая из этих гипотез — признание общего первоисточника (византийского, частично еврейского) у обеих азбук может удовлетворительно объяснить графическую близость лишь тех глаголических и кирилловских букв, которые были построены по образцам, взятым из других алфавитов. Однако эта гипотеза не объясняет несомненного и даже еще большего графического сходства новых, самостоятельно построенных кирилловских и глаголических букв, например «шта», «ю», «ук», «еры» и других.

Вторая гипотеза — влияние глаголицы на кириллицу — сравнительно хорошо объясняет графическую близость к глаголическим буквам новых кирилловских букв, служивших для передачи особых звуков славянского языка. Зато она никак не может объяснить сходства с глаголическими остальных кирилловских букв, так как буквы эти представляют собой точное воспроизведение соответствующих букв византийского устава и несомненно были заимствованы непосредственно из него.

Не решает проблемы и комбинация этих двух гипотез, согласно которой кирилловские буквы, служившие для передачи звуков, одинаковых в славянском и греческом языке, были взяты из византийского устава, а новые кирилловские буквы были построены по образцу глаголических. В этом случае сразу возникает вопрос: почему же создатели кириллицы греческие буквы заимствовали без каких-либо изменений, а форму многих глаголических букв изменили почти до неузнаваемости? При этом изме-

<sup>18</sup> Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 360—362.

нение формы глаголических букв не ограничивалось приспособлением их к общему графическому стилю кириллицы, что было бы понятно. В ряде случаев различен был самый принцип построения соответствующих друг другу новых кирилловских и глаголических букв (например, букв «ер», «ерь» и первоначальных «юсов»). Особенно непонятной остается причина переделки формы тех глаголических букв (например, первоначальных «юсов»), лигатурное построение которых отражало их звуковое значение гораздо лучше, чем построение аналогичных букв кириллицы.

Наоборот, при принятии гипотезы о влиянии кириллицы на глаголицу становится совершенно понятным графическое сходство с кирилловскими как тех глаголических букв, у которых имелись прототипы в греческом алфавите, так и тех, у которых греческих прототипов не было. При принятии этой гипотезы сходство как тех, так и других глаголических букв с соответствующими кирилловскими легко объясняется построением почти всех этих глаголических букв на основе кириллицы. Легко объяснимой становится и значительная разница в форме многих глаголических и кирилловских букв. Ведь все варианты гипотезы о построении глаголицы на основе кириллицы исходят из предположения, что создатели глаголицы сознательно стремились так изменить буквы, чтобы они возможно меньше походили бы на их прототипы.

Все сказанное подтверждается и сопоставительным анализом формы, отдельных глаголических и кирилловских букв.

Букв, не имевших прототипов в греческом алфавите и служивших для передачи особых звуков славянской речи, в глаголице было 18. Почти все они по происхождению могут быть разделены на четыре группы (см. табл. 4).

К первой группе относятся три буквы — «живете», «цы», «червь», очень сходные по форме с соответствующими кирилловскими буквами, но для которых почти в равной мере возможен приоритет и кириллицы и глаголицы. Из этих букв «цы» и «червь» несомненно были заимствованы одной из славянских азбук из еврейского алфавита, а затем перешли во вторую славянскую азбуку. Однако утверждать, какая из азбук заимствовала эти буквы первой, трудно, так как буквы эти в каждой из славянских азбук были перестроены в соответствии с ее особым графическим стилем. В глаголице ближе к еврейскому прототипу буква «цы», а в кириллице — «червь».

Кирилловская и глаголическая «живете» очень сходны по их форме; отсюда следует, что буква «живете» тоже несомненно перешла из одной славянской азбуки в другую с некоторой графической ее трансформацией применительно к стилю второй азбуки. Первоначальный же источник буквы «живете» недостаточно ясен. Выведение этой буквы из коптской «джанджи» (Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Селищев и др.) маловероятно, так как вряд ли Кирилл и его ученики были знакомы с коптским алфавитом. Как уже отмечалось, вероятнее всего кирилловская «живете» была получена из сочетания двух букв «земля» или же путем добавления средней вертикальной черты к букве «хер».

Ко второй группе относятся четыре буквы — «ша», «шта», «буки», «ю», тоже очень сходные с соответствующими кирилловскими и почти несомненно происходящие из кириллицы. Это подтверждается следующими соображениями.

Буква «ша» была заимствована одной из славянских азбук из еврейского алфавита, а затем перешла во вторую азбуку. При этом «ша» — единственная буква, форма которой в обеих азбуках совершенно одинакова. Но по своему геометрическому построению «ша» полностью соответствует общему стилю кириллицы, в глаголице же выглядит чужеродной буквой. Поэтому впервые «ша», вероятно, появилась в кириллице.

Буква «шта» в кириллице была получена путем лигатурного сочетания «ша» с «твердо», что соответствовало названию и звуковому значению этой буквы. Глаголическая «шта», при почти полном совпадении ее формы с кирилловской «шта», не могла быть получена таким же путем, так как в этом случае она должна была бы иметь снизу не одну, а две петли (в соответствии с формой глаголической «твердо»). Маловероятно выведение формы глаголической буквы «шта» и из сочетания «ша» с «червь», так как в старославянском языке эта буква произносилась как *шт*, а не как *шч*. Значит, форма глаголической буквы «шта» тоже может быть объяснена лишь подражанием кириллице.

Кирилловская «буки» (Б) представляет собой, как указывалось, графическое видоизменение «веди» (В); в связи с этим она и стоит рядом с «веди». В глаголице графика «буки» не имеет ничего общего с «веди», но очень близка к кирилловской «буки». Поэтому форма глаголической «буки», в особенности же помещение ее в алфавите рядом



с «веди» могут быть объяснены также только подражанием кириллице.

Кирилловская буква «ю» была получена как лигатурное сочетание «и» (i) с «ук» (ou) с последующим отпадением второй части «ук» (y); такое происхождение кирилловской «ю» соответствовало звуковому значению этой буквы (йотированный у). В глаголице сходная с кириллицей форма «ю» не отражает звукового значения этой буквы и тоже может быть объяснена лишь подражанием кириллице.

К той же группе может быть отнесена и глаголическая «ять». В кириллице «ять» (ѣ) представляет собой графическое усложнение буквы «ерь» (ь); в какой-то мере это связано со звуковым значением этих букв. В глаголице форма буквы «ять» легче всего объяснима как подражание форме кирилловского «малого юса».

К третьей группе относятся буквы «ер», «ерь», а также первоначальные глаголические «юс малый» и «юс большой». Эти глаголические буквы отличны по форме от соответствующих им кирилловских букв; построение их в каждой из азбук могло быть самостоятельным.

Так, буквы «ер» и «ерь» в кириллице были получены путем графического видоизменения буквы «и». В древнейших же из дошедших до нас глаголических рукописей (например, в «Киевских листках») буквы «ер» и «ерь» представляют собой графические видоизменения глаголической буквы «он».

В глаголице, в большей мере, чем в кириллице, было связано со звуковым значением построение двух первоначальных «юсов». В кириллице форма «юсов» была, вероятно, получена путем усложнения формы уставного («прописного») А; это почти не отражало звукового значения «юсов». В глаголице первоначально было, видимо, два «юса»: для *э* носового — буква, представляющая собой сочетание глаголической «еть» с чем-то вроде перевернутой «еть»; для *о* носового — сочетание глаголической буквы «он» с тем же значком. Значок этот (перевернутая «еть») большинство исследователей понимает как знак носового *и*; это подтверждается тем, что в «Синайской псалтыри» этот знак применялся вместо глаголической буквы «н» (например, в слове 'ангел').

Таким образом, самый принцип построения двух первоначальных глаголических и кирилловских «юсов» был совершенно различен; поэтому предполагать влияние одной азбуки на другую здесь нельзя. Но построение глаголических «юсов» гораздо лучше отражало звуковое значение

этих букв. Поэтому, если принять, что глаголица была создана на основе кириллицы, то причина изменения построения «юсов» вполне ясна: она была обусловлена естественным стремлением лучше отразить звуковое значение этих букв. Если же кириллица была создана на основе глаголицы, то причина замены очень удачного глаголического принципа построения «юсов» худшим кирилловским становится непонятной.

Буква «еры» и в кириллице и в глаголице представляет собой сочетание буквы «ер» или «ерь» с буквой «и».

К четвертой группе относятся буква «ук» и два «юса», появившиеся в глаголице в более позднее время («юс малый» нейотированный и «юс большой» йотированный). Эти глаголические буквы тоже отличны по форме от аналогичных кирилловских букв, но имеют одинаковый с ними принцип построения. Последнее, как явствует из анализа этих букв, может быть объяснено лишь подражанием кириллице.

Так, буква «ук» в кириллице является лигатурой «он» с «ижицей» аналогично тому, как в византийском письме звук *y* передавался сочетанием «омикрона» с «ипсилоном». В глаголице же «ук» представляет собой лигатуру двух букв «он», что не отражает звукового значения «ук» и объяснимо только как неудачное подражание лигатурному построению кирилловской буквы «ук».

Тот же вывод может быть сделан в отношении двух «юсов», появившихся в кириллице и глаголице в более позднее время. В кириллице, как отмечалось выше, позднее, видимо, появились два йотированных «юса». Буквы эти были построены в кириллице как лигатурные сочетания буквы «и» с соответствующим нейотированным «юсом», что закономерно отражало звуковое значение этих букв. В глаголице, по-видимому, в более позднее время появились «юс малый» нейотированный и «юс большой» йотированный.

Первая из этих более поздних глаголических букв была, вероятно, получена путем отделения правой части первоначального глаголического «малого юса». Эта часть «малого юса» стала применяться для передачи носового э нейотированного, а «малый юс» в целом («э» плюс знак носового «н») — для передачи носового э йотированного<sup>19</sup>. Такое построение и применение двух глаголических «малых юсов» может быть объяснено только подражанием кириллице, в которой нейотированный «малый юс» со-

<sup>19</sup> Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951, с. 36.

стоял из одного, а йотированный — из двух графических элементов.

Неясно происхождение глаголического йотированного «большого юса». Буква эта представляла собой сочетание значка для носового *н* с каким-то неизвестным знаком, напоминающим перевернутую глаголическую букву «зело»<sup>20</sup>. Вероятно, в основе этого «юса» тоже лежало подражание двухэлементному построению кирилловского йотированного «большого юса».

Недостаточно ясно происхождение формы глаголической буквы «зело». Напомним, что Е. Ф. Карский выводит кирилловскую «зело» из греческой «дигаммы», а глаголическую «зело» — из кирилловской «зело».

Наконец, если бы кириллица была создана на основе глаголицы, было бы непонятно, почему ее создатель не перенес в нее из глаголицы букву «дєрвь», тем более что позже, в XII в. аналогичная буква появилась в ряде кирилловских рукописей. Кстати, форма глаголической «дєрви» значительно ближе к византийской и кирилловской букве «м», чем к самаритянской букве «йод», из которой выводят «дєрвь» А. М. Селищев<sup>21</sup> и некоторые другие исследователи.

Таким образом, графическая форма или принцип лигатурного построения десяти из 18 рассмотренных выше новых глаголических букв («ша», «шта», «буки», «ю», «ук», «ять», «зело», «дєрвь» и двух позже появившихся «юсов») могут быть объяснены подражанием кириллице; в отношении четырех букв («живете», «цы», «чєрвь», «єры») в равной мере допустимо предположение о подражании глаголицы кириллице и наоборот. В пользу приоритета кириллицы, кроме того, свидетельствует иное (причем более совершенное, чем в кириллице) построение двух первоначальных глаголических «юсов», а также букв «єр», «єрь».

На кирилловской основе, по-видимому, было создано не менее половины и тех глаголических букв, которые предназначались для передачи звуков, одинаковых в славянском и греческом языках. Таких букв в глаголице было 22 (табл. 4). Из них примерно 11 букв — «добро», «єсть», «люди», «мыслете», «рцы», «фєрт», «омега», «фита» и, вероятно, также «како», «он», «тєрдо» представляют собой

<sup>20</sup> Н. Н. Дурново в своей уже упоминавшейся нами работе считает этот знак не дошедшей до нас глаголической буквой, обозначавшей некую палатальную гласную.

<sup>21</sup> Селищев А. М. Старославянский язык, с. 50.

Л → Ѡ (добро)	v → ѱ (веди)
Є → Э (есть)	q → Ѡ (глаголь)
К → Ѣ (како)	i → Ѣ (и)
Л → Я (люди)	n → ꙗ → ꙗ (наш)
М → Ѥ (мыслете)	p → ꙑ (покой)
О → Э (он)	h → ѣ (хер)
Р → Ъ (рцы)	† (аз)
Т → Ѧ (твердо)	8 (иже)
Ф → † (ферт)	Ω (слово)
Ѡ → Ω (омега)	⊕ (земля)
θ → ⊕ (фита)	⊖ (ижица)

Т а б л и ц а 4. Происхождение формы глаголических букв, созданных для передачи звуков, одинаковых в славянском и греческом

В левой колонке 11 букв, представляющих собой [трансформированные кирилловские буквы. В правой колонке верхние 6 букв — трансформация соответствующих латинских букв; нижние 5 букв — самостоятельные построения, в том числе первые три — по символическому принципу

трансформированные (перевернутые, снабженные петлями и т. п.) кирилловские буквы. Напомним еще раз, что обратное предположение, согласно которому эти кирилловские буквы представляют собой графическую трансформацию глаголических букв, неприемлемо. Оно неприемлемо потому, что источник этих кирилловских букв совершенно несомненен. Таким источником был византийский устав, форму которого эти кирилловские буквы копируют без каких-либо изменений.

Почти несомненен источник и шести других из этих 22 глаголических букв. Буквы эти — «веди», «глаголь», «и», «наш», «покой», «хер» — очень близки к соответствующим латинским буквам и представляют собой графическую трансформацию последних применительно к общему стилю глаголической азбуки.

Остальные пять из этих 22 глаголических букв («аз», «иже», «слово», «земля», «ижица») построены самостоятельно. Первые три представляют собой символические построения («аз» — крест; «иже», «слово» — символические сочетания треугольника и круга, графически подобные друг другу, так как из этих букв строилось имя 'Иисус'), а последняя («ижица») является графически самой сложной и вычурной из всех глаголических букв.

Таким образом, форма всех 40 букв глаголической азбуки может быть объяснена без обращения к византийской скорописи, принципиально отличной от глаголицы в графическом отношении и не применявшейся для литургических целей. Форму 25 глаголических букв (11 букв, служивших для передачи звуков, одинаковых в греческом и славянском языках, и 14 букв, служивших для передачи особых славянских звуков) можно объяснить подражанием принципу построения или же стилизацией формы соответствующих букв кириллицы, а форму шести других глаголических букв — стилизацией соответствующих латинских букв. Три глаголические буквы («аз», «иже», «слово») представляли собой искусственные символические построения, четыре («ер», «ерь» и первоначальные глаголические «юсы») — самостоятельные фонетические лигатуры, две («земля» и «ижица») — столь же самостоятельные сложные графические композиции.

Все это подтверждает ранее сделанный вывод о том, что глаголица является продуктом искусственного индивидуального творчества с использованием для нее в качестве основы ранее существовавшей кириллицы.

## 6

К какому же времени относятся древнейшие дошедшие до нас памятники кириллицы и глаголицы и каким славянским народам принадлежат эти памятники?

Как уже отмечалось, от периода деятельности Кирилла, Мефодия и их учеников никаких письменных памятников до нас не дошло.

До недавнего времени древнейшей датированной славянской надписью считалась надпись 993 г., выполненная кирилловскими буквами на надгробной плите членов семьи болгарского царя Самуила в Македонии. Надпись эта до сих пор воспроизводится как древнейшая почти во всех западноевропейских трудах по всеобщей истории

письма. Между тем, за последние годы в СССР\*, Болгарии и Румынии было найдено несколько более древних славянских надписей.

На этих надписях, а также на старейших славянских рукописных памятниках мы остановимся несколько подробнее, так как от времени и места их происхождения в значительной мере зависит решение вопроса о том, какая азбука была создана Кириллом и каким образом возникла другая славянская азбука.

Древнейшими из известных до сих пор славянских надписей являются надписи, открытые в 20—30-х годах текущего столетия болгарскими академиками Крстю Миятевым и Иваном Гошевым на стенах и керамических плитах церкви болгарского царя Симеона (893—927 гг.) в бывшей столице Болгарии Преславе. Надписи эти выполнены частично кириллицей, частично глаголицей. Большинство надписей еще не опубликовано и недостаточно изучено. К. Миятев и И. Гошев относят их к началу правления царя Симеона, т. е. к последнему десятилетию IX в. Другие ученые (М. Вейнгарт, С. М. Кульбакин) относят эти надписи к более позднему времени — к X—XI вв. Однако крупнейший специалист по староболгарской письменности Е. Георгиев утверждает, что на одной из новооткрытых и еще не опубликованных симеоновских надписей явственно читается дата — 893 г.<sup>22</sup> На рис. 8 показана одна из этих надписей: верхняя строка выполнена глаголицей, две нижние — кириллицей. Читаются нижние две строчки следующим образом:

църкы сятааго иоана делае. . .

пауломь хартофулазомь

Следующей по древности славянской надписью является русская кирилловская надпись первой четверти X в., открытая Д. А. Авдусиным при раскопках курганов под Смоленском. Надпись эта, нанесенная на глиняный сосуд

\* Археологические открытия последних десятилетий показали, что древнейшие орудия письма — «писала», или «стили» — относятся ко второй половине X в., т. е. они почти на 100 лет старше первых берестяных грамот» (Медынцева А. А. Начало письменности на Руси по археологическим данным // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 87. См. там же обширную библиографию по указанной в заголовке теме).

<sup>22</sup> Георгиев Е. Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) языка // Славянская философия, т. I, 1958.

(рис. 9, верх), обычно читается «гороухша» — «горчичное зерно», «горчица»; следовательно, надпись эта имела торгово-бытовое назначение<sup>23\*</sup>. Между тем, использование славянского письма для торгово-бытовых целей могло развиться лишь значительно позже, чем для церковных и государственных нужд<sup>\*\*</sup>. Поэтому отнесение надписи «гороухша» к первой четверти X в. делает очень вероятной датировку симоновских надписей последним десятилетием IX в.

Много открыто за последние десятилетия памятников русской торговой, ремесленной и бытовой письменности XI в. К ним относятся прежде всего различные торговые, хозяйственные и бытовые записи на бересте (так называемые берестяные грамоты), найденные в очень большом количестве А. В. Арциховским при недавних раскопках в Новгороде<sup>24\*\*\*</sup>. Одна из таких грамот, (рис. 9, низ), относимая к XI в., представляет собой письмо Гостяты к Васильви с жалобой на родича, взявшего новую жену и лишившего Гостяту имущества: «От Гостяты къ Васильви. Еже ми отъць даял и роди съдаяли, а то за нимъ. А ныне, вода новую жену, а мъне не въдасть ничто же. Избивъ руки пустилъ же мя. А иную поял. Доеди добре сътворя».

К памятникам русской письменности XI в. относятся также: шутливые надписи, найденные на стенах Софийского собора в Новгороде<sup>\*\*\*\*</sup> (например: «Акиме, стоя, оусне,

<sup>23</sup> *Авдусин Д. А. и Тихомиров М. Н.* Древнейшая русская надпись // Вестник АН СССР, 1950 № 4. \* См. также: *Жуковская Л. П.* Гипотези й факти про давньоруську писемність до XII ст. // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI—XVIII ст. Київ, 1981. С. 13—14; *Медынцева А. А.* Начало письменности на Руси. . . С. 93—94. (\*\* Новейшие открытия в Новгороде опровергают это утверждение В. А. Истрина. См.: *Медынцева А. А.* Новгородские находки и дохристианская письменность на Руси // Сов. археология, 1984, № 4. С 49—61. Она же. Начало письменности на Руси . . . См. также: *Рождественская Т. В.* Письменная традиция Северной Руси по эпиграфическим данным // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987.

<sup>24</sup> *Арциховский А. В. и Тихомиров М. Н.* Новгородские надписи на бересте. М., 1953; *Арциховский А. В. и Борковский В. И.* Новгородские надписи на бересте. М., 1958; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты // Советская археология, 1960, № 1. \*\*\* Последняя фундаментальная публикация: *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте. (Из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. \*\*\*\* См.: *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1978.

а рѣта и о камень не ростепе»); многочисленные надписи и клейма, цифровые или с именами ремесленников, нанесенные на строительные плиты, кирпичи, сапожные колодки, оружие и т. п.; столь же многочисленные надписи с именами девушек и женщин, обнаруженные на пряслицах XI—XII вв. (пряслица — каменные колечки, надевавшиеся на веретено для ускорения вращения; см. рис. 15)<sup>25</sup>.)

Все эти памятники, выполненные кириллицей, подтверждают, что кирилловская письменность в X—XI вв. была уже очень широко распространена на Руси и, значит, возникла задолго до этого времени.

Древнейшей датированной кирилловской надписью считается сейчас болгарская надпись 943 г., найденная в 1950 г. в румынской Добрудже (см. рис. 8)<sup>26</sup>; примерно к тому же времени относится кирилловская надпись на гробнице Мостича в Преславе<sup>27</sup>. Древнейшей датированной глаголической надписью является запись 982 г. на греческом акте Иверского монастыря.

Наиболее древними датированными рукописями, выполненными кириллицей, являются: «Остромирово евангелие», переписанное в 1056—1057 гг. двумя писцами по заказу новгородского посадника Остромира, а также два сборника нравоучительных статей, изготовленные в 1073 и 1076 гг. для русского князя Святослава («Изборники Святослава»). Все три рукописи, в особенности «Остромирово евангелие» (рис. 10), написаны прекрасным четким уставным почерком, снабжены художественными заставками и инициалами. Они представляют собой великолепные образцы книжного оформления, что показывает, какой большой путь прошло русское книжное искусство к XI в. Вероятно, еще древнее, чем «Остромирово

---

Надписи Киевского Софийского собора исследовал С. А. Высоцкий. Его основные публикации: *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Киев, 1966; *Он же.* Средневековые надписи Софии Киевской XI—XVII вв. Киев, 1976; *Он же.* Киевские граффити XI—XVII вв. Киев, 1985. О том, что письмо на бересте существовало в Новгороде на протяжении всего X в. см.: *Колчин Б. А., Янин В. Л.* Археология Новгорода 50 лет! Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 94—96.

<sup>25</sup> История культуры древней Руси, т. I—II. М., 1950—1951.

<sup>26</sup> *Е. Георгиев.* Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952.

<sup>27</sup> *Тихомиров М. Н.* Начало славянской письменности в свете новейших открытий // Вопросы истории, 1959, № 4.



евангелие», некоторые недатированные кирилловские рукописи болгарского происхождения. Наиболее древними из них считаются: «Саввина книга» — сборник евангельских чтений, получивший свое название по двум припискам с именем Саввы; «Супрасльская рукопись» — собрание житий и легенд, найденное в Супрасльском монастыре около Белостока; «Житие Кондрата», «Евангельские листки В. М. Ундольского», «Хиландарские листки» и др. Рукописи эти, в особенности первые две, обычно относят к первой половине XI в.

Наиболее древними рукописями (недатированными), выполненными глаголицей, считаются: «Киевские листки» — листки из западнославянской католической богослужебной книги «Миссал», найденной в 1874 г. в Киеве и относимой обычно к началу X в. (рис. 11\*); «Пражские отрывки» — два пергаментных листка с песнопениями по восточному обряду, найденные в 1855 г. в Праге в переплете латинской рукописи, которые одни исследователи относят к X в., а другие — к XI в.; «Зографское евангелие», найденное в Зографском монастыре на Афоне, — X—XI вв. Сравнительно многочисленные глаголические южнославянские памятники дошли до нас от XI в. Это «Ассеманиево евангелие», «Мариинское евангелие», «Клоцов кодекс», «Синайская псалтырь» и др.

Таким образом, даже в том случае, если не признавать датировки симеоновских надписей 893 г., древнейшие памятники, выполненные кириллицей (надпись «гороухша») и глаголицей («Киевские листки»), относятся к началу X в. Если же признать верной указанную выше датировку симеоновских надписей, то начало одновременного применения обеих славянских азбук — кириллицы и глаголицы — отодвигается к еще более раннему времени — к последнему десятилетию IX в. Это представляется более вероятным. Ведь в X в., судя по дошедшим до нас памятникам, каждая из двух азбук применялась уже в нескольких славянских странах: кириллица у южных (преславская, добруджанская и другие надписи) и восточных славян («гороухша»), глаголица — у западных («Киевские листки») и южных (преславская надпись, надпись на акте

---

\* Киевские листки были исследованы, изданы факсимильно и обычной печатью к IX Международному съезду славистов в Киеве: *Німчук В. В.* Київські глаголичні листки. Найдавніша пам'ятка слов'янської писемності. Київ, 1983.

Иверского монастыря и др.); кириллицу, кроме того, уже начали использовать не только для государственных или церковных целей, но и для бытовых нужд.

Итак, самым поздним сроком начала одновременного применения кириллицы и глаголицы надо считать первое или второе десятилетие X в. или же — что более вероятно — последнее десятилетие IX в. Таков важнейший вывод, который может быть сделан из рассмотрения древнейших дошедших до нас памятников славянской письменности.

Вторым не менее важным выводом является определение вероятного места возникновения глаголицы.

Древнейшая из дошедших до нас глаголических рукописей принадлежит западным славянам («Киевские листки»), большинство древнейших кирилловских рукописей принадлежит восточным и южным славянам, в частности русским и болгарам. Лингвисты, кроме того, давно обратили внимание на частую встречаемость в глаголических рукописях так называемых «моравизмов», т. е. написаний слов, характерных для моравского языка.

Дольше всего сохранилось применение глаголицы тоже у западных, точнее — у юго-западных славян. Так, в некоторых католических приходах Далматинского побережья Адриатического моря глаголица применялась до недавнего времени. Наоборот, у восточных и южных славян более простая, удобная и четкая кириллица сравнительно быстро вытеснила глаголицу. В частности, на основе кириллицы развилось современное русское, болгарское и сербское письмо; до 70-х гг. XIX в. кирилловское письмо применялось также в Румынии.

Из всего этого может быть сделан вывод, что наиболее вероятное место возникновения глаголицы — это Моравия. Что касается кириллицы, то вероятное место ее происхождения указать гораздо труднее, так как преобладание кириллицы даже в самых ранних памятниках восточных и южных славян вполне может быть объяснено большей простотой и удобством этой азбуки по сравнению с глаголицей.

## Глава 3

### Существовало ли письмо у славян до введения азбуки Кирилла (Константина) и каким было это письмо

#### 1

Доказательствам существования письменности в докирилловский (дохристианский) период у славян, в частности у восточных и южных, был посвящен за последние годы ряд работ советских и болгарских ученых.

В результате этих работ, а также в связи с открытием новых древнейших памятников славянской письменности вопрос о существовании у славян письма в этот период вряд ли может вызывать сомнения. Об этом свидетельствуют многие древнейшие литературные источники как славянские, так и западноевропейские и арабские. Это подтверждается указаниями, содержащимися в договорах восточных и южных славян с Византией, некоторыми, правда не всегда достаточно ясными, археологическими данными и, наконец, лингвистическими, историческими и общесоциологическими соображениями. Меньше материалов имеется для решения вопроса, что представляло собой древнейшее славянское письмо и как оно возникло.

Для того чтобы изложение вопроса о древнейшей славянской письменности было яснее, необходимо кратко остановиться на основных этапах мирового развития письма, а также на связях, соединяющих различные типы письма с особенностями разных языков<sup>1</sup>.

Письмо — это важнейшее средство передачи речи на расстояние или закрепления ее во времени, осуществляемое при помощи графических знаков или изображений, передающих те или иные элементы речи — целые сообщения, отдельные слова, слоги или звуки. В зависимости

<sup>1</sup> *Истрин В.* Развитие письма. М., Изд-во АН СССР, 1961.

от того, какие элементы речи передаются письменными знаками или изображениями, обычно различают четыре основных типа письма: пиктографическое, логографическое, слоговое и звуковое.

Мировое развитие письма протекало в направлении передачи письменными знаками все более и более мелких элементов языка, что позволяло обходиться все меньшим количеством разных знаков. При этом письменные знаки теряли свой первоначальный изобразительный характер.

Развитие письма происходило в тесной связи с развитием общества.

Древнейший, самый первоначальный тип письма — это пиктографическое письмо (от латинского *picto* — рисую). Основными средствами этого письма были более или менее сложные рисунки сюжетного, повествовательного характера или же серии рисунков (как бы «рассказы в картинках»). При помощи таких рисунков передавались на расстояние различные сообщения (например, военные, охотничьи) или же закреплялись во времени какие-либо памятные события, например, условие торгового обмена или сообщения о военных походах (на надгробных памятниках вождей). Иногда в этом письме использовались и простейшие условные знаки, например черточки, указывавшие на количество предметов, о которых шла речь, условные знаки племенной собственности, календарные обозначения месяцев и т. п. Это первоначальное, зачаточное письмо обычно появлялось в период развития племенного строя. Формирование его было обусловлено превращением небольших и разрозненных родовых групп в более крупные племенные общины, а также развитием между ними постоянных торгово-обменных и иных связей. Пиктографическое письмо широко применялось еще в сравнительно недавнем прошлом племенами американских индейцев, многими народами Крайнего Севера и некоторыми африканскими племенами.

По мере развития общества из этого первоначального «картинного» письма обычно выделялись наиболее часто повторявшиеся изобразительные знаки; за знаками этими закреплялось то или иное смысловое значение (например, дымящаяся трубка у американских индейцев как знак мира). Постепенно эти изобразительные знаки начинали обозначать определенные слова; в результате пиктографическое письмо переходило в гораздо более сложное, но и более точное логографическое письмо (от греческого *λογος* — слово).

Древнейшие логографические системы письма — египетская, шумерская, критская, китайская и др. обычно возникали в связи с формированием первых рабовладельческих государств (IV—начало II тысячелетия до н. э.). Возникновение этих систем письма было обусловлено потребностью первых государств в более упорядоченном и точном письме: потребность эту уже не могла удовлетворить примитивная пиктография. В свою очередь, потребность в упорядоченном и точном письме появлялась в связи с необходимостью сложного хозяйственного учета, характерного для рабовладельческих государств, в связи с развивавшейся торговлей, для записи крупнейших исторических событий, религиозных обрядов, посвящений богам и т. п.

По мере дальнейшего развития общества, в частности по мере развития торговли, громоздкое и сложное логографическое письмо обычно преобразовывалось в более простое для обучения и более удобное для пользования слоговое или буквенно-звуковое. Впервые слоговые знаки получили широкое применение в III—II тысячелетиях до н. э. в переднеазиатской клинописи и затем в критском письме.

В настоящее время слоговое письмо применяется в Индии, в Японии, в Эфиопии.

Буквенно-звуковые знаки впервые появились в древнеегипетском письме, а первая чисто звуковая система письма была создана в конце II тысячелетия до н. э. наиболее передовым торговым народом древности — финикийцами; от финикийцев это письмо было заимствовано евреями, арамейцами, греками, а затем получило распространение у большинства народов мира. Буквенно-звуковое письмо обычно подразделяется на консонантно-звуковое, знаки которого обозначают только согласные звуки, и вокализованно-звуковое, знаки которого обозначают как согласные, так и гласные звуки речи. Консонантно-звуковое письмо применялось или применяется главным образом семитскими народами — финикийцами, арамейцами, евреями, арабами и др., так как в языках этих народов особенно большое значение имеют согласные звуки (см. ниже, стр. 97). Вокализованно-звуковое письмо впервые возникло в IX—VIII вв. до н. э. у древних греков, а от них перешло к римлянам (латинское письмо), к славянам и другим народам.

Особенности развития письма у различных народов в значительной мере определялись особенностями их языков.

Так, например, развитию и длительному сохранению логографического письма очень способствовал так называемый корнеизолирующий строй языка, при котором слова грамматически не изменяются (не склоняются, не спрягаются и т. п.), а отношения между словами выражаются при помощи строго определенного порядка слов в предложении, при помощи служебных слов (например, предлогов) и интонаций; эта особенность языка была, в частности, одной из причин длительного сохранения логографического письма в Китае. Наоборот, для языков, в которых слова грамматически изменяются, логографическое письмо оказывалось очень неудобным. Это обусловлено тем, что логограмма обычно обозначает целое слово. Поэтому без помощи дополнительных слоговых или буквенно-звуковых знаков логографическое письмо не в состоянии отразить грамматические изменения слов. Так, при применении в русском письме цифровых знаков, которые являются логограммами, приходится для передачи падежных окончаний дополнять цифру буквами, например 3-х, 3-мя.

Аналогично этому слоговое письмо оказывалось удобным для тех языков (например, для японского), которые состоят из ограниченного количества разных слогов; наоборот, при большом количестве разных слогов необходимо было или создавать огромный ассортимент слоговых знаков, что очень усложняло бы письмо, или же примириться с неточной передачей языка. Особенно неудобно слоговое письмо для языков, в которых часто встречаются смежные и конечные согласные. Это обусловлено тем, что слоговые знаки, как правило, обозначают или изолированные гласные звуки (например, *a, o, э, y*) или же сочетания согласного звука с гласным (например, *та, то, тэ, ту, ка, ко, кэ, ку*).

Наконец консонантно-звуковое письмо оказывалось удобным только для тех языков, в которых гласные звуки имеют меньшее значение, чем согласные. В языках этих (древнеегипетском, финикийском, еврейском, арабском и др.) корневая основа слов строится обычно из согласных; гласные же, как бы прослаивающие корневую основу, изменяются и служат для образования грамматических форм и различных производных слов. Так, в древнееврейском языке корневая основа *К — Т — Л* — «убивать», путем прослаивания ее разными гласными образовывала слова: *KeToL* — неопределенное наклонение глагола «убивать», *KoTeL* — «убийца», *KaTuL* — «убитый» и т. п.

Из всего сказанного следует, что для славянских языков (помимо первоначального пиктографического письма) удобно и приемлемо только вокализированно-звуковое письмо. Логографическое письмо не смогло бы привиться у славян, так как славянские языки отличаются богатством и разнообразием грамматических форм. Слоговое письмо было бы непригодно для славянских языков, так как языки эти отличаются многообразием слогового состава и нередкой встречаемостью смежных согласных (конечные согласные в славянской речи VIII—IX вв., по-видимому, еще почти не встречались). Наконец, консонантно-звуковое письмо было бы неприемлемо, так как в славянских языках согласные и гласные звуки выполняют одинаковые функции и, в частности, в равной мере участвуют в образовании корневых основ слов.

В свете общих закономерностей развития письма потребность в первоначальном пиктографическом письме должна была возникнуть у славян, как и у других народов, в период формирования у них племенного строя, а потребность в упорядоченном и развитом письме — в период зарождения славянской государственности.

## 2

Вернемся к вопросу о докирилловском славянском письме. В русских работах до середины 40-х годов текущего столетия, а в зарубежных — и до сих пор вопрос о существовании письма у славян в дохристианский период их развития, исключительно важный для истории славянской культуры, как правило, подменялся другим, более узким, какая азбука и на какой основе была создана Константином и как возникла вторая славянская азбука. Ответ давался обычно без анализа общественных условий, вызвавших появление письма у славян. Чрезмерно большое значение придавалось внешним влияниям. Так, чешский историк письма Ч. Лоукотка в монографии по истории письма утверждал: «Славяне, позднее выступившие на европейском культурном поприще, научились писать лишь в IX веке. Так называемые славянские руны, на которые часто ссылались, оказались при подробном исследовании фальсификацией. Поэтому говорить о наличии письма у славян раньше конца IX века не приходится, если не считать зарубок на бирках и других мнемотехнических средств»<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> Лоукотка Ч. Развитие письма. М., 1950, с. 157.

Со второй половины 40-х до конца 50-х годов у многих советских авторов проявлялась обратная, но столь же неправильная тенденция — чрезмерно снижать роль внешних влияний в возникновении славянского письма, считать, что письмо самостоятельно возникло у славян еще с глубочайшей древности. «Можно говорить, — писал например, П. Я. Черных, — о непрерывной (с доисторической эпохи) письменной традиции на территории древней Руси»<sup>3</sup>. Характерными проявлениями этой тенденции могут служить опубликованные в 50—60 годах статьи А. С. Львова, Н. А. Константинова, А. А. Формозова, Н. В. Энговатова и И. А. Фигуровского.

Так, А. С. Львов<sup>4</sup>, исходя из того, что «древнейшие глаголические буквы состояли из прямых линий и треугольников», делал неожиданный вывод, что «глаголица имеет прямое отношение к клинописи». Таким образом, А. С. Львов относил появление глаголицы не позже чем к концу I тысячелетия до н. э., так как последние памятники переднеазиатской клинописи датируются концом или даже серединой I тысячелетия до н. э., после чего клинопись совершенно исчезает. Между тем, в I тысячелетии до н. э. праславянские племена, видимо, даже не сложились полностью как народность и находились на таких ранних ступенях родового строя, когда у них никак не могла появиться потребность в столь развитой буквенно-звуковой системе письма, как глаголица. Примерно к тому же времени относил зарождение славянской глаголицы и Н. А. Константинов<sup>5</sup>, выведивший ее из слогового письма, существовавшего в V—IV вв. до н. э. на острове Кипр. Еще дальше в туманную глубь веков относил начало славянской письменности А. А. Формозов<sup>6</sup>. Согласно А. А. Формозову, какая-то письменность, состоящая из условных знаков, оформленных в строки, общая для всей степной полосы России и «сложившаяся на местной основе», существовала уже в середине II тысячелетия до н. э. Ряд авторов — тот же Н. А. Константинов, Н. В. Энговатов, И. А. Фигуровский, — несмотря

<sup>3</sup> Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950, с. 18.

<sup>4</sup> Львов А. С. К вопросу о происхождении русского письма // Русский язык в школе, 1951, № 6.

<sup>5</sup> Константинов Н. А. О начале русской письменности // Нева, 1957, № 7.

<sup>6</sup> Формозов А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // Вестник древней истории, 1953, № 1.



на недостаточность исходных фактических материалов, опубликовали даже алфавиты предполагаемого ими протоглаголического письма.

Большинство этих гипотез исходило из стремления во что бы то ни стало доказать «приоритет» славян во всех областях мировой культуры, приравнять развитие славяно-русского письма к развитию письма у древнейших народов мира — древних египтян, шумеров, критян, китайцев и др. «Русское письмо, — писал, например, Л. В. Черепнин, — прошло, надо думать, путь, общий всем народам, от рисунка, изображающего определенный образ или понятие, через изображения, соответствующие словам, к слоговому и, наконец, звуковому (или фонетическому) способу»<sup>7</sup>.

Прежде всего необходимо еще раз напомнить, что слоговое, так же как и логографическое, письмо непригодно для передачи славянских языков и уже по одному этому вряд ли могли бы развиваться у славян.

Кроме того, история письма показывает, что ни один из народов, даже самых древнейших, не проходил полностью всего пути мирового развития письма. Так, древние египтяне от пиктографии перешли к логографии, а от нее, минуя слоговое письмо, к письму логографическо-консонантному. Шумеры, а вслед за ними вавилоняне и ассирийцы от пиктографии и логографии перешли к логографическо-слоговому письму и не знали буквенно-звуковых знаков; видимо тот же путь прошли критяне. Индийцы и японцы перешли от логографии к слоговому письму, корейцы — к звуковому. Китайцы проектируют сейчас переход от логографии непосредственно к вокализованно-звуковому письму.

Даже часть указанного пути самостоятельно проходили лишь очень немногие, самые древнейшие народы (египтяне, шумеры, китайцы и др.), превосходившие в общественно-экономическом и культурном отношении всех своих соседей. При этом история их письма растягивалась на века и даже на тысячелетия.

В более же позднее время, по мере укрепления торговых, культурных и иных связей между народами, на развитии письма большинства народов все сильнее сказывались воздействия более совершенных систем письма их соседей. Финикийцы при построении своего алфавита использовали консонантно-звуковой принцип египетского

<sup>7</sup> Черепнин Л. В. Русская палеография, М., 1956, с. 82—83.

письма. Евреи, арамейцы и греки в основу своего письма положили финикийское письмо, римляне — греческое; системы письма Западной Европы возникли на основе латинского письма. В результате таких внешних воздействий развитие письма обычно сильно ускорялось, и многие народы (например, народы советского Севера) нередко даже переходили от пиктографии непосредственно к буквенно-звуковому письму.

Славяне, в том числе восточные, были сравнительно молодыми народами. Разложение первобытно-общинного строя началось у них лишь в середине I тысячелетия н. э. и завершилось во второй половине I тысячелетия образованием раннефеодальных государств. За такой короткий срок славяне не смогли бы самостоятельно пройти сложный путь от пиктографии к логографии, а от нее — к буквенно-звуковому письму. Кроме того, славяне находились в этот период в тесных торговых и культурных связях с византийскими греками. А греки уже много веков применяли совершенную систему буквенно-звукового письма, о которой славяне несомненно знали. Буквенно-звуковое письмо применяли также и другие соседи славян: на западе — немцы (латинское письмо), на востоке — грузины (с начала нашей эры), армяне (с начала V в. н. э.), готы (с IV в. н. э.) и хазары (с VIII в. н. э.). Зачем же было славянам самостоятельно «изобретать» то, что было хорошо известно от их соседей?

### 3

Докирилловское славянское письмо, по-видимому, могло быть только трех видов

Так, в свете общих закономерностей развития письма представляется почти несомненным, что еще задолго до образования связей славян с Византией у них существовали различные местные разновидности первоначального, примитивного пиктографического письма, типа упоминаемых Храбром «черт и резгов». Как указывалось, возникновение такого первоначального письма происходило, как правило, тогда, когда на основе прежних небольших, разрозненных и сравнительно нестабильных родовых групп возникали новые, значительно более сложные, крупные и более долговечные формы общности людей — племена и союзы племен.

Славяне, в том числе восточные, достигли высокого развития племенного строя еще в первой половине I тысячелетия н. э. К этому времени следует, вероятно, относить

и возникновение славянского письма типа «черт и резев».

Такой вывод подтверждается накопленными наукой за последние десятилетия документальными данными о высокой культуре славянских племен середины I тысячелетия н. э. Подтверждается этот вывод также и лингвистическими данными. Как отмечали многие исследователи, слова 'писать', 'читать', 'письмо', 'книга' общи для славянских языков. Следовательно, эти слова, как и само славянское письмо, возникли, вероятно, до разделения общеславянского языка на ветви, т. е. не позже середины I тысячелетия н. э. Академик С. П. Обнорский указывал: «Отнюдь не явилось бы смелым предположение о принадлежности каких-то форм письменности уже русам антского периода»<sup>8</sup> (т. е. примерно VI в. н. э.). Если относить это предположение к пиктографическому славянскому письму, то оно представляется даже очень осторожным.

Правда, древнейшее славянское письмо могло быть письмом лишь очень примитивным, включавшим небольшой, нестабильный и разный у разных племен ассортимент простейших изобразительных и условных знаков. В сколько-нибудь развитую и упорядоченную логографическую систему письмо это превратиться никак не могло. Никто из соседей славян логографических систем письма в этот период не применял, а для самостоятельного развития пиктографии в логографию требуются многие века; кроме того, логография, как уже указывалось, не соответствует и особенностям славянского языка.

Ограниченным было и применение первоначального славянского письма. Это были, видимо, простейшие счетные знаки в форме черточек и зарубок, родовые и личные знаки, знаки собственности, знаки для гадания, может быть, примитивные маршрутные схемы; календарные знаки, служившие для датировки сроков начала различных сельскохозяйственных работ, языческих праздников и т. п. Помимо соображений социологического и лингвистического порядка, существование у славян такого первоначального письма подтверждается довольно многочисленными литературными источниками IX—X вв. и археологическими находками (см. разделы 4 и 5 настоящей главы). Возникнув еще в первой половине I тысячелетия н. э., письмо это, вероятно, пережиточно сохранялось у славян даже после создания Кириллом упорядоченной славянской азбуки.

<sup>8</sup> Обнорский С. П. Культура русского языка. М., 1948, с. 9.

Вторым, еще более несомненным видом дохристианского письма восточных и южных славян было письмо, которое можно условно назвать письмом «протокирилловским». За последние годы ряд работ, посвященных доказательствам существования у славян этого письма, опубликовал болгарский ученый Е. Георгиев.

Письмо типа «черт и резев», пригодное для обозначения календарных дат, для гадания, счета и т. п., было непригодным для записи военных и торговых договоров, богослужебных текстов, исторических хроник и других сложных документов. А потребность в таких записях должна была появиться у славян (так же как это было у других народов) одновременно с зарождением первых славянских государств.

Для всех указанных целей славяне еще до принятия ими христианства и до введения азбуки, созданной Кириллом, несомненно использовали на востоке и юге греческие, а на западе — греческие и латинские буквы. Довольно обширным памятником записи славянской речи латинскими буквами являются так называемые «Фрейзингенские отрывки» (X в.); запись славянской речи греческими буквами дошла до нас лишь в виде отдельных славянских слов, вкрапленных в греческие тексты.

Греческое письмо, применявшееся славянами в течение двух-трех веков до официального принятия ими христианства, должно было постепенно приспосабливаться к передаче своеобразной фонетики славянского языка и, в частности, пополняться новыми буквами. Это было необходимо для точной записи славянских имен в церквях, в военных списках, для записи славянских географических названий и т. п. «Греки, учителя славян, — пишет Е. Георгиев<sup>9</sup>, — в IX в. уже придерживались известной системы при передаче славянских звуков греческими буквами». Так, согласно Е. Георгиеву, звук *б* передавался в этих случаях византийской буквой «вита», звук *ш* — «сигмой», *ч*, *ц* — сочетанием «теты» с «дзетой», *у* — сочетанием «омикрона» с «ипсилоном».

Так поступали греки. Славяне, вероятно, продвинулись еще дальше по пути приспособления греческого письма к более точной передаче своей речи \*. Для этого

<sup>9</sup> Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, с. 75.

\* Одну из последних гипотез по поводу постепенного создания кириллического алфавита аргументировал С. А. Высоцкий

из соответствующих греческих букв образовывались лигатуры, греческие буквы дополнялись буквами, заимствованными из других алфавитов, в частности из еврейского, который был известен славянам через хазар<sup>10</sup>. Так исподволь формировалось, вероятно, славянское «протокирилловское» письмо. История показывает, что аналогичный процесс приспособления письма к языку происходил почти во всех случаях заимствования одним народом системы письма другого народа, например при заимствовании финикийского письма греками, греческого — этрусками и римлянами и т. д. Славяне не могли быть исключением из этого правила. Предположение о таком постепенном формировании славянского «протокирилловского» письма подтверждается также тем, что кирилловская азбука в ее более позднем, дошедшем до нас варианте была настолько хорошо приспособлена для точной передачи славянской речи, что это могло быть достигнуто лишь в результате длительного ее развития.

Если считать, что письмо у славян не существовало еще задолго до принятия ими христианства, то непонятен и неожиданно высокий расцвет болгарской литературы в конце IX—начале X в., и широкое распространение грамотности в быту восточных славян X—XI вв., и высокое мастерство, которого достигло на Руси уже к XI в. искусство письма и книжное оформление (пример — «Остромирово евангелие»).

Предположение о существовании у славян протокирилловского письма подтверждается, кроме того, самим фактом моравского посольства в Византию. Отправляя в Византию свое посольство, князь Ростислав не мог не понимать, что богослужение и даже проповедь христианства на славянском языке немыслимы без записи богослужебных текстов по-славянски; а для такой записи было необходимо письмо, которое хотя бы неполно, но все же было приспособлено к передаче славянской речи. Значит,

---

своим открытием неполного алфавита на стене Киевского Софийского собора: *Висоцький С. О.* Азбука Софійського собору в Києві та деякі питання походження кирилиці // *Мовознавство*, 1976, № 4. С. 74—83. *Он же.* Київські графіті XI—XII ст. // *IX Міжнародний з'їзд славістів. . .*, с. 137.

<sup>10</sup> Хазары приняли иудаизм и вместе с ним древнееврейское письмо в конце VIII в. н. э. Письмо это, несомненно, было известно восточным славянам, которые вплоть до разгрома хазарского каганата (965 г.) находились в тесных военных и торговых отношениях с хазарами.

уже сам факт отправки моравского посольства свидетельствовал о том, что Ростислав, вероятно, слышал о существовании письма у славянских соседей Византии.

О существовании у славян протокирилловского письма свидетельствует и тот чрезвычайно малый срок, который понадобился Константину, согласно его «Житию», для разработки упорядоченной славянской азбуки. Такой короткий срок был возможен лишь при условии, что у Кирилла имелись какие-то исходные материалы.

Предположению, что Кирилл знал о существовании у славян протокирилловского письма и использовал его при создании своей азбуки, как будто противоречит только его ответ императору на предложение поехать в Моравию. «Я рад поехать туда, — ответил, согласно «Житию», Кирилл, — если только они имеют письменца для языка своего». И далее пояснил, что нельзя «на воде беседу писати», так как в этом случае можно «еретическое имя себе обрести». Однако это противоречие лишь кажущееся. Во-первых, слова Кирилла «если они имеют письменца для языка своего», вероятно, относились непосредственно к морavam, а не к славянам вообще. Во-вторых, Кирилл понимал, что для того, чтобы избежать возможных обвинений в ереси, необходимо иметь полностью упорядоченное и точное письмо, основанное на стабильной и единой азбуке. А протокирилловское письмо, формировавшееся стихийно и по-разному у разных славянских племен, не могло, конечно, достигнуть такого необходимого для богослужебных целей единства и стабильности; не могла сама собой возникнуть у славян и упорядоченная постоянная азбука. Все это должно было быть создано и было создано Кириллом.

С указанными оговорками существование у славян протокирилловского письма представляется несомненным. Начало же его формирования, как указывалось, следует относить к началу формирования славянской государственности, т. е. к VII—VIII вв. Так, к VII в. произошло объединение моравов под властью Само (623 г.), объединение чехов под властью Пшемисловичей (середина VII в.), основание ханом Аспарухом протоболгарского государства (679 г.) и т. п. Все это должно было вызвать потребность в более развитом и упорядоченном письме. К VII—VIII вв. относится и установление славянами тесных торговых и культурных отношений с Византией, откуда славяне легче всего могли заимствовать удобное для них буквенно-звуковое письмо. Такая датировка на-

чала формирования протокирилловского письма подтверждается, кроме того, тем, что, согласно исследованиям И. И. Срезневского, Е. Ф. Карского и др., вероятным источником кириллицы было греческое унциальное (уставное) письмо VII—VIII вв., а не IX в.<sup>11</sup>

Таковы две несомненные разновидности дохристианского славянского письма.

Третья, правда, не несомненная, а лишь возможная его разновидность может быть названа «протоглаголическим» письмом. Доказательству существования этого письма у славян до официального принятия ими христианства был посвящен ряд работ П. Я. Черных, Н. А. Константинова, Е. М. Эпштейна и других советских исследователей<sup>12</sup>.

Процесс формирования предполагаемого протоглаголического письма мог происходить двумя путями. Во-первых, этот процесс мог протекать под сложным влиянием греческого, еврейско-хазарского, а возможно, также грузинского, армянского<sup>13</sup> и даже рунического тюркского письма; памятники этого последнего письма, принадлежащие хазарам, открыты на территории расселения восточнославянских племен. Под влиянием этих систем письма славянские «черты и резы» могли постепенно тоже приобрести буквенно-звуковое значение, сохранив частично свою первоначальную форму; из истории письма известно, что аналогичный путь прошло германское руническое письмо. Во-вторых, и некоторые греческие буквы могли быть графически изменены славянами применительно к привычным формам «черт и резов».

Подобно кириллице, формирование протоглаголического письма тоже могло начаться у славян не ранее VIII в. Поскольку же это письмо (если только оно существовало) формировалось на примитивной основе древнеславянских «черт и резов», постольку к середине IX в. оно должно было оставаться еще менее точным и упорядоченным, чем протокирилловское письмо.

<sup>11</sup> Срезневский И. И. Палеографические заметки // Известия Академии наук. СПб., 1860, IX, с. 161; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 162.

<sup>12</sup> См. «Список литературы» в конце настоящей книги.

<sup>13</sup> Армянское письмо было создано в начале V в. н. э., а грузинское, вероятно, еще ранее; как то, так и другое письмо было известно восточным славянам, в частности славянскому населению Причерноморья. Имеется некоторое сходство и в общем графическом характере грузинского, армянского и глаголического письма.

В отличие от протокириллицы, формирование которой, вероятно, происходило почти на всей славянской территории, находившейся под влиянием византийской культуры, протоглаголическое письмо, если оно существовало, впервые сформировалось, по-видимому, у восточных славян. Это подтверждается отсутствием упоминаний об этом письме у Храбра, графическим сходством многих глаголических букв с еврейско-хазарскими и, наконец, тем, что почти все предполагаемые археологические памятники протоглаголического письма относятся к восточным славянам (см. разделы четвертый и пятый настоящей главы).

В условиях недостаточного развития во второй половине I тысячелетия н. э. политических и культурных связей между славянскими племенами, формирование каждого из трех предполагаемых видов дохристианского славянского письма должно было бы происходить у разных племен разными путями. Поэтому можно предполагать сосуществование у славян не только этих трех видов письма, но и местных их разновидностей. В истории письма случаи такого сосуществования были очень частыми. Так, в Финикии сосуществовали угаритский клинописный и финикийский линейный алфавиты, в ахеменидской Персии — арамейское и клинописное персидское письмо, в древней Индии — брахми и кхарошти, в Японии — катакана и хирагана.

Близкие к этому положения были впервые развиты академиком Д. С. Лихачевым. «Внутренние потребности классового общества, — писал он, — в условиях слабости политических и экономических связей у восточнославянских племен могли привести к образованию или заимствованию различных алфавитов на различных территориях. Знаменательно, во всяком случае, хотя бы то, что единый, воспринятый из Болгарии алфавит — кириллица — устанавливается только в относительно едином раннефеодальном государстве, между тем как древнейшие времена дают нам свидетельства о наличии обоих алфавитов — и кириллицы и глаголицы. Чем старше памятники русской письменности, тем вероятнее наличие в них обоих алфавитов.

Исторически нет оснований думать, что древнейшая дуалфавитность — явление вторичное, сменившее первоначальную одноалфавитность. Потребность в письменности при отсутствии достаточных государственных связей могла породить в различных частях восточнославянского об-



щества различные попытки ответить этой потребности»<sup>14</sup>.

Теория Д. С. Лихачева требует, однако, двух оговорок. Во-первых, правильное, видимо, говорить не только о «двуалфавитности», но и о существовании у славян в докирилловский период нескольких видов письма — как пиктографического, так и буквенно-звукового. Во-вторых, если предполагаемое протоглаголическое письмо можно было бы трактовать как «местную», восточную разновидность славянского письма, то к протокирилловскому письму такая трактовка неприложима. В условиях достаточно тесных связей еще в VIII—IX вв. между всеми восточными и южными славянскими племенами и Византией греческое письмо, несомненно, применялось ими почти повсеместно. Повсеместно формировалось и протокирилловское письмо, хотя формирование его происходило по-разному, в соответствии с различными местными диалектами восточных и южных славян.

#### 4

Приведенные выше соображения подтверждаются дошедшими до нас летописными и иными литературными источниками IX—X вв.

Основным и важнейшим из этих источников остается и, видимо, останется «Сказание о письменах» Черноризца Храбра (см. с. 153). Напомним, что в «Сказании» этом есть два сообщения о первоначальном славянском письме. Во-первых, Храбр указывает, что славяне до принятия ими христианства книг еще не имели, но уже использовали для гадания и счета «черты и резы»; во-вторых, что после принятия христианства<sup>15</sup>, но задолго до введения азбуки Кирилла, славяне записывали свою речь латинскими и греческими буквами, правда неточно («без устройства»), так как латинское и греческое письмо не могло передать многие славянские звуки. Положение это сохранялось, согласно Храбру, очень долгое время («и тако бешу много

<sup>14</sup> Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, с. 21—22; *Он же*. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы // Вопросы истории, 1951, № 12.

<sup>15</sup> Храбр, видимо, говорит здесь не об официальном принятии христианства целыми славянскими племенами и княжествами, а о предшествовавшем длительном процессе перехода в христианство отдельных славянских групп и общин, начавшемся задолго до написания Храбром «Сказания о письменах».

лета»). Таким образом, Храбр прямо указывает два вида письма, издавна применявшиеся славянами: 1) примитивные пиктографические и счетные знаки («черты и резы») как самый ранний вид славянского письма; 2) греческое и латинское письмо первоначально еще почти не переработанное применительно к фонетике славянской речи.

Почти все остальные сообщения о древнеславянском письме относятся к восточным славянам. Важнейшие из этих сообщений следующие.

1. Сообщение древнейшей восточнославянской летописи «Повести временных лет», согласно которому при осаде князем Владимиром Святославичем Херсонеса (конец X в.) один из жителей Херсонеса, по имени Анастасий, пустил в стан Владимира стрелу с надписью: «Кладези эже суть за тобою от востока, из того вода идет по трубе».

2. Сообщение арабского путешественника Ибн Фодлана, который во время пребывания у волжских болгар в 921 г. видел обряд погребения одного руса. «Сначала они развели костер и сожгли на нем тело, — рассказывает Ибн Фодлан, — а затем они построили нечто подобное круглому холму и водрузили в середине его большую деревяшку тополя, написали на ней имя этого мужа и имя царя русов и удалились».

3. Сообщение арабского писателя Эль Массуди (умер в 956 г.), который в сочинении «Золотые луга» утверждает, что он обнаружил в одном из «русских храмов» пророчество, начертанное на камне.

4. Сообщение епископа Мерзбургского Титмара (976—1018 гг.), который указывает, что в языческом храме города Ретры он видел славянских идолов; на каждом идоле особыми знаками было начертано его имя.

5. Сообщение арабского ученого Ибн эль Недима, который в труде «Книга росписи наукам» передает относящийся к 987 г. рассказ посла одного из кавказских князей к князю русов. «Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь, — пишет Ибн эль Недим, — что один из царей горы Кабк послал его к царю русов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева \*, на котором

---

\* Прочитываемое В. А. Истриным сообщение ан-Недима «Русские письмена» (см.: *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянских и русских письменах (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб., 1870, С. 240) было ранее квалифицировано нами как свидетельство о письме на бе-

были изображены, не знаю, были ли они слова или отдельные буквы». Сообщение Ибн эль Недима особенно интересно тем, что он дает зарисовку упоминаемой им надписи (см. рис. 14). Расшифровать эту надпись не удалось; по своей графике она отлична и от греческого, и от латинского, и от глаголического, и от кирилловского письма.

6. Сообщение персидского историка Фахр ад Дина (начало XIII в.) согласно которому хазарское письмо (речь, по-видимому, идет об уже исчезнувшем, но известном Фахр ад Дину, хазарском руническом письме) «происходит от русского»<sup>16</sup>.

Имена славянских идолов (Титмар), так же как имена покойного руса и его «царя» (Ибн Фодлан), представляли собой, вероятно, нечто вроде изобразительных или условных родовых и личных знаков; подобные знаки часто использовались русскими князьями X—XI вв. на их монетах (см. рис. 13). Пророчество, начертанное на камне (Эль Массуди), заставляет думать о «чертах и резах» для гадания.

Что касается надписи Ибн эль Недима, то одни ученые считали, что это искаженное переписчиком арабское написание; другие пытались найти в этой надписи общие черты со скандинавскими рунами. В настоящее время большинство советских и болгарских ученых (П. Я. Черных, Д. С. Лихачев, Е. Георгиев и др.) считают надпись Ибн эль Недима образцом славянского докирилловского письма типа «черт и резов».

Выдвигалась гипотеза, согласно которой эта надпись представляет собой пиктографическую маршрутную карту. Не исключена также возможность выполнения некоторых из этих надписей предполагаемым протоглаголическим письмом. Наоборот, полностью исключена возможность применения для этих надписей (кроме, конечно, письма Анастасия) латинского или греческого письма, хотя бы и несколько перестроенного применительно к фонетике славянской речи. Ведь и Титмар, и Эль Массуди, и Ибн эль Недим, и Ибн Фодлан, и Фахр ад Дин, несомненно, были знакомы с латинскими и греческими буквами.

О каком-то развитом, буквенно-звуковом восточнославянском письме сообщается в VIII главе «Паннонского

---

ресте. См.: Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, с. 10—12.

<sup>16</sup> В. А. Бартольд. Древнейшие памятники русского письма и языка // Культура и письменность Востока, кн. 4. Баку, 1929.

жития» Кирилла. Напомним, что согласно этому «Житию» Константина (Кирилл) во время путешествия к хазарам «обрел» в Херсонесе Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами: «обрете же ту евангелие и псалтырь русьскими писмены писано, и человека обреть глаголюща тою беседою, и беседова с нимъ и силу речи примъ, своей беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа и согласнаа, и к богу молитву творя, въскоре начать чести и сказати, и мнози ся ему дивляху. . .».

**Обрѣте же тоу евангеліе и псалтырь русьскими писмены писано, и чловѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова с нимъ, и силоу рѣчи примъ, своен бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена, гласнаа съгласнаа, и къ богу молитвоу твора, въскорѣ начать чести и сказати, и мнози съ емуу дивляху, бога хвалаше:**

Текст «Паннонского жития» Кирилла, рассказывающий о находке Кириллом (Константином) русских книг в Херсонесе (Косуни); из книги Н. В. Ястребова «Сборник источников для истории деятельности Кирилла и Мефодия». СПб., 1914).

Указанное место «Паннонского жития» Кирилла у многих исследователей вызвало сомнения. Одни считали непонятным, зачем могло понадобиться восточным славянам переводить в дохристианское время христианские богослужебные книги; другие считали это место «Жития» позднейшей вставкой. Однако, как уже отмечалось (см. третий раздел главы 1), в середине IX в. среди восточных славян уже было много христиан. Предположение же о позднейшей вставке опровергается, во-первых, достоверностью почти всех сведений, сообщаемых «Житием» Кирилла, а во-вторых, тем, что рассказ о книгах, найденных им в Херсонесе, встречается во всех 23 списках этого «Жития», причем не только в русских, но и в южнославянских. «Таким образом, — справедливо указывает П. Я. Черных, — «вставка» могла быть сделана, естественно думать, только составителем или составителями этого произведения»<sup>17</sup>. Между тем, как отмечалось во втором разделе главы 1, «Паннонское житие» Кирилла было составлено в конце IX в. в Моравии или Паннонии одним из учеников Кирилла и Мефодия, т. е. болгаринном или моравом по происхождению. А в этом случае совершенно непонятно,

<sup>17</sup> Черных П. Я. К истории вопроса о «русских письменах» в житии Константина Философа // Ученые записки Ярославского педагогического института, вып. IX, 1947.

зачем могло понадобиться болгарину или мораву делать «вставку», согласно которой восточнославянская письменность признавалась древнее болгарской и моравской. В пользу более позднего (X в.) происхождения этого места «Жития», казалось бы, свидетельствует наличие в нем «грамматических терминов»: «письмена», «гласные», «согласные» и др.<sup>18</sup> Однако ученый филолог Кирилл, несомненно, был знаком с трудами греческих грамматиков и термины эти вполне могли быть созданы еще в школе Кирилла.

Многими учеными высказывалось также предположение, будто «русскими письменами» названы в «Житии» не русские буквы, а скандинавские руны, занесенные к восточным славянам варягами племени «Русь» (П. Шафарик, Е. Голубинский, Ф. Фортунатов), или готские («прушские», «фрушские» — П. Лавров, Цв. Тодоров и др.), или самаритянские (Ив. Гошев), или даже сирийские («сурьские» — А. Вайян) письмена.

Предположения эти столь же маловероятны, как и разобранные выше. Во-первых, ни в одном из дошедших до нас 23 списков «Жития» слова «прушские», «фрушские» или «сурьские» письмена не встречаются, а всюду указывается, что книги, найденные Кириллом, были написаны «русьскими» (в двух списках — «рушскими») письменами. Во-вторых, в «Житии» Кирилла приводится точный перечень языков, которыми он владел; варяжского, готского и сирийского языков в этом перечне нет. Следовательно, если бы книги, найденные Кириллом в Херсонесе, были написаны по-варяжски, по-готски или по-сирийски, Кирилл не смог бы быстро научиться читать и понимать их, а об этом прямо указывается в «Житии»; в особенности трудно было бы Кириллу освоить сирийское письмо, графически очень сложное из-за его декоративности. В-третьих, в «Житии» говорится, что Кирилл научился читать и понимать найденные им книги, «к своей беседе (т. е. к своей болгарско-македонской речи. — В. И.) прикладая различные письмена, гласные и согласные». А такое обучение было возможно лишь в случае близости языка и письма книг, найденных Кириллом, к языку и письму самого Кирилла. Против готской гипотезы свидетельствует также то, что составителю «Жития» было зна-

---

<sup>18</sup> Львов А. С. Някои въпроси от кирило-методиевската проблема тика // Български език. София, 1960, кн. 4.

комо имя готов: в XVI главе «Жития» готы названы этим именем, а не каким-либо иным, близким к «русам».

Особенно невероятной представляется сирийская гипотеза. Во-первых, в отличие от славян и готов, Сирия находилась далеко от Херсонеса и вряд ли имела с ним тесные торговые, а тем более культурные связи. Во-вторых, Сирия еще в VII в. была завоевана арабами. А арабы, вместе с мусульманской религией, силой навязывали завоеванным народам арабское письмо. Поэтому к середине IX в. различные разновидности сирийско-христианского письма могли сохраниться в Сирии лишь в немногих тайных христианских общинах. Следовательно, появление в середине IX в. в Херсонесе сирийско-христианских книг надо считать почти невероятным. Наконец, в-третьих, Кирилл должен был бы заинтересоваться книгами на славянском языке; но Евангелие и Псалтырь на сирийском языке вряд ли смогли вызвать у Кирилла столь большой интерес, что он стал бы заниматься их изучением, да еще в момент, когда он был поглощен подготовкой к предстоящим спорам о вере с хазарами. А если бы Кирилл даже и заинтересовался сирийско-христианскими книгами, то он, несомненно, обратил бы внимание на явно «еретический» характер сирийских христианских учений (несторианство, манихейство, якобитство и др.). Ведь всю первую половину своей жизни Кирилл провел в спорах о вере с иконоборцами, магометанами и евреями.

Маловероятно и предположение, будто книги, найденные Кириллом в Херсонесе, были написаны протоглаголическим письмом (гипотеза, выдвигавшаяся В. Григоровичем, М. Погодиным, Н. Никольским, а в наше время — П. Черных). Во-первых, существование такого письма у славян, хотя и возможно, но не получило пока документальных или летописных подтверждений. Во-вторых, даже если это письмо существовало, то возникнуть оно могло, как уже указывалось, не ранее VIII в. и на примитивной основе древнеславянских «черт и резов». Поэтому к середине IX в. это письмо вряд ли могло достигнуть такого совершенства, чтобы при помощи его можно было передать столь сложные произведения, как Евангелие и Псалтырь.

Наиболее вероятной следует считать гипотезу, выдвинутую впервые И. Срезневским, затем развитую В. Миллером, И. Огиенко, а в наше время — болгарским ученым Е. Георгиевым. Согласно этой гипотезе, книги, найденные в Херсонесе, были написаны на русском языке «протокирилловским» письмом. В отличие от протоглаголицы

письмо это было пригодно для передачи даже самых сложных произведений, так как оно возникло на достаточно развитой греческой основе. Наименование же письмен этих книг «русьскими» было обусловлено, во-первых, тем, что письмена эти были использованы для передачи русского (восточнославянского языка), и, во-вторых, тем, что греческие буквы к середине IX в. были уже, вероятно, дополнены новыми буквами, необходимыми для особых звуков славянской речи; кроме того, может быть, и сами греческие буквы были тоже графически несколько изменены соответственно привычной для славян графике «черт и резов».

Такое понимание этого места «Паннонского жития» давно стало традиционным среди славянских книжников. Так, в одной из русских рукописей XV в. (в «Толковой Палее») говорится еще категоричнее: «А грамота русская явилася, богом дана, в Корсуни русину, от нее же научился философ Константин и оттуда сложив и написав книги русским языком»<sup>19</sup>.

О каких-то славянских книгах, известных Кириллу до создания им азбуки, упоминается и в «Житии» Мефодия: «Тут явил бог философу славянские книги, и, тотчас устроив письмена и беседу составив, поехал в Моравию». Кроме того, в так называемой «Итальянской легенде» самая посылка моравским князем посольства в Византию ставится в связь с успехом миссии Кирилла к хазарам.

Сведения о применении русскими в IX в. видоизмененного греческого письма имеются и в одном греческом источнике, приводимом О. Бодянским<sup>20</sup>. Согласно этому источнику византийский император Василий Македонец будто бы послал в 866 г. архиепископа, который крестил русских и ввел у них видоизмененное греческое (тридцатипятибуквенное) письмо. Свидетельство это подтверждается также арабской летописью, приводимой П. Успенским<sup>21</sup>.

Аналогичные указания, относящиеся к болгарам, имеются в так называемой «Солунской легенде». Согласно этой легенде некий Кирилл Каппадокийский сделал попытку введения у болгар (в Солуни) видоизмененного греческого письма (из 32 букв) еще в конце VII в.

<sup>19</sup> *Лавров П. А.* Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии, т. I. Л., 1930, с. 37.

<sup>20</sup> *Бодянский О.* О времени происхождения славянских письмен М., 1855, с. 13 и сл.

<sup>21</sup> *Успенский П.* Восток христианский, ч. III. Киев, 1877, с. 314.

Аналогичная легенда возникла и у западных славян. По легенде этой, какая-то славянская письменность была (по первоначальному толкованию — глаголическая) введена еще в V в. у западных славян христианским проповедником Иеронимом (умер в 420 г.).

Встречаются указания о существовании письменности на Руси в начале X в. и в дошедших до нас договорах русских князей Олега и Игоря с Византией.

Так, в договоре князя Олега с греками (911 г.) есть указания о существовании у русских письменных заветаний: «Аще кто умреть, не урядив своего имения, ци своих не имать, да возвратит имение к малым ближикам в Русь. Аще ли сотворит обряжение, таковой возмет уряженое его, кому будет писал наследити именье его, да наследит е». В договоре Игоря с греками (944 г.) говорится о золотых и серебряных печатях, о посыльных грамотах, которые вручались русским послам и гостям, отправляющимся в Византию: «Ношаху сли печати злати, и гостье сребрени. Ныне же уведал есть князь вашь посылати грамоты к царству нашему; иже посылаеми бывають от них послы и гостье, да приносять грамоту пишуче сице; яко послах корабль селико, и от тех да увемы и мы, оже с миром приходять. Аще ли без грамоты придуть и преданы будут нам, да держим, и храним, донде же возвестим князю вашему»<sup>22</sup>. Включение в договоры с Византией особых пунктов о заветаниях, посыльных, гостевых грамотах и печатях доказывает не только то, что все это уже существовало на Руси начала X в., но также и то, что к X в. это стало распространенным явлением.

Памятниками русской письменности X в. должны считаться и сами русские договоры с Византией, так как перевод их с греческого на русский<sup>23</sup> был, видимо, современен самим договорам. Так, С. П. Обнорский на основе изучения языка русских переводов договоров пишет: «...появление текстов договоров в переводе с греческого языка не могло быть ни относительно поздним, ни одновременным, а следовательно, оно приблизительно должно было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов»<sup>24</sup>. Особенно

<sup>22</sup> «Повесть временных лет», ч. I. М.—Л., 1950, стр. 28 и 35.

<sup>23</sup> Договоры Византии с другими народами обычно писались на греческом языке и на языке той страны, с которой Византия заключала договор.

<sup>24</sup> Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление, вып. V—VII. М.—Л., 1936, с. 403. Согласно С. П. Об-



интересно имеющееся в договоре 911 г. указание, что Русь и Византия и в более давние времена (т. е. еще в IX в.) решали спорные вопросы «не только словесно, но и письменно».

К еще более раннему времени относятся договоры болгарских князей с Византией. Первый из них был заключен в 714 г., второй (несомненно, письменный) — в 774 г.

## 5

✓ Существование дохристианской письменности у славян подтверждается также и археологическими памятниками.

К сожалению, изучению истории письменности, в том числе даже славяно-русской, в СССР должного внимания не придается. Ни в одном из многочисленных советских научно-исследовательских институтов не имеется отдела или сектора, который специально занимался бы историей письма. В результате изучение как всеобщей, так и русской истории письма продолжает проводиться в значительной мере в порядке индивидуальной инициативы отдельных советских исследователей. Лишь часть памятников предполагаемой русской дохристианской письменности опубликована. Публикации нередко представляют собой не документальные фотографии, а случайные зарисовки; как правило, они разбросаны по многочисленным, подчас труднодоступным сборникам и трудам институтов. Поэтому неотложной задачей является сбор всего фактического материала, его проверка, систематизация и опубликование в едином научно-документальном альбоме. А осуществление такой работы под силу лишь специальной научной организации.

Из обнаруженных на территории России памятников дохристианской письменности наибольшее внимание обычно привлекали те, которые содержали надписи или даже отдельные знаки, отличные от всех известных систем письма; в них пытались найти образцы предполагаемого русского протоглаголического письма или же образцы славянских «черт и резов».

За последние 10—15 лет были даже сделаны три попытки открытия и воспроизведения алфавита этого предполагаемого протоглаголического письма. Попытки эти по утверждению специалистов, закончились неудачей.

---

норскому, перевод договора 911 г. выполнен болгариним, но отредактирован русским; перевод договора 944 г. выполнен русским.

Тем не менее их необходимо рассмотреть. Это необходимо потому, что даже ошибки представляют собой большой интерес для науки. Это необходимо также потому, что попытки эти в свое время вызвали большой шум в массовой советской печати.

Первая из попыток воссоздания протоглаголического письма была сделана на основе так называемых «причерноморских знаков».

Эти загадочные знаки и изображения были открыты еще в середине прошлого столетия в русском Причерноморье — в Херсоне, Керчи, Ольвии и других местах, где когда-то существовали греческие поселения. Археологи датируют некоторые из причерноморских знаков концом I тысячелетия до н. э., а большинство знаков — первыми тремя-четырьмя веками н. э. Знаки эти, наряду с греческими надписями, встречаются на каменных плитах, надгробьях, на черепицах, амфорах, монетах и т. п. Одни из них представляют собой схематические рисунки; большинство имеет условную, линейно-геометрическую форму, как правило довольно сложную. Некоторые сходны с буквами глаголицы.

подавляющее большинство знаков расположено или изолированно (иногда в сочетании с греческими текстами), или же в беспорядочном скоплении. Лишь в трех-четыре памятниках расположение знаков упорядочено; при этом только один из них (архитектурный фрагмент, найденный в 1946 г. в Ольвии) состоит из знаков, нанесенных одновременно, и, возможно, представляет собой связный текст.

Первые публикации, посвященные причерноморским знакам, появились в середине XIX в. Первоначально многие относили эти знаки к готской письменности; в настоящее время считается почти доказанным их сарматское происхождение<sup>25</sup>.

И. И. Мещанинов<sup>26</sup> считал большинство этих знаков родовыми знаками скифо-сарматских родов, а некоторые более сложные и поздние — царскими монограммами. Встречающиеся же иногда скопления знаков на одном памятнике И. И. Мещанинов объяснял разновременным их нанесением или же одновременным участием в каком-либо обряде (например, в погребальном) представителей разных родов. В то же время И. И. Мещанинов признавал

<sup>25</sup> Сарматы — кочевые, праноязычные племена, родственные скифам; пасели Северное Причерноморье с последних веков до н. э. по III—IV вв. н. э.

<sup>26</sup> Мещанинов И. И. Загадочные знаки Причерноморья. Л., 1933.

возможным влияние причерноморских знаков на глаголическое письмо<sup>27</sup>.

За последние годы ряд статей о причерноморских знаках опубликовал Н. А. Константинов<sup>28</sup>. Сопоставив форму причерноморских знаков, во-первых, с формой букв глаголицы, во-вторых, с формой загадочных, до сих пор еще не расшифрованных знаков, встречающихся на древнерусских пломбах, печатях, монетах, пряслицах и календарях, в-третьих, с формой знаков слогового письма, существовавшего в V—IV вв. до н. э. на острове Кипр, Н. А. Константинов обнаружил значительное графическое сходство между знаками этих трех видов письменности (рис. 12). При этом знаки глаголицы, сходные по форме со знаками кипрского слогового письма, оказались близки к ним и по звуковому значению. На основе всех этих сопоставлений Н. А. Константинов построил гипотезу, согласно которой причерноморские знаки ведут свое происхождение от знаков кипрского слогового письма. Письмо это могло стать известным скифо-сарматскому, а затем и праславянскому населению Причерноморья через греческих колонистов. Под влиянием причерноморских знаков славянами сперва были созданы, согласно Н. А. Константинову, знаки, применявшиеся ими на пломбах, печатях, монетах, пряслицах и т. п., а впоследствии и вся система буквенно-звукового глаголического письма.

Главный недостаток гипотезы Н. А. Константинова в том, что она оставляет открытым вопрос, почему сарматы, а затем славяне заимствовали слоговое кипрское письмо, а не звуковое греческое. Ведь последнее было больше известно жителям Причерноморья и гораздо лучше передавало фонетику сарматской и славянской речи. Другой крупный недостаток гипотезы Н. А. Константинова — это то, что она базируется на графическом сходстве некоторых причерноморских знаков со знаками, с одной стороны, кипрского и, с другой — глаголического письма. Ведь значение причерноморских знаков, которые служили, согласно Н. А. Константинову, посредствующим

<sup>27</sup> Там же, с. 83.

<sup>28</sup> *Константинов Н. А.* Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья // Крым (Симферополь), 1951, № 7; *Он же.* История русской азбуки // Знание — сила, 1953, № 1; *Он же.* О начале русской письменности // Нева, 1957, № 7; *Он же.* Черноморские загадочные знаки и глаголица // Учен. зап. Ленинград. ун-та, вып. 23, 1957.

Знаки		Буквы глаголицы	Знаки на пломбах и печатях	Знаки на др.-рус. изделиях, кирпичах, монетах, пряслицах, в календарях рукописях	Значение	
Кирилла	Причерноморья				графем Кирилла	букв глаголицы
Ж Ж П	Ж Ж М	Т М	Ж	Ж Ж Ж П	a	аз
Р	У Е	Е	У Р	Ф Ч Б Р Ч	br	буки
Ш Ж V	V	V	V	W Z I W ⊕	va, fa	веди
І І	І І	Љ Љ	І І	⊕ І І І	ga, ka, ha	Глаголь
Л П П	Л П	Љ Љ	⊕	⊕ Л П П П	ti, di, to	добро
К К Ж З	Е Ф	З	ЕК	У ⊕ К Ж	e	есть
У	У Х Х	Х Х	Х	W V Y V	sa	живете
У	V ϕ	ϕ	У	⊕ ϕ ϕ ϕ	sa	земля
Х	Х	У	Х	⊕ Х Х *	i	и
Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	Δ		иже
Δ Z Z S	Δ ϕ Z	ϕ Z	P Z	Δ X Y Z	ja, je	иже
П	П	П П	П П	⊕ П П П	ko, go, ho	дервь
Ѣ	~	Ѣ	V	⊕ V ϕ V	ka, ki	како
+ Δ ϕ	+ Δ ϕ	Δ ϕ	Δ	+ + + ϕ	lo, le	люди
М	М	М	М	⊕ M I M	mi	мыслете
Т	Т Р	Р	Т Р	Т Т Т	na	наш
У І У	V Y	Ѣ	т-у у	⊕ У У У У	o, vo	он
І + І + І	+ П	Т	+ Р	+ Г + П -	pa	покой
Ѣ І	Ѣ П	І	И	⊕ П	ra	рицы
Ѣ ϕ	Ѣ	Ѣ Ѣ	Ѣ Х	⊕ П ϕ П П	li	слово
Т-Т-П	~	~	+	⊕ П П П П	ta, tu	твердо
	У	У				ук
Р Р	Р	Р	Р	⊕ Р Р Р	ho, go, ko	х
Р +	С О	Ѣ	Д	⊕ + + ⊕	vo, o	от
У	У	У	У	W V Y V	sa	цы
Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	⊕ Ѣ Ѣ Ѣ	te	червь
Ѣ	Ш	Ш	Ш	⊕ Ш Ш Ш	se	ша
		Ш				ша/шт/
Ѣ	Ѣ	Ѣ	Ѣ	⊕ Ѣ Ѣ + Ѣ	o	ер
Ѣ +	Ѣ	Ѣ	Ѣ + Ѣ	⊕ Ѣ Ѣ Ѣ	e	ерь
Δ	Δ	Δ	Δ	⊕ Δ Δ V Ѣ	ja	ять
У І	У	Ѣ	У	⊕ У У V V	u	ю
З З П	Е	Ѣ Ѣ	Ѣ	⊕ / / Ѣ	ni	юс малый
И	И	Ѣ	Ѣ	⊕ И И Ѣ	no	юс больш.

Р и с. 12. Причерноморские знаки и древнерусские знаки на пломбах, печатях, монетах, пряслицах и других изделиях в сопоставлении с буквами глаголицы и кириллицей (из статьи Н. А. Константинова «О начале русской письменности» /Нева, 1957, № 7/).

звенюм между кнйрскими и глаголическими знаками, пока еще не расшифровано. Между тем одно графическое сходство не может служить доказательством, так как очень часто оно объясняется случайным совпадением. Доказательством правильности расшифровки той или иной системы знаков следует считать только прочтение связанных текстов, переданных этими знаками. А среди памятников причерноморской письменности связанные тексты (негреческие), видимо, отсутствуют. Больше того, сложность формы, а также изолированное или хаотическое расположение причерноморских знаков делает более вероятным и понимание их не как слоговых и звуковых, а как условных знаков рода, племени и т. п. Наконец, очень большие сомнения вызывает пятивековой разрыв между последними памятниками причерноморской письменности (IV в.) и древнейшими несомненными памятниками славянской письменности (IX—X вв.).

Тщательно документированное исследование причерноморских знаков принадлежит Э. И. Соломоник<sup>29</sup>. На основе анализа формы, места и порядка расположения знаков Э. И. Соломоник, вслед за И. И. Мещаниновым, приходит к выводу, что большинство причерноморских знаков представляет собой родовые, племенные или личные (в том числе царские) знаки, знаки собственности, клейма мастеров и магические культовые знаки. Лишь немногие знаки имеют сравнительно простую форму и относительно упорядоченное расположение. Согласно Э. И. Соломоник, это «свидетельствует о тенденции развития их в стройную систему письма. Этот процесс был замедлен благодаря заимствованию верхушкой местного населения греческой письменности и не успел завершиться, так как в IV в. н. э. в Северное Причерноморье хлынула новая миграционная волна».

Э. И. Соломоник считает возможным влияние причерноморских знаков на форму некоторых букв глаголицы, но с тремя оговорками: во-первых, если будет доказано, что глаголица формировалась на территории восточнославянских племен; во-вторых, такое влияние возможно только на форму букв глаголицы, так как причерноморские знаки еще не получили буквенно-звукового значения; в-третьих, такое влияние (если только оно было) могло осуществляться лишь через посредство предполагаемых славянских «черт и резов» IV—IX вв.

<sup>29</sup> Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Что же касается кипрского слогового письма, то оно, конечно, не могло иметь к глаголице никакого отношения. Это явствует и из хронологической отдаленности последних памятников кипрского письма от первых памятников глаголицы (более 1200 лет), и из явной непригодности слогового письма для передачи славянской речи с ее многообразным слоговым составом и смежными согласными звуками, и, наконец, из того, что истории письма вообще неизвестен ни один случай перехода слогового письма в буквенно-звуковое. В целом же неудача, постигшая Н. А. Константинова, наглядно показывает, что при построении любой гипотезы в области письма необходимо учитывать общую историю письма и господствующие в ней закономерности; необходимо, кроме того, максимально учитывать особенности языка и исторического развития того народа, которому приписываются изучаемые надписи.

Другая попытка открытия и даже воспроизведения протоглаголического алфавита была сделана в начале 60-х годов на основе изучения загадочных знаков, встречающихся в кирилловских надписях на монетах русских князей XI в. Надписи эти обычно строятся по схеме «Владимир на столе, и се его сребро» с изменением только имени князя. На многих монетах вместо пропущенных букв стоят непонятные черточки и точки.

Большинство исследователей объясняло появление этих черточек и точек малограмотностью русских граверов XI в. Однако повторяемость одних и тех же знаков на монетах разных князей, причем часто с одинаковым звуковым их значением, казалось бы, делает такое объяснение недостаточно убедительным. В начале 60-х годов изучением загадочных знаков на русских монетах XI в. занялся Н. В. Энгватов. Используя однотипность надписей и повторяемость в них загадочных знаков, он составил таблицу с указанием их предполагаемого звукового значения (рис. 13); значение это определялось местом знака в слове, написанном кирилловскими буквами. Работа эта привлекла большое внимание массовой советской печати («Литературная газета», «Огонек», «Неделя» и другие издания), и о ней писали как о сенсационном открытии древнерусского протоглаголического письма. Однако, по мнению специалистов, загадочные знаки на русских монетах — это или результат взаимовлияния кирилловских и глаголических начертаний или же результат ошибок граверов. Повторяемость же одних и тех



же знаков на разных монетах обусловлена, во-первых, тем что один и тот же штемпель использовался для чеканки многих монет; во-вторых, тем, что недостаточно грамотные граверы повторяли ошибки, имевшиеся в старых штемтелях (см. статью Б. А. Рыбакова в «Советской археологии», 1960, № 4).

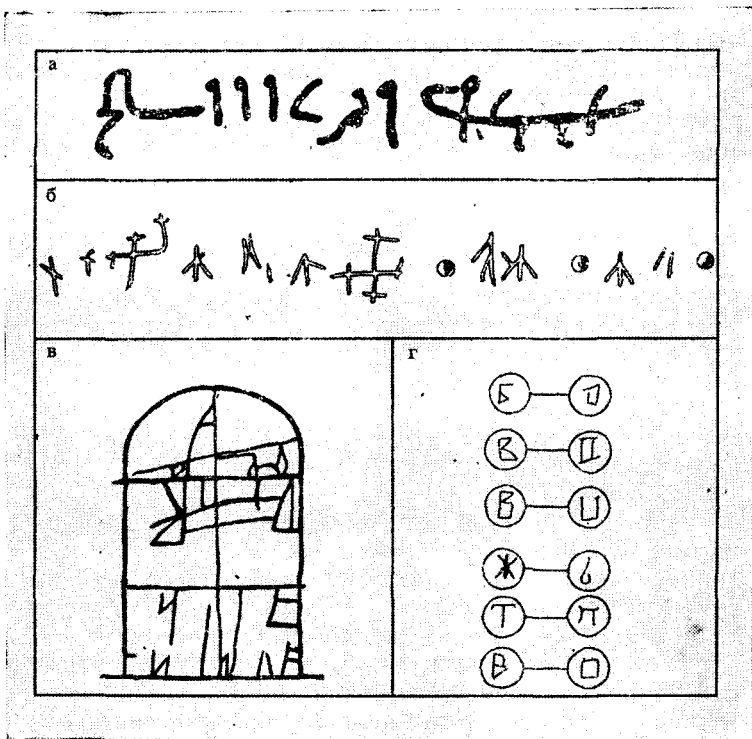
Н. В. Энгватов выдвинул, кроме того, очень маловероятную гипотезу происхождения глаголицы. Согласно Н. В. Энгватову, глаголические буквы были образованы путем лигатурных сочетаний из графически более простых протоглаголических букв (встречающихся будто бы на монетах XI в.). При этом подбор протоглаголических букв для образования из них букв глаголицы производился, согласно Н. В. Энгватову, в соответствии с начальными звуками названий букв глаголицы: так, глаголическая буква «аз» была образована как лигатура из протоглаголических букв «а»+«з», глаголическая «буки» — из «б»+«у», «веди» — из «в»+«е» и т. п.<sup>30</sup>

Основной ошибкой этой гипотезы является предположение, что названия глаголических букв существовали до появления самих букв. Между тем названия обычно присваивались буквам с мнемотехническими целями, т. е. для облегчения их запоминания, и возникали, как правило, одним из трех путей: 1) из названия логограммы, от которой происходила данная буква (если буквенно-звуковое письмо возникало из логографического); 2) на основе сходства формы буквы с формой какого-либо предмета, первый звук наименования которого совпадал со звуковым значением буквы; так, финикийская буква «вав», что значит «гвоздь», была названа так потому, что она напоминала по форме гвоздь и обозначала звук «в»; 3) путем одновременного заимствования одним народом у другого как самих букв, так и их наименований; так, греки заимствовали у финикийцев буквы вместе с их названиями, лишь слегка изменив последние (например, финикийская буква «алеф» стала у греков «альфой», «бет» — «бетой», «гимель» — «гаммой» и т. п.).

Что касается славянских букв, то их названия, несомненно, были созданы с мнемотехническими целями и по образцу греческого алфавита, только не путем заимствования, а путем самостоятельного образования названий на основе акрофонического принципа и в некоторых

<sup>30</sup> Энгватов Н. Древнейшая русская азбука // Знание — сила, 1960, № 11.



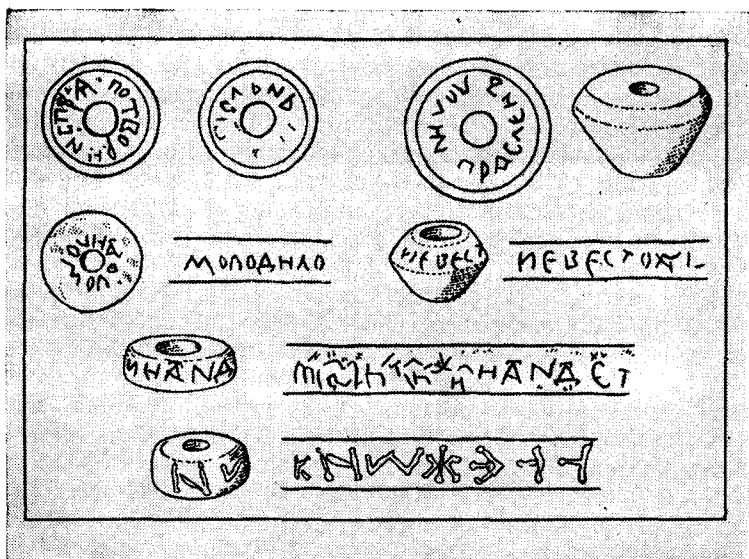


Р и с. 14. Нерасшифрованные дохристианские русские надписи и знаки  
 а — надпись, воспроизведенная Иби-эль-Недимом; б — алекановская надпись, найденная В. А. Городцовым под Рязанью; в — надпись, найденная Д. Самоквасовым под Черниговом; г — кирилловские буквы и загадочные знаки на дрогичинских свинцовых пломбах, найденных на Западном Буге (лицевая и обратная стороны).

случаях с учетом формы буквы (например, название кирилловской буквы «ферт»).

Многочисленную группу вероятных памятников дохристианской славянской письменности образуют загадочные надписи и знаки на древнерусских предметах быта и на различных ремесленных изделиях.

Из этих надписей наибольший интерес представляет так называемая алекановская надпись. Надпись эта (рис. 14, б), нанесенная на глиняный сосуд X—XI вв., была открыта в 1897 г. В. А. Городцовым во время раскопок у села Алеканово под Рязанью; надпись содержит 14 знаков, расположенных в строковой планировке.



Р и с. 15. Надписи на русских прелищах XI—XII вв. (по А. Б. Рыбакову).

В 1898 г. там же на обломках посуды было обнаружено еще пять аналогичных знаков<sup>31</sup>. Как указывает В. А. Городцов, «сосуд плохо обожжен, изготовлен, очевидно, наспех. . . следовательно, изготовление местное, домашнее, а следовательно, надпись сделана местным или домашним писцом, т. е. славянином». Знаков слишком много, чтобы их можно было принять за клеймо мастера. «Остается предположить, — делает вывод В. А. Городцов, — что знаки представляют собой литеры известного письма».

Близки по форме к «алекановским» знаки на горшках из бывшего Тверского музея, а также на медных бляхах, найденных при раскопках тверских курганов XI в. На двух бляхах знаки идут по кругу, образуя две одинаковые надписи. Некоторые из знаков, подобно алекановским, напоминают буквы глаголицы<sup>32</sup>.

<sup>31</sup> *Городцов В. А.* Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками // *Археологические известия и заметки.* 1897, № 12; *Он же.* Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды // Там же. 1898, № 11—12.

<sup>32</sup> *Рыбаков В. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // *Советская археология,* 1940, VI.

Представляет также интерес «надпись» (если только считать ее надписью, а не случайной комбинацией трещин от огня) на ребре барана, открытая около 1916 г. Д. Я. Самоквасовым при раскопках северянских курганов у Чернигова. «Надпись» (рис. 14, в) содержит 15—18 знаков, расположенных внутри полуовала. «Знаки, — пишет Д. Я. Самоквасов, — состоят из прямых резов и, по всей вероятности, представляют собой русское письмо X в., на которое имеются указания в некоторых источниках»<sup>33</sup>.

Многочисленные статьи были посвящены знакам, обнаруженным (впервые в 1864 г.) на свинцовых пломбах, видимо, торговых печатях X—XIV вв., найденных на Западном Буге у села Дрогичина; общее количество этих знаков измеряется многими сотнями<sup>34</sup>. На лицевой стороне некоторых дрогичинских пломб стоит буква кириллицы, а на обратной стороне — один из «загадочных» знаков (рис. 20, г).

Большое внимание исследователей привлекли также многочисленные загадочные знаки, встречающиеся наряду с надписями, сделанными кириллицей, на старорусских календарях и на пряслицах X—XI и более поздних веков (рис. 21)<sup>35</sup>. В 40—50-х годах текущего столетия в этих загадочных знаках многие пытались увидеть прототипы глаголических букв. В настоящее время ученые склоняются к пониманию этих знаков как славянских «черт и резов».

Наряду с описанными выше, все еще не расшифрованными памятниками древней славянской письменности, на территории расселения восточных славян встречаются тоже еще не расшифрованные памятники других народов. Кроме уже упоминавшихся причерноморских знаков к ним относятся, например, памятники рунического тюркского письма (вероятно, хазарского, но возможно и протоболгарского). Образцами их могут служить надписи на двух

<sup>33</sup> Самоквасов Д. Я. Раскопки северянских курганов в Чернигове. М., 1916.

<sup>34</sup> Тышкевич К. П. Свинцовые оттиски, найденные в реке Буге у Дрогичина // Древности, 1864—1965 гг., т. I; Азевариус Н. А. Несколько слов о дрогичинских пломбах. М., 1892; Болсуновский К. В. Дрогичинские пломбы. М., 1894.

<sup>35</sup> Культура древней Руси, т. I—II. М., 1950—1951; Арциховский А. В. Введение в археологию. М., 1947; Эпштайн Е. М. К вопросу о времени происхождения русской письменности // Учен. зап. Ленинград. ун-та, вып. 5, 1947; Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950.

баклажках, хранящихся в Новочеркасском музее, и на камнях и стенах Маяцкого городища; надписи эти были найдены при раскопках на Дону<sup>36</sup>.

На базе именно этой, последней группы загадочных надписей, т. е. надписей на различных ремесленных изделиях и бытовых предметах, была построена третья попытка воспроизведения протоглаголического алфавита, сделанная в 50—60-х годах И. А. Фигуровским<sup>37</sup> и являющаяся образцом пренебрежения как закономерностями развития письма, так и особенностями славяно-русского языка.

В основу своей работы И. А. Фигуровский положил расшифровку около десятка загадочных надписей, обнаруженных на территории России. Были взяты надписи самых разных эпох с диапазоном от VIII—IX до XV—XVI вв., причем не только русские (надписи на камне и на пряслицах, опубликованные в сборнике «История культуры древней Руси» и в «Кратких сообщениях Института истории материальной культуры»), но также хазарские (надписи на баклажках Новочеркасского музея), а возможно, и протоболгарские (надписи на камнях Маяцкого городища). Привлечение хазарских надписей И. А. Фигуровский объясняет уже упоминавшимся выше высказыванием персидского историка XIII в. Фахр ад Дина, согласно которому хазарское письмо будто бы происходит от русского. При этом расшифровку хазарских надписей И. А. Фигуровский производит, исходя из азербайджанского языка, со следующим неожиданным обоснованием: «большая часть хазар — евреи», «азербайджанский язык испытал значительное влияние арабского языка».

Самую расшифровку указанных надписей И. А. Фигуровский осуществляет, сопоставляя знаки этих надписей с буквами глаголицы, предварительно освобожденными И. А. Фигуровским от петель и завитков и сильно графически трансформированными (см., например, буквы «есть», «мыслете», «ферт», «он» и др.). При этом загадочным славянским знакам в одних случаях придается бук-

<sup>36</sup> Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. // Известия археологической комиссии, вып. 43, 1911; Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // Советская археология, вып. 19, 1954; Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // Там же.

<sup>37</sup> Фигуровский И. А. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными знаками» // Учен. зап. Казанского ун-та, вып. 2. Липецк, 1957; Он же. Резюме выступления на IV съезде славистов // IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии. т. I. М., 1962. ↓

ПИСЬМЕНА			ПИСЬМЕНА		
глагол.	древнерус.	значен.	глагол.	древнерус.	значен.
†	† λ	а	⋈ ⋉	⋈	р
⋈	⋈	б	⋈ ⋈ ⋈	⋈ ⋈ ⋈	с
⋈ ⋈	⋈ ⋈ ⋈ ⋈	в	⋈	⋈ ⋈ ⋈	т
⋈	⋈ ⋈	г	⋈ ⋈	⋈	у
⋈	⋈ ⋈ ⋈	д	⋈ ⋈	⋈	ф
⋈ ⋈	⋈ ⋈ ⋈	е	⋈ ⋈	⋈ ⋈ ⋈	х
⋈	⋈ ⋈	ж	⋈	⋈ ⋈ ⋈	ц
⋈	⋈ ⋈ ⋈	з	⋈	⋈ ⋈	ч
⋈	⋈	з	⋈	⋈	ш
⋈	⋈ ⋈	и	⋈ ⋈	⋈ ⋈ ⋈	ъ
⋈	⋈	и	⋈ ⋈	⋈ ⋈ ⋈	ы
⋈	⋈	к	⋈	⋈ ⋈	ь
⋈	⋈ ⋈	л	⋈ ⋈	⋈ ⋈ ⋈	ъ
⋈ ⋈	⋈ ⋈ ⋈	м	⋈	⋈ ⋈	я
⋈ ⋈	⋈ ⋈	н	⋈	⋈ ⋈ ⋈	а
⋈	⋈	о	⋈	⋈ ⋈	ю
⋈ ⋈	⋈ ⋈ ⋈	п		⋈ ⋈ ⋈	я

Рис. 16. Предполагаемый протоглаголический алфавит, составленный И. А. Фигуровским.

венно-звуковое значение, в других — маловероятное для славянского языка слоговое значение, в третьих — логографическое (логограммы 'покой', 'птица'). Использовал И. А. Фигуровский даже древнеегипетский принцип чтения логограмм, основанный на совпадении консонантных основ слов; так, предполагаемая логограмма 'соловей' читается И. А. Фигуровским как 'слава', исходя из того, что согласные звуки в этих двух словах совпадают. Между тем такой принцип чтения и письма, естественный для египетского языка с его консонантным строением корневых основ слов, нельзя допустить для славянского языка, так как корневые основы слов в нем строятся как из согласных, так равно и из гласных звуков. В результате такой «расшифровки» И. А. Фигуровским и был построен предполагаемый алфавит древнерусского протоглаголического письма (рис. 16).

Рекомендуем читателям сопоставить алфавиты Н. А. Константинова (причерноморские знаки), Н. В. Энгеловатова и И. А. Фигуровского.

Появление некоторых из рассмотренных выше работ, пытавшихся воссоздать и расшифровать дохристианскую русскую письменность, вызвало возмущение специалистов-филологов. Однако появление таких работ было вполне закономерным. Наука, так же как природа, не терпит пустоты; поэтому вакуум, образовавшийся на каком-либо участке науки, неизбежно заполняется.

Едва ли не единственным исследованием, посвященным расшифровке памятников древнеславянской письменности и проведенным крупным советским ученым, была за последние годы работа академика Б. А. Рыбакова по «черняховским» календарным знакам<sup>38</sup>.

«Черняховская культура» названа так по поселку Черняховка, неподалеку от Житомира, где были найдены в 1899 г. первые археологические памятники этой культуры. Эта, в основном сельскохозяйственная, культура охватывала во II—IV вв. н. э. обширный район лесостепной Украины (Волынь, район Киева и среднего течения Днепра), т. е. территорию, которую занимали, согласно более поздним летописным источникам, восточнославянские племена полян. Расцвет «черняховской культуры» начинается со II в. н. э., когда после завоевания Дакии императором Траяном (107 г. н. э.) границы Римской империи почти вплотную приблизились к этому району и население его вступило с Римом в тесные торговые и культурно-политические отношения; закат «черняховской культуры» совпадает с крушением в V в. н. э. могущества и влияния Рима.

В основу исследования Б. А. Рыбакова был положен анализ изобразительно-символической орнаментации, обнаруженной на черняховских керамических вазах и кувшинах. Наибольший интерес среди них представляют ваза, найденная в 1957 г. при раскопках у деревни Лепесовка на Волыни, в языческом святилище III—IV вв. н. э., и кувшин IV в. н. э., найденный в 1899 г. при раскопках у деревни Ромашки близ Киева (см. подробнее и рисунок: *Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 318—328. — ред.*).

Ваза из Лепесовки предназначалась, очевидно, для ритуально-магических целей. Это подтверждается тем, что она была найдена внутри языческого святилища и в особенности — символической орнаментацией ее.

<sup>38</sup> *Rybakov B. Calendrier agraire et magique des anciens polians // VI congres international des sciences prehistoriques et protohistoriques. Moscou, 1962; Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян // Советская археология, 1962, № 4.*

Широкий и плоский борт вазы разделен на 12 секторов, которые, по-видимому, соответствуют 12 месяцам года. Каждый из секторов заполнен особыми символическими изображениями. Содержание этих изображений и их последовательность совпадают с временной (помесячной) последовательностью языческих праздников древних славян и с календарными сроками разных сельскохозяйственных работ в данном районе.

Так, секторы, соответствующие январю, марту и июню, помечены знаком косо́го креста, обозначавшим у древних славян солнце и пламя. Как раз на эти именно месяцы приходились славянские языческие праздники солнца: праздник начала прибавления дня (зимние святки — 6 января), праздники весеннего равноденствия (конец марта) и летнего солнцестояния (праздник Ивана Купала — 24 июня). Последний праздник считался праздником не только солнца, но и воды; этому соответствует сочетание в июньском секторе знака солнца (косой крест) со знаком воды (волнистая линия).

Секторы, соответствующие апрелю, августу, сентябрю, октябрю и декабрю, обозначены символическими изображениями, указывающими на месячные сроки проведения в этом районе важнейших сельскохозяйственных работ, а также на наиболее благоприятные сроки охоты. Так, апрель помечен изображением сохи (срок весенней пахоты яровых); август — изображением колосьев (срок обмолота хлебов); сентябрь — изображением деревьев и сети (срок осенней охоты сетями, развешиваемыми между деревьями, на улетающих в этом месяце к югу птиц); октябрь — схематическим изображением волокон (срок обработки льна и конопля); декабрь — изображением сплошной сети (указывающим, вероятно, срок зимней охоты при помощи силков).

Изображения, помещенные в остальных четырех секторах, по-видимому, указывают на важнейшие явления природы, характерные для остальных четырех (в основном нерабочих) месяцев. Так, изображения, соответствующие февралю, могут быть поняты как деревья в снегу (февраль — месяц снегопадов); изображения, соответствующие маю, — как знаки, указывающие на появление подпочвенных ростков ярового; знаки июля — как знаки всеобщего расцвета растений; знаки ноября (волнистые линии) — как знаки, указывающие на период осенних дождей на Украине.

Такое толкование подтверждается анализом символи-

ческих изображений и цифровых знаков на глиняном кувшине из деревни Ромашки. Кувшин этот окаймлен двумя рядами орнамента. Верхний ряд состоит из символических изображений и небольших однотипных квадратов, нижний ряд — из квадратов и (в конце ряда) из горизонтальных волнистых линий.

Изображения, помещенные в верхнем ряду, Б. А. Рыбаков расшифровывает как знаки, указывающие на языческие сельскохозяйственные праздники древних славян, квадраты же нижнего ряда — как дни, разделяющие эти праздники, а именно:

начало верхнего ряда — 2 мая — появление подземных ростков,

33 квадрата — 33 дня (включая особо выделенный праздничный день);

знак дерева — 4 июня — праздник Ярила («Семик»), соответствующий христианскому «троицыну дню».

20 квадратов — 20 дней (включая шесть праздничных дней «недели русалок»);

знаки солнца и воды — 24 июня — праздник Купалы,

26 квадратов — 26 дней (включая праздничный день);

знак грома (шестиугольник) — 20 июля — праздник Перуна;

17 квадратов — 17 дней (без праздничного дня);

знаки серпов и колосьев — 7 августа — праздник окончания жатвы.

Имеет определенное значение и число квадратов в верхнем ряду, а также деление их на пять групп. Всего в верхнем ряду 127 квадратов. А поскольку нижний ряд заканчивается 7 августа, это значит, что начало верхнего ряда отделено от 7 августа 127 днями, т. е. приходится на 1 апреля. Деление же верхних квадратов на пять групп дает следующие даты,

начало 1 группы — 1 апреля — начало весенней пахоты.

25 квадратов — 25 дней;

начало 2 группы — 26 апреля — появление первых подземных ростков,

27 квадратов — 27 дней;

начало 3 группы — 23 мая — разворачивание листьев,

16 квадратов — 16 дней;

начало 4 группы — 9 июня — образование колосьев,

25 квадратов — 25 дней;

начало 5 группы — 4 июля — молочная зрелость зерен,



34 квадрата — 34 дня;

конец 5 группы — 7 августа — окончание жатвы.

Вертикальные волнистые линии в верхнем ряду указывают наиболее желательные дни дождей, горизонтальные волнистые линии в нижнем ряду — желательность подпочвенной влаги в период, к которому относятся эти знаки.

В целом же ваза из Лелесовки, кувшин из дер. Ромашки и некоторые другие ornamentированные вазы и кувшины «черняховской культуры» (например, кувшин из Малаешти) представляют собой, по Б. А. Рыбакову, древнеславянские сельскохозяйственные календари. Знаки же на этих кувшинах и вазах являются одной из разновидностей древнеславянских «черт и резов». Такое понимание «черняховских знаков» выглядит очень убедительно, так как оно подтверждается точными цифровыми расчетами.

## 6

Таким образом, выводы о существовании письма у славян (в частности, у восточных) в дохристианский период, а также об одновременном применении славянами нескольких разновидностей письма подтверждаются документальными свидетельствами как летописными, так и археологическими.

Общая сводка важнейших летописных и археологических данных о дохристианском славянском письме приведена в таблице 5.

В свете этих данных применение славянами в дохристианский период самобытного письма типа «черт и резов» и возникшего на греческой основе протокирилловского письма представляется сейчас почти несомненным.

При этом, в связи с работами Б. А. Рыбакова, начало применения славянами пиктографического письма типа «черт и резов» отодвигается, по-видимому, ко II—IV вв. н. э. В этот период, как показывают материалы «черняховской культуры», племенной строй у славян достиг уже настолько высокого развития, что потребность в создании и использовании первоначального письма типа «черт и резов» стала достаточно настоятельной.

Начало сколько-нибудь широкого использования славянами греческого буквенно-звукового письма и формирования на основе его протокириллицы нужно относить, по-видимому, не ранее чем к VII и не позже чем к VIII в., т. е. ко времени, когда у славян образовались первые раннефеодальные княжества и в связи с этим появилась

Литературные свидетельства и важнейшие археологические памятники	Предполагаемые виды письма		
	типа «черт и резов»	про- то- кирил- ловское	про- то- глаголи- ческое
Сказание Черноризца Храбра (конец IX— начало X в.)			
«черты и резы» для гаданий и счета . . .	XXX	—	—
запись речи греческими буквами . . . .	—	XXX	—
«Паннонское житие Кирилла» (конец IX в.) и «Толковая Палая» (XV в.) . . . . .	—	XXX	—
«Житие Мефодия» («Тут явил бог фило- софу славянские книги») . . . . .	—	XXX	—
«Повесть временных лет» . . . . .	—	XXX	—
Договоры болгарских князей с греками (714, 774 и другие годы) . . . . .	—	XXX	—
Договоры Олега (911 г.) и Игоря (944 г.) с греками . . . . .	—	XXX	XX
Свидетельство путешественников к сла- вянам:			
Ибн Фодлан (921 г.) . . . . .	XXX	—	XX
Эль Массуди (середина X в.) . . . . .	XXX	—	XX
Ибн эль Недим (987 г.) . . . . .	XXX	—	XX
епископ Титмар (коней X в.) . . . . .	XXX	—	XX
Фахр ад Дин . . . . .	—	—	XX
Легенды о введении у славян греческого письма:			
проповедник Иероним (западные сла- вяне, V в.) . . . . .	—	—	XX
Кирилл Кападокийский (болгары, ко- нец VII в.) . . . . .	—	XXX	—
император Гасилий Македонец (русские, 866 г.) . . . . .	—	XXX	—
Важнейшие археологические памятники:			
причерноморские знаки (сарматские) . .	X	—	X
алекановская надпись (Рязань) . . . . .	—	—	XX
знаки на тверских горшках и бляхах . .	XX	—	XX
надпись, найденная Д. Я. Самоквасовым (Чернигов) . . . . .	XXX	—	XX
знаки из Цимлянского и Маяцкого горо- дич и на новочеркасских баклажках (тюркские, Дон) . . . . .	X	—	X
русские монеты X—XI вв.—княжеские знаки . . . . .	XXX	—	—
русские монеты X—XI вв. — знаки заме- няющие буквы . . . . .	—	—	XX
дрогичинские знаки (Западный Буг) . .	XXX	—	XX
знаки на пряслицах, календарях и т. п.	XXX	—	XX
черняховские календарные знаки . . . .	XXX	—	X

Таблица 5. Археологические памятники и литературные свидетельства о дохристианском славянском письме

XXX — вероятный вид славянского письма;

XX — возможный вид славянского письма;

X — возможное влияние на славянское письмо,

потребность в более точном и сложном буквенно-звуковом письме; в это же время у славян получили достаточное развитие торговые и культурно-политические связи с Византией и началось распространение христианства. Такая датировка подтверждается и дошедшими до нас литературными свидетельствами.

Значительно более спорным остается вопрос о протоглаголическом письме. Несомненных литературных свидетельств об этом письме не имеется. Возможные же памятники этого письма (алекановская и некоторые другие надписи) не расшифрованы. Кроме того, столь же допустимо понимание этих надписей как памятников не буквенно-звукового письма, а письма типа «черт и резов».

Неудачей закончились и все сделанные до сих пор попытки воспроизведения предполагаемого протоглаголического алфавита. Неудача этих попыток, помимо характерного для них невнимания к общим закономерностям развития письма и к особенностям славянского языка, была предрешена недостаточностью, бедностью исходного фактического материала. Сравнительная же немногочисленность дошедших до нас памятников дохристианского славянского письма обусловлена недолговечностью материалов для письма — дерева и бересты.

В одном, однако, все авторы попыток воссоздания предполагаемой протоглаголической письменности были безусловно правы. Они были правы, придавая воспроизводимым ими протоглаголическим буквам большую композиционно-графическую простоту по сравнению с дошедшими до нас буквами глаголицы.

Глаголический алфавит со всеми его вычурными петельками и завитушками, с очень сложной композицией многих букв несомненно являлся искусственным созданием какого-либо одного или нескольких индивидуальных авторов. Если же в основе этого алфавита лежало некое постепенно развившееся протоглаголическое письмо, то оно, конечно, было графически значительно более простым.

Подобно протокириллице, протоглаголическое письмо, если только оно существовало, могло начать формироваться у славян не ранее VIII в. Поскольку формирование его могло происходить только на основе примитивных древнеславянских «черт и резов» (хотя и под влиянием греческой и других буквенно-звуковых систем), постольку к середине IX в. протоглаголическое письмо могло достичь лишь значительно меньшего совершенства, чем письмо протокирилловское.

## Глава 4

### Какая азбука была разработана Кириллом (Константином) и откуда появилась вторая славянская азбука

Накопленные наукой материалы по первоначальной славянской письменности, а также открытые за последние годы древнейшие памятники кириллицы и глаголицы несколько облегчают решение вопроса о том, какая из двух славянских азбук была создана Кириллом (Константином Философом) и откуда появилась вторая славянская азбука. Однако при современном состоянии наших знаний вопрос этот окончательного разрешения получить все же еще не может.

Это обусловлено тем, что ни в одном из дошедших до нас летописных и документальных источников того времени образцы азбуки Кирилла не приводятся.

Ни в одном из этих источников, кроме «Сказания о письменах» Черноризца Храбра, не дается и характеристики азбуки Кирилла, а «Сказание о письменах», как показано далее, толкуется по-разному. Не открыты пока и памятники славянской письменности, современные деятельности Кирилла и его брата Мефодия.

Не считается несомненным доказательством создания Кириллом кириллицы и само название этой азбуки. Уже давно было отмечено, что в одной русской рукописи, переписанной в Новгороде в 1047 г. попом Упирем Лихим (рукопись эта дошла до нас в списке XV в.), кириллицей называется глаголическое письмо. Из этого многие исследователи делают вывод, что азбука, известная сейчас под названием «кириллицы», возможно, получила это название лишь в сравнительно позднее время.

Таким образом, сейчас можно говорить лишь о большей или меньшей вероятности того или иного решения этого очень сложного и важного для истории славянской культуры вопроса.

Но прежде чем приступить к рассмотрению вопроса о том, какая азбука могла быть создана Константином Философом, сначала разберем другой, тоже немаловажный вопрос — какая из двух славянских азбук, когда, где и почему могла возникнуть в послекирилловский период.

Время создания или, по крайней мере, значительной доработки и упорядочения одной из двух славянских азбук (независимо от того, была ли она кириллицей или глаголицей) сомнений сейчас почти не вызывает. Это — 863 г. Что касается другой азбуки (тоже независимо от того, какой она была), то в Моравии она могла быть создана только после смерти Мефодия (885 г.) и изгнания его учеников (886 г.).

Правда, в прошлом выдвигались предположения, что вторая азбука могла быть создана в Моравии самим Кириллом (Е. Карский) или же Мефодием (В. Григорович, П. Лавров), когда первая азбука подверглась гонениям со стороны немецко-католического духовенства. Однако история жизни и деятельности Кирилла и Мефодия в Моравии вплоть до изгнания оттуда их учеников настолько восстановлена и изучена по многочисленным летописным и документальным источникам, что предположения эти представляются невероятными. Такое крупное событие, как замена одной азбуки другой, потребовавшая бы пересмотра многочисленных учеников Кирилла и Мефодия и переписки всех переведенных на славянский язык книг, несомненно привлекло бы большое внимание и получило бы отражение в источниках того времени. Между тем ни в одном из этих многочисленных источников нет даже намека на подобное событие; во всех говорится только об одной азбуке. Столь же невероятным представляется, чтобы Кирилл или Мефодий в годы, хотя и очень трудного, но все же успешного развития славянской письменности решились бы прервать, затормозить это развитие заменой одной, уже привившейся азбуки на другую. Кроме того, для Мефодия и его учеников это выглядело бы как измена делу, столь удачно начатому их любимым и почитаемым руководителем.

Нет, вторая азбука, если только она возникла в Моравии, могла быть создана, конечно, лишь после смерти Мефодия и изгнания его учеников. О том, как развивалась славянская письменность в Моравии после этих со-

бытий, почти никаких сведений до нас не дошло. Известно только, что славянские книги и славянское богослужение жестоко преследовались, но все же продолжали, вероятно тайно, существовать.

Последнее подтверждается тем, что папа Стефан V счел необходимым в 890 г., т. е. через четыре года после изгнания учеников Мефодия, еще раз повторить запрещение и проклятие славянских книг.

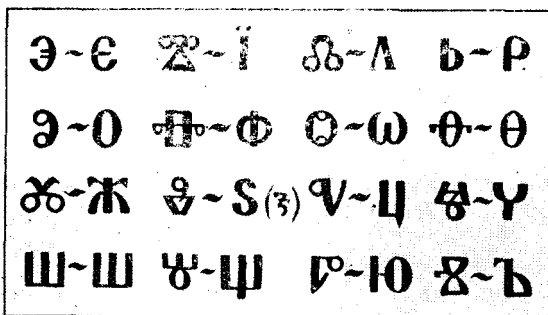
Поэтому создание в Моравии в эти годы новой славянской азбуки, отличной от азбуки Кирилла, было вполне возможным. Такую новую славянскую азбуку могли бы здесь создать для того, чтобы переписать при помощи этой азбуки славянские богослужебные книги и этим как бы вывести их из-под папского проклятия, спасти их, хотя бы частично, от преследования и уничтожения. При этом новая моравская азбука не могла быть кириллицей, так как кириллица слишком похожа на византийское письмо, а отношения Рима с Византией в IX—X вв. непрерывно ухудшались<sup>1</sup>. Значит, если вторая азбука была создана в Моравии, то она могла быть только глаголицей. Автором ее мог быть преемник Мефодия Горазд. Как отмечалось в главе 1, Горазд после изгнания его из Моравии ни в Болгарии, ни в Византии не появлялся. Значит, вероятнее всего, он тайно вернулся в Моравию, чтобы продолжать там дело, которое передал под его руководство сам Мефодий. Обладал Горазд и необходимыми для разработки новой азбуки познаниями в области славянского языка и письменности, иначе Мефодий назначил бы преемником не Горазда, а хорошо известных своей ученостью Климента или Наума.

Кроме того, создание глаголицы при наличии разработанной Кириллом кириллицы было не столь уж трудным делом. Ведь задача состояла лишь в том, чтобы, сохранив почти без изменений состав кирилловского алфавита, перестроить форму его букв и сделать их непохожими на греческие.

Гипотеза о создании глаголицы взамен кириллицы в Моравии, в период особенно жестокого преследования там немецко-католическим духовенством книг, написанных кириллицей, была впервые выдвинута в середине XIX в. чешским ученым И. Добровским (правда, в несколько иной, сейчас устаревшей трактовке); в совет-

---

<sup>1</sup> К середине XI в. это привело к полному разрыву между западной и восточной церковью.



Р и с. 17. Происхождение глаголических букв из букв кириллицы путем нарочитого усложнения последних (по Е. Ф. Карскому).

ский период эта гипотеза была развита академиком Е. Ф. Карским.

Не противореча ни в чем летописным и документальным источникам того времени, гипотеза эта прекрасно объясняет почти полное совпадение алфавитного состава кириллицы и глаголицы при большой разнице в форме их букв. Хорошо объясняет эта гипотеза также искусственную, вычурную, словно нарочито усложненную графику глаголических букв при проглядывающем в то же время сходстве многих из этих букв с буквами кириллицы. «Стоило лишь некоторые из кирилловских букв, — указывал Е. Ф. Карский, — перевернуть, другим придать петли вместо росчерков и точек, и получаются соответствующие глаголические начертания»<sup>2</sup> (рис. 17). Считая родиной глаголицы Моравию, гипотеза эта хорошо объясняет, кроме того, особенно широкое распространение и длительное сохранение глаголицы у юго-западных славян, а также обилие «моравизмов» в глаголических памятниках.

Таким образом, если вторая азбука была создана в Моравии, то этой азбукой могла быть только глаголица. При этом она могла быть создана в Моравии лишь в период между 886 г. (годом изгнания учеников Мефодия) и самым началом X в. (т. е. незадолго до времени написа-

<sup>2</sup> Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 359.

ния глаголических «Киевских отрывков»). Если же принять предлагаемую Е. Георгиевым датировку симоновских надписей (893 г.), то возможное время создания в Моравии глаголицы относится к еще более короткому периоду — между 886 и 893 гг.

Кроме Моравии, вторая славянская азбука могла быть создана также в Болгарии, причем тоже в промежутке между 886 г. и началом X в.

В конце IX—начале X в., в годы правления царя Симеона (893—927 гг.), средневековая Болгария достигла своего наивысшего подъема и расцвета. По степени развития культуры, письменности и литературы Болгария соперничала тогда даже с Византией. В Болгарии жили и работали в эти годы многие изгнанные из Моравии ученики Мефодия, в том числе такие крупные для того времени ученые, как Климент и Наум. Для них, так же как для Горазда, была вполне под силу разработка второй славянской азбуки на основе азбуки, созданной Константином Философом.

Обычно считается, что из двух славянских азбук в Болгарии могла быть создана только кириллица. В обоснование этого чаще всего приводятся два аргумента. Во-первых, кириллица в графическом отношении совершеннее глаголицы. Поэтому в условиях беспрепятственного развития славянской письменности в Болгарии (в отличие от Моравии) переходить от лучшего к худшему, от кириллицы к глаголице, не было оснований. Во-вторых, из всех славянских стран Болгария в наибольшей мере была связана с Византией и сильнее всего подвергалась ее культурно-политическому влиянию. В особенности усилилось будто бы влияние это в конце IX—в начале X в. Поэтому многие считают, что для болгарских ученых конца IX—начала X в. было естественным стремление приблизить применявшуюся ими азбуку к византийской; а кириллица была гораздо ближе к византийскому письму, чем глаголица.

Последний из этих аргументов очень спорен. Да, конечно, из всех славянских стран Болгария испытывала наибольшее влияние Византии. Но в конце IX—в начале X в. средневековая Болгария достигла при царе Симеоне такого политического могущества и культурного подъема, что для нее характерным стало не только подражание Византии, но и соперничество с ней, не только заимствование византийской культуры, но и стремление к культурно-политическому обособлению. Не случайно в 894 г.



Болгария признала славянский язык (вместо ранее применявшегося греческого) официальным языком своей церкви. Не случайно в 919 г. Болгария была объявлена империей, а Симеон — императором. Не случайно в том же году на соборе болгарских епископов был избран независимый от Византии патриарх. Не случайно, наконец, что именно в эти годы Черноризец Храбр написал свое «Сказание о письменах», в котором всячески доказывал превосходство славянского письма над греческим.

Правда, даже в эти годы в Болгарии не стали бы менять кириллицу на глаголицу с целью перехода от письма, слишком похожего на византийское, к письму более оригинальному и самобытному. Но если бы болгары уже применяли глаголицу, то вряд ли именно в эти годы у них появилось бы стремление к замене своего, оригинального, славянского письма письмом, хотя и более удобным, но столь близким к византийскому.

Ἐσοφίσατο δὲ καὶ χαρακτῆρας ἐτέρους γραμμάτων πρὸς τὸ σαφέστερον ἢ οὗς ἐξέθρεν ὁ σοφὸς Κύριλλος. Καὶ δι' αὐτῶν τὴν θεόπνευστον πᾶσαν γραφὴν καὶ τοὺς πανηγυρικοὺς τῶν λόγων καὶ μαρτύρων καὶ ὁσίων βίους ἀγίων, καὶ ἱερὰ ἄσματα γραφῇ παραδέδωκεν, ἃ καὶ ἐπιμελῶς τοὺς ἐφύεπτερούς τῶν παιθῶν ἐδίδαξεν, ἐξ αὐτῶν δὲ τοὺς ἀξιούς καὶ πρὸς ἱερατικοὺς βαθμοὺς ἀνεβίβαζε

Начало 14-й главы краткого («охридского») жития Климента с сообщением о создании Климентом «знаков других письмен», отличных от созданных Константином

В качестве доказательства создания кириллицы в Болгарии в конце IX—в начале X в. приводится свидетельство краткого, так называемого «Охридского жития» одного из мефодиевых учеников Климента. Согласно этому свидетельству, Климент после его приезда в Болгарию «изобрел также знаки другие письмен, для большей ясности, отличные от тех, которые изобрел мудрый Кирилл»<sup>3</sup>.

Основанная на этом свидетельстве «Охридского жития Климента» гипотеза, будто бы кириллица была создана Климентом, тоже вызывает ряд очень серьезных возражений. Во-первых, «Охридское житие Климента» включает столько исторических ошибок, неточностей и

<sup>3</sup> Цитируется в переводе В. Бильбасова (*Бильбасов В.* Кирилл и Мефодий, ч. II. СПб., 1868).

противоречий, что многие рассматривают его как недостоверную легенду<sup>4</sup>. Во-вторых, о культуре и письменности Болгарии конца IX—начала X в. (в отличие от Моравии того же времени) рассказывается в довольно большом количестве дошедших до нас летописных памятников. Важнейшими из них являются очень подробное и исторически значительно более точное и достоверное «Пространное житие Климента», а также специально посвященное славянской азбуке «Сказание о письменах» Черноридца Храбра. Авторы обоих произведений не могли бы обойти молчанием столь крупный факт из биографии самого Климента и из истории болгарской письменности их времени, как создание новой славянской азбуки. Между тем ни в одном из этих произведений ни о создании новой азбуки, ни о существовании какой-либо иной азбуки, кроме азбуки, разработанной Кириллом, ничего не говорится.

Поэтому, если даже доверять свидетельству «Охридского жития Климента», то его нужно понимать не как указание на разработку Климентом новой азбуки, а как указание на создание Климентом новых, дополнительных букв, отсутствовавших в азбуке Кирилла. Напомним, что, согласно Храбру, азбука Кирилла состояла из 38 букв; между тем в древнейших памятниках, написанных глаголицей, встречается 40 букв, а в памятниках, написанных кириллицей, даже 43 буквы. Видимо, буквы, отсутствовавшие в азбуке Кирилла, и были теми «знаками других письмен», которые создал, согласно свидетельству его «Краткого жития», Климент.

Такое понимание, казалось бы, подтверждается и «Сказанием о письменах» Храбра. В сказании этом тоже есть упоминания о каком-то усовершенствовании создания Кирилла. Если же кто скажет, пишет Храбр, что Кирилл «не оустроилъ добре, понеже ся построяють и еще», то следует ответить, что греки Акилла, Симмах и другие тоже внесли немалые изменения, так как легче «послеже потворити, неже пръвое сътворити». Правда, ряд исследователей (И. В. Ягич, А. М. Селищев и др.) считает, что в этом месте «Сказания» Храбр говорит об изменениях, внесенных не в азбуку, а в переводы библейских книг, так как Акилла и Симмах были греческими переводчиками, а не грамматиками.

<sup>4</sup> Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, с. 69—70; Щепкин В. И. Учебник русской палеографии. М., 1918, с. 13.

Таким образом, если какая-то вторая азбука и была создана после смерти Мефодия и изгнания его учеников, то наиболее вероятным местом ее создания должна считаться не Болгария, а Моравия. Только в этом случае становится понятным отсутствие каких-либо упоминаний о второй азбуке в болгарских источниках того времени. Об изменениях, происшедших в славянской письменности Моравии, болгарские летописцы того времени могли не знать, тем более что славянская письменность в Моравии тех лет едва теплилась в немногих еще не уничтоженных ее очагах. О создании же второй азбуки в их собственной стране болгарские летописцы, конечно, не только знали бы, но и написали бы об этом крупном событии в своих работах.

А в Моравии, в условиях преследования всего связанного с византийской церковью, второй азбукой могла быть лишь глаголица.

## 2

Какую же из двух славянских азбук следует считать созданием Константина Философа?

Большинство современных исследователей этого вопроса признают азбукой Константина глаголицу. Гипотеза эта, впервые выдвинутая еще в конце XVIII в. Г. Добнером, была развита в середине XIX в. чешским ученым П. И. Шафариком<sup>5</sup>, а затем русскими учеными Н. С. Тихонравовым, В. И. Григоровичем, И. В. Ягичем, В. Н. Щепкиным и др. В наше время сторонниками этой гипотезы являются автор переведенной в СССР в 1953 г. с чешского монографии по истории письма Ч. Лоукотка, автор последней зарубежной монографии по истории письма М. Коэн, авторы выпущенных в СССР в 1951 г. курса старославянского языка А. М. Селищев, курса древнерусского языка Л. А. Якубинский и др.

Что касается второй славянской азбуки, то почти все перечисленные выше сторонники создания Константином глаголицы считали, что кириллица была создана в конце IX—в начале X в. в Болгарии и что наиболее вероятный ее создатель — Климент Охридский.

Лишь за последние десятилетия и в свете новых открытий получил распространение другой вариант теории,

---

<sup>5</sup> Шафарик П. И. О происхождении и родине глаголитизма // Чтения Общества истории и древностей Российских, кн. IV. М., 1860 (перевод с пражского издания 1857 г.).

признающей автором глаголицы Константина. Согласно этому варианту, вторая азбука — кириллица — считается дохристианским славянским письмом, возникшим из византийского устава в результате длительного применения византийского письма славянами и постепенного приспособления его к фонетике славянской речи. Согласно этой гипотезе, Константин знал о существовании протокирилловского письма и даже познакомился с его образцами в Херсонесе, во время своего путешествия к хазарам. Но стремясь к созданию азбуки совершенно новой, не напоминающей ни одну из ранее существовавших, Константин будто бы использовал протокирилловское письмо лишь как материал для разработки глаголицы. Однако впоследствии, в конце IX—в начале X в., графически более простая и совершенная кириллица снова возродилась в Болгарии (может быть, доработанная Климентом) и затем вытеснила глаголицу почти у всех южных и восточных славян. Такой новый вариант теории о создании Константином глаголицы был впервые выдвинут в конце XIX в. русскими учеными В. Ф. Миллером и П. В. Голубовским<sup>6</sup>, а за последние годы был особенно развит и обоснован болгарским ученым Е. Георгиевым<sup>7</sup>.

Меньшее число сторонников сейчас у теории, признающей азбукой Константина кириллицу. У этой теории тоже имеется два основных варианта.

Согласно первому из этих вариантов, Константин является автором кириллицы, глаголица же была создана в Моравии после смерти Мефодия его учениками. При этом причиной создания глаголицы считаются преследования, которым подверглась слишком сходная с византийским письмом кириллица со стороны соперничавшего с Византией немецко-католического духовенства. Стремясь сделать славянскую азбуку возможно менее похожей на византийское письмо, ученики Мефодия и переработали кириллицу в глаголицу. Для этого они одни буквы перевернули, другие снабдили петельками, завитушками и т. п. Этим и объясняется вычурный, искусственный характер глаголических букв. Такая гипотеза была выдвинута в середине XIX в. чешским ученым Й. Добровским,

<sup>6</sup> Миллер В. Ф. К вопросу о славянской азбуке // Журнал Министерства народного просвещения, 1884, № 3; Голубовский П. В. О начале русской письменности // Университетские известия. Киев, 1895.

<sup>7</sup> Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952.

поддержана русскими учеными И. И. Срезневским, А. И. Соболевским, а в советский период была развита Е. Ф. Карским<sup>8</sup>.

Согласно другому варианту теории о создании Константином кириллицы, глаголица сформировалась у славян еще в доконстантиновский период, как в основном самостоятельно развившееся, самобытное славянское письмо; впоследствии это письмо было вытеснено созданной Константином и более совершенной кириллицей. Гипотеза эта впервые была выдвинута чешскими учеными Лингардтом и Антоном<sup>9</sup>, считавшими, что глаголица возникла еще в V—VI вв. у западных славян. В новой измененной трактовке эта гипотеза возродилась в 50-х годах в СССР в работах П. Я. Черных, Н. А. Константинова, Е. М. Эпштейна и других советских исследователей<sup>10</sup>. Согласно этим работам, протоглаголица возникла у восточных славян из первоначальных славянских «черт и резов». Памятниками более позднего и развитого протоглаголического письма были Евангелие и Псалтырь, найденные Константином в Херсонесе. Создавая кириллицу, Константин, согласно этой гипотезе, заимствовал из греческого устава буквы для звуков, одинаковых в старославянском и греческом языках, а из протоглаголицы — буквы для особых звуков старославянского языка, графически перестроив эти буквы по образцу греческого устава.

Как было показано нами в работе «Развитие письма»<sup>11</sup> изложенные выше два варианта теории о создании Константином кириллицы легко объединяются в один. А именно: и протокирилловское и протоглаголическое письмо могло сосуществовать у славян в дохристианский период. Константин, познакомившись в Херсонесе с одной из этих разновидностей дохристианского славянского письма — вероятнее всего с протокириллицей, — пере-

<sup>8</sup> *Dobrovskiy J. Glagolitica. Prag., 1845; Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.*

<sup>9</sup> *Anton. Erste Linien eines Versuchs über der alten slaven. Leipzig, 1789.*

<sup>10</sup> *Черных П. Я. К истории вопроса о русских письменах в житии Константина Философа // Учен. зап. Ярославского пед. ин-та, вып. IX, 1947; Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950; Язык и письмо // История культуры древней Руси. М.—Л., 1951; Эпштейн Е. М. К вопросу о времени происхождения русской письменности // Учен. зап. Ленинград. ун-та, вып. 15, 1947.*

<sup>11</sup> *Истрин В. Развитие письма. М., Изд-во АН СССР, 1961.*

работал и систематизировал ее, создав кирилловскую азбуку. В период преследования этой азбуки в Моравии ученики Мефодия попытались возродить другую, протоглаголическую разновидность дохристианского славянского письма, тоже значительно переработав, усложнив и «украсив» первоначально гораздо более простые протоглаголические буквы. Однако впоследствии более совершенная кириллица почти вытеснила сложную и искусственную глаголицу.

Таковы возможные гипотезы происхождения кириллицы и глаголицы\*.

### 3

Рассмотрим доказательства, выдвигаемые в защиту создания Константином глаголицы. Важнейшие из этих доказательств следующие.

1. Древнейшая из дошедших до нас глаголических рукописей (так называемые «Киевские отрывки») принадлежит западным славянам. В более позднее время глаголица наибольшее распространение получила тоже у западных (вернее, у юго-западных) славян, в Хорватии и Далматии. Язык древнейших глаголических памятников, кроме того, изобилует моравизмами и латинизмами, т. е. словами, заимствованными из моравского и латинского языков. Все эти факты будто бы свидетельствуют, что глаголица была создана в Моравии Константином Философом.

2. Язык древнейших глаголических памятников более архаичен, чем язык древнейших памятников кириллицы. Кроме того, в большинстве кирилловско-глаголических палимпсестов<sup>12</sup> более ранний текст — глаголический. Это будто бы доказывает, что кириллица была создана позже глаголицы.

3. Кириллица могла возникнуть эволюционным путем, в то время как глаголица (в том виде, в каком она дошла до нас) явно представляет собой искусственное создание,

\* О постепенном формировании кириллицы и ее соотношении с глаголицей см. также: Жуковская Л. П. К истории буквенной цифири и алфавитов у славян // Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 37—43: упорядоченная кириллица не позже 1 половины X в. появилась у южных славян.

<sup>12</sup> Палимпсестами называются рукописи, в которых поверх более раннего выскобленного текста написан какой-либо более поздний текст. Сравнительно широкое распространение палимпсестов объяснялось дороговизной тогдашнего материала для письма — пергамента.

продукт индивидуального творчества. В то же время глаголица настолько хорошо отражает фонетику славянского языка, что создать ее мог лишь такой образованный и ученый филолог, как Константин Философ.

4. В рукописи Упия Лихого кириллицей названо глаголическое письмо.

5. В «Кратком житии Климента Охридского» сообщается, что Климент изобрел знаки писмен, отличные от созданных Константином.

6. Если бы Константин создал кириллицу, его азбуку нельзя было бы называть «новой», так как кириллица — лишь видоизменение византийского уставного письма. Между тем в ряде источников того времени о письме, созданном Константином, говорится, как о новом письме.

Рассмотрим эти доказательства, используя материалы, изложенные в предыдущих главах книги.

1. Доказательства западнославянского происхождения глаголицы очень убедительны<sup>13</sup>. Однако к вопросу о том, какая азбука была создана Константином Философом, доказательства эти прямого отношения не имеют. Ведь сторонники теории создания Константином кириллицы тоже совсем не отрицают западнославянского происхождения глаголицы. Признавая, что эта азбука была создана в Моравии, они только считают, что создателем ее был не Константин, а один из учеников Мефодия, вернувшийся в Моравию после смерти учителя.

2. Большая архаичность языка древнейших дошедших до нас глаголических памятников тоже не имеет прямого отношения к вопросу о том, какая азбука была создана Константином. Во-первых, как было показано в предыдущем разделе, открытие новых памятников кириллицы и глаголицы сужает промежуток между возможным созданием той и другой азбуки максимум до 50—60 лет, так как одна из азбук, несомненно, была создана в 862—863 гг., а другая — между 886 г. (год изгнания учеников Мефодия из Моравии) и первым-вторым десятилетием X в. (время, к которому относятся древнейшие памятники и кириллицы

---

<sup>13</sup> Иную точку зрения на происхождение глаголицы защищает Н. Н. Дурново в его уже упоминавшейся работе «Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов». Анализируя алфавитный состав глаголицы и сопоставляя его с фонетическими особенностями славянских говоров середины IX в., Н. Н. Дурново приходит к выводу, что глаголица возникла на основе западномакедонских говоров.

и глаголицы). Но за такой короткий срок старославянский язык не мог бы измениться настолько сильно, чтобы на основе этих изменений можно было бы с уверенностью сказать, какие из памятников старше. А во-вторых, и это самое главное, ни глаголических, ни кирилловских памятников, которые относились бы ко времени создания двух славянских азбук (IX в.), до нас вообще не дошло и, поэтому, мы совершенно ничего не знаем и не можем знать о степени архаичности их языка.

Большая же архаичность языка дошедших до нас глаголических рукописей XI в. (по сравнению с кирилловскими рукописями того же времени) гораздо лучше может быть объяснена не тем, что глаголица будто бы древнее кириллицы, а тем, что ко времени написания этих глаголических рукописей (XI век) глаголица уже начала вытесняться кириллицей, стала превращаться в известное лишь немногим ученым книжникам, искусственно сохраняемое, архаическое письмо.

Этим же легко объясняется и то, что в славянских палимпсестах того времени более ранним текстом обычно оказывается глаголический текст.

3. Глаголица, в том виде, в каком она дошла до нас, несомненно, является искусственным созданием и, по-видимому, продуктом индивидуального творчества. Но эта особенность глаголицы в равной мере согласуется и с гипотезой о создании ее Константином Философом и с гипотезой о ее создании одним из учеников Мефодия. Больше того, искусственность, вычурность глаголицы становятся даже более понятными, если считать, что глаголица была создана в условиях преследования кириллицы как нарочитая, вынужденная пересройка кирилловских букв с целью сделать их возможно менее похожими на греческие. Такое происхождение глаголицы хорошо объясняет также сходство формы тех кирилловских и глаголических букв, у которых не было аналогов в византийском алфавите (например, букв «цы», «червь», «ша», «шта»): именно потому, что у этих букв не было аналогов в византийском письме, и не возникала необходимость в их переделке.

Несомненно также, что глаголица, а равно и кириллица, настолько хорошо отражают фонетику славянской речи IX в., что первоначальная разработка одной из этих азбук была бы под силу только такому ученому и талантливому филологу, как Константин Философ. Но никто и не отрицает, что одну из этих азбук, причем впервые,



разработал Константин. А для разработки второй азбуки (будь то глаголица или кириллица) на основе уже созданной первой особых филологических познаний не требовалось, так как глаголица и кириллица по их алфавитному составу почти не отличаются. Создателю второй азбуки нужно было только изобрести новую форму букв. А это вполне мог осуществить и один из учеников Мефодия.

4. Наименование в рукописи Упия Лихого глаголического текста кириллицей является единичным фактом, противоречащим многовековой общеславянской традиции и поэтому может быть сочтено случайной ошибкой самого Упия Лихого или одного из переписчиков его рукописи.

5. Упоминание в «Кратком житии Климента Охридского» о создании им новых букв, отличных от созданных Константином, следует понимать не как указание на разработку Климентом новой азбуки взамен азбуки, созданной его учителем, а скорее как указание на пополнение азбуки Константина новыми буквами. Как уже отмечалось, азбука, созданная Константином, включала, согласно Храбру, 38 букв, а в древнейших дошедших до нас кирилловских рукописях встречаются 43 разные буквы; недостающие пять букв (вероятно четыре йотированных гласных буквы и «ук»), по-видимому, и были введены Климентом. Только при таком понимании свидетельства «Краткого жития Климента» можно объяснить отсутствие каких-либо упоминаний о второй азбуке в «Сказании Черноризца Храбра» и в «Пространном житии Климента». Кроме того, замена графически оригинальной глаголицы похожей на византийский устав кириллицей не соответствовала бы, как отмечалось в разделе первом этой главы, тенденциям к культурно-политическому обособлению, характерным для Болгарии конца IX—нач. X в.

6. Наиболее серьезен аргумент, исходящий из того, что азбука Константина в ряде источников того времени трактуется как «новая» азбука. Конечно, более «новой», непохожей на ранее существовавшие системы письма была глаголица. Однако и кириллицу вполне можно было называть новой азбукой. Ведь даже если первоначальный состав этой азбуки был (согласно Храбру) тридцативосьмибуквенным, то и в этом случае 14 букв из 38, т. е. почти 40 %, были новыми, отсутствовавшими в византийском письме. Таким образом, процент новых букв в кириллице был значительно большим, чем, например, в латинском алфавите (при сравнении его с греческим). Следовательно,

кириллица, подобно латинскому алфавиту, тоже вполне заслуживает названия «нового» письма.

Таким образом, все доказательства разработки Константином глаголицы не противоречат и даже вполне согласуются и с гипотезой о разработке Константином кириллицы (при том, конечно, условии, что глаголица была создана в Моравии одним из учеников Мефодия).

#### 4

Более убедительными кажутся доказательства создания Константином кириллицы. Важнейшие из них исходят: во-первых, из политических задач миссии Константина в Моравии, а также из анализа побуждений, которыми мог руководствоваться Константин в случае создания им глаголицы или кириллицы; во-вторых, из характеристики константиновской азбуки в «Сказании о письменах» Черноризца Храбра; в-третьих, из анализа формы кирилловских и глаголических букв.

Во всех советских исторических работах, посвященных этому вопросу, считается несомненным, что император Михаил и патриарх Фотий, охотно согласившись на просьбу моравского посольства и направив в Моравию Константина, больше всего руководствовались стремлением обеспечить в Моравии культурно-политическое влияние Византии и византийской церкви в противовес влиянию Рима и немецко-католического духовенства.

Такая политическая задача миссии Константина становится еще более несомненной, если вспомнить, что как раз в эти годы Моравии особенно угрожали немецкие завоеватели, поддерживаемые Римом, а отношения Византии с Римом настолько обострились, что папа Николай даже проклял патриарха Фотия.

Важнейшим средством культурно-политического воздействия одного народа на другой было в эпоху средневековья распространение того или иного религиозного учения. А история письма показывает, что распространение почти любой религии сопровождалось одновременным распространением связанной с этой религией системы письма. Так, западное христианство всегда вводилось у различных народов вместе с латинским письмом; мусульманство — вместе с арабским письмом; буддизм на среднем Востоке — вместе с индийскими системами письма (брахми, деванагари и др.), а на Дальнем Востоке — вместе с китайской иероглифической; религия Зороастра — вместе с алфавитом Авесты. Даже такие менее значитель-

ные религиозные учения, как якобитство, манихейство и несторианство, тоже получали распространение одновременно с особыми, тесно связанными с ними системами письма.

Не могла быть исключением из этого правила и восточно-христианская, византийская церковь, а также и ее посланник Константин Философ. Правда, для Византии были характерны более дипломатичные и гибкие методы обеспечения своего влияния, чем, например, для Рима. Тем не менее, в свете политических задач моравской миссии, представляется очень маловероятным предположение о том, что Константин создал для звуков, одинаковых в греческом и славянском языках, новые, гораздо более сложные и вычурные буквы вместо очень простых, четких и издавна тесно связанных с восточнохристианской церковью букв византийского уставного письма. В особенности маловероятным становится это предположение, если считать, что славяне к тому времени уже пользовались греческим письмом и даже частично приспособили его к передаче своей речи. Между тем в настоящее время, в особенности после работ Е. Георгиева, существование у славян протокирилловского письма представляется почти несомненным.

Правда, известен случай создания восточнохристианскими миссионерами новой системы письма, мало похожей на византийскую. Такая система была создана в начале V в. епископом Месропом Маштоцем для армян. Но Маштоц не был посланником Византии, как Константин, и армянское письмо создавал не по поручению византийских императора и патриарха. Кроме того, нет оснований предполагать, что армяне к V в. уже широко пользовались (подобно славянам) греческим письмом и даже приспособили его к передаче своего языка. Иной была и политическая обстановка V в.

Создание Константином глаголицы при наличии у славян графически более совершенного и более близкого к византийскому протокирилловского письма не может быть объяснено и стремлением славян «к культурному и племенному обособлению»<sup>14</sup>. Такое стремление вполне могло появиться в Болгарии в конце IX—начале X в., т. е. в годы ее культурно-политического соперничества с Византией. Но для моравов середины IX в., только еще

---

<sup>14</sup> Георгиев Е. Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952, с. 6.

приобщавшихся к грамоте, такое стремление было очень маловероятным. Еще менее могло оно возникнуть у Константина, выросшего и воспитанного в Византии, и являвшегося представителем византийского императора и патриарха.

Единственный мотив, которым мог бы руководствоваться Константин в случае создания им глаголицы, — это стремление к оригинальности, к прославлению себя (даже в ущерб порученному ему делу) созданием совершенно «нового» письма, ни в чем не похожего на ранее существовавшее. Только при этом условии можно было бы допустить, что Константин, вопреки стоявшим перед ним задачам, вместо систематизации и необходимого пополнения уже давно применявшихся славянами греческих букв, почему-то занялся их переделкой, выдумыванием различных замысловатых петелек, кружочков, усиков и хвостиков. Как указывает один из исследователей истории создания славянской азбуки А. С. Будилович, Константин в этом случае заслуживал бы названия «скорее фокусника, чем философа»<sup>15</sup>. Однако такое предположение противоречит всему, что нам известно о скромном, далеко не тщеславном характере и глубоком уме Константина.

В отличие от Византии середины IX в., для Моравии конца IX—начала X в. создание глаголицы с ее вычурными, сложными и непохожими на другие системы письма графическими формами было вполне естественным. Если политические условия Византии середины IX в. настоятельно требовали создания письма, близкого к греческому, то условия Моравии конца IX—начала X в. столь же настоятельно требовали максимального удаления славянского письма от византийского, даже за счет искусственного усложнения и ухудшения формы букв; вероятно, именно по этой причине из глаголицы были исключены наиболее характерные для греческого письма буквы «пси», «кси». Не случайно также, что некоторым из глаголических букв («веди», «глаголь», «покой», «хер» и др.) была придана форма, близкая к соответствующим латинским буквам (см. рис. 5). Не случайно, кроме того, что меньше всего подверглись изменениям кирилловские буквы, не заимствованные из византийского устава.

---

<sup>15</sup> Будилович А. С. О греко-славянском характере деятельности Кирилла и Мефодия // Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885, с. 64.

Противоречит гипотеза о создании Константином глаголицы и той характеристике, которую дает константиновской азбуке Черноризец Храбр в своем «Сказании о письменах» (см. с. 153—155).

Во-первых, во всех списках этого «Сказания» Храбр четко подразделяет созданные Константином буквы («письмена») на две категории — «ова убо по чину греческих письмен, ова же по словенстей речи». К кириллице это деление полностью подходит, к глаголице же — в малой степени, так как почти все глаголические буквы не похожи на греческие (в том числе и на скорописные). Правда, высказывались предположения, будто бы это указание Храбра относится не к буквам, а к их звуковому значению. Однако такое предположение маловероятно, тем более что Храбр в этом месте своего «Сказания» прямо говорит о «письменах», т. е. о буквах, а не о звуках.

Во-вторых, Храбр указывает, что общее количество букв константиновской азбуки было равно 38, в том числе 24 буквы, «подобные греческим письменам», а 14 букв — «по словенску языку» (цифры 24 и 14 в некоторых списках «Сказания» отсутствуют).

Эта цифровая характеристика азбуки, созданной Кириллом, тоже полностью подходит только к кириллице. При исключении из нее четырех йотированных букв, видимо, созданных в более позднее время<sup>16</sup>, и лигатуры «ук», количество букв кириллицы составляет 38, в том числе 24 буквы, заимствованные из греческого письма, и 14 букв, созданных для особых звуков славянской речи. Общее количество букв первоначального глаголического алфавита менее ясно. Несомненно только, что количество глаголических букв для звуков, одинаковых в славянской и греческой речи, не превышало 22 (в глаголице отсутствовали буквы «пси», «кси»), а количество букв для особых звуков славянской речи составляло не менее 16 (см. с. 54—55).

Большинство исследователей признает, кроме того, что и само «Сказание» Храбра было первоначально написано кириллицей, а не глаголицей.

В пользу создания Кириллом кириллицы и более позднего появления глаголицы говорит также сравнительный анализ формы глаголических и кирилловских букв, предназначенных для передачи особых звуков славянской речи. Как разобрано в главе 2, в кириллице только три

<sup>16</sup> Селищев А. М. Старославянский язык, ч. I. М., 1951, с. 39.

таких буквы были заимствованы из иного алфавита (еврейского); форма же всех остальных таких букв была получена путем графического видоизменения или лигатурного сочетания других букв кириллицы (см. табл. 3). В глаголице же форма восьми из 18 таких букв («буки», «зело», «ук», «ять», «ю», «пта» и двух более поздних «юсов») объяснима лишь как подражание кириллице. Явно перенесена из кириллицы в глаголицу, а не наоборот, кроме того, буква «ша», совпадающая по ее геометрическому стилю с кириллицей, а в глаголице кажущаяся чужеродной буквой. О более позднем создании глаголицы наряду с этим свидетельствуют: наличие в глаголице особой, новой буквы «дерьв», отсутствовавшей в древнейшей кириллице; иное, чем в кириллице, и более совершенное построение двух первоначальных глаголических «юсов» и отчасти букв «ер», «ерь». Легко объяснима как подражание кириллице (хотя здесь возможны и иные объяснения) также форма глаголических букв «живете», «цы», «червь», «еры».

### О ПИСМЕНЕХЪ ЧРЪНОРИЦА ХРЪВРА<sup>1</sup>

I. Прѣжде оубо словѣне не имѣхъ книгъ<sup>2</sup> нъ чрътами и рѣзми<sup>3</sup> чрътѣхъ<sup>4</sup> и гатахъ<sup>5</sup> погани ещѣ<sup>6</sup>.

II. крѣстивше же еа, рѣмекми и гръчскыми<sup>7</sup> писменми нждадохъ еа [писати словенскѣ]<sup>8</sup> рѣча беза оустроенил.<sup>9</sup> нъ<sup>10</sup> како можетъ еа писати добрѣ гръчскыми писменми бѣ или живѣтъ или зѣлау или црѣкова или члани<sup>11</sup> или ширѣта<sup>12</sup> или пѣда или ждоу<sup>13</sup> или юности. или жзыкъ и<sup>14</sup> инаа побнаа симл и тако вѣшж многа лѣта

III. потом же чаклювецъ бѣ строжи кѣ и не уставаѣж чѣча рода беза разоума, нъ еса кз разоумоу<sup>15</sup> прикода и<sup>16</sup> спѣнию помилосава<sup>17</sup> родъ [словенскыи]<sup>18</sup>, послѣ<sup>19</sup> има стго Квѣтангѣна философа нарицаемаго Кѣрила, мжжа праведна и истинна и<sup>20</sup> створи имъ<sup>21</sup> л. писмена и бѣма, ѡка бѣу по чиноу гръчскыхъ писменъ, ѡка же по словѣнстѣи рѣчи. Ѱ<sup>22</sup> пръваго же<sup>23</sup> наченъ по гръчскоу ѡни бѣво ѡлфа ѡ еѣ ѡва (Ѱ ѡва начатъ<sup>24</sup>) ѡков. и ѡкоже ѡни подоблашесл жидовскыми писменема створѣшиж, чѣко и еѣ

гръцкѣскимъ. жиѡке бѡ пръкоє<sup>26</sup> писма иматъ ѡлефа<sup>26</sup>, ѣже сѡ<sup>27</sup> сказавѣ [ѡчѣнїе<sup>28</sup>] свѣрзшажце, взводимоу дѣтицюу ѣ глацѣ<sup>29</sup> ѡчиса, ѣже<sup>30</sup> ѣстѣ ѡлефа<sup>31</sup> и гръци подобавшеса<sup>32</sup> томуу ѡлфа<sup>32</sup> рѣшж ѣ<sup>33</sup> сподовиса реченїе<sup>34</sup> сказаниа жиѡкѣска гръцкѣсѣ жъзыкоу, да речетѣ дѣтицюу ка оучениа мѣсто ѣци, ѡлфа [во ѣци<sup>35</sup>] сѡ речетѣ гръцкѣскома жъзыкомъ тѣмъ бо<sup>36</sup> побаса<sup>37</sup> стѣи Кирилъ створи пръкоє<sup>38</sup> писма ѡза нѣ ꙗко ѣ пръкомоу сѣцюу писмени ѡза<sup>39</sup> ѣ ѡ бѡ даноу родоу словѣнскому на ѡврзѣтїе<sup>40</sup> оуѣтѣ, ка разоумъ оучащимса<sup>41</sup> вѡквѡмъ великомъ раздвиженїемъ оуѣтѣ вѣзгласитса<sup>42</sup> ѡ<sup>43</sup> ѡнѡ<sup>43</sup> писмена<sup>43</sup> маломъ раздвиженїемъ оуѣтѣ вѣзгласитса<sup>44</sup> и<sup>45</sup> ѣсповѣдажтса<sup>46</sup>

IV. се же сѣтѣ писмена словѣнскѡа, сице<sup>47</sup> ѡ побавѣтѣ писати ѣ глацѣ<sup>48</sup> ѡ бѣ гѣ.

1 б. — Сказанїе ка<sup>1</sup> сѣстави стѣи Кирилъ<sup>1</sup> словено<sup>1</sup> писмена противоу азѣкоу; с. — Черноорнѣца Храбѣра отвѣтїи о писменехъ.<sup>2</sup> К. — кнѣ. гж; м. б. — писменъ.<sup>3</sup> м. — рѣзанли; б. нарѣзанли.<sup>4</sup> чкѣхж ѣ — нетъ в м.<sup>5</sup> м. б. — гадаухж.<sup>6</sup> — добавл. к погани сѣше слово еше. 7 ѣ гръцкѣскимъ нетъ в З.<sup>8</sup> Такъ читаетъ м.; в П. Х. К. З. нетъ писати; З. — словѣнскоу; с — словѣнскѡа во рѣчь бѣ везъ оустроенїи.<sup>9</sup> м. — жѣстроѡ; б. — оустроенж<sup>10</sup> б. — нетъ.<sup>11</sup> с. б. — доб. или чакъ.<sup>12</sup> с. б. доб. или щедрота.<sup>13</sup> Х. юда; м. жам; б. ѡдоу.<sup>14</sup> м. — ѣлї.

15 м. б. — на развѣмъ спенїе.<sup>16</sup> с. — доб. къ.<sup>17</sup> б. — помѡва.<sup>18</sup> Такъ читаютъ м. б. с.; П. и другїе старейшїе списки — члчъ.<sup>19</sup> З. — послѡвѣ; м. — ѣ послѡ.<sup>20</sup> с. — и сѡ.<sup>21</sup> б. — нетъ ѣмъ.<sup>22</sup> Отсюда до словъ: се же сѣтѣ писмена словѣнскѡа в с. — нетъ.<sup>23</sup> К. — оуѣже.<sup>24</sup> К. — ѡ ѣвъ начѡ; З. — ѡ ѣвъ начнѣ; м. — зачѡтъ.<sup>25</sup> м. — ѣдино.<sup>26</sup> б. — ѡлфа.<sup>27</sup> Х. — нетъ.<sup>28</sup> Чтенїе м. и б.; другїе сп. — оучиненїе.<sup>29</sup> м. — глаюцж.<sup>30</sup> б. — сѣ.<sup>31</sup> б. — ѡлфы.<sup>32</sup> м. — подобавшесѡ.<sup>33</sup> б. — нетъ.<sup>34</sup> З. — реченїа.<sup>35</sup> Чтенїе м.; П. Х. К. З. — вонш.<sup>36</sup> м. нетъ.<sup>37</sup> б. — нетъ.<sup>38</sup> б. — пѣрвѣ.<sup>39</sup> м. б. — ѡвоу.<sup>40</sup> б. — ѡврзѣнїе.<sup>41</sup> б. — сѡ нетъ.<sup>42</sup> б. — вѣзгласитса.<sup>43</sup> м. — нетъ.<sup>44</sup> К. м. — вѣзгласитса.<sup>45</sup> м. — нетъ.<sup>46</sup> От ѡ ѡнѡ писмена. до ѣ ѣсповѣдажтса — в б. — нетъ.

47 м. — ѣ; в. — ѣ.<sup>48</sup> м. — глашати ѡ, б, в, а, ж, ѡ си<sup>48</sup> сѣтъ, ка, пшѣна гръцкѣскимъ писменемъ, сѣт же си<sup>48</sup> а, в, г, а, е, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, ф, х, ѡ, и, пѣ, хлѣ, тѣ, а, г, и; по словѣнскѣ азѣкѣ, сѣ в, ж, ѡ, а, ц, ч, ш, ѣ, шъ, мъ, шъ, ф, ѣж, ю, ѡ; б. —

писати а, ѡ, в, даже до ѡ ѡ ѡ си<sup>ч</sup> си<sup>ч</sup> (sic) сж<sup>ч</sup> четырь<sup>ч</sup> меже<sup>ч</sup> асѡмѡ  
 подобнѡ грескы пменс<sup>ч</sup> сж<sup>ч</sup> же сѡ а. в. ж т. д. После ч с. и б.  
 читают ѡ, ѡ; а четырнадцатъ по славѣнскоу языку снѡ сж<sup>ч</sup> в, ж,  
 в, ц, ч, ш, щ, ѣ, ѡ, ѡ, ѣ, ю, ж, ѡ.

Сводный текст первых четырех разделов «Сказания о письменах» Черноризца Храбра (деление на разделы согласно И. И. Срезневскому, варианты — по С. Вилинскому).

В основу сводного текста положен текст из болгарского списка 1348 г. Варианты, отмеченные буквами в сносках, — из списков хиландарского XV—XVI вв. (X), киевского XVI в. (K), зографского XVI—XVII в. (З), списка Московской духовной академии XV в. (м), Саввинского XV в. (с) и Бреславского XVI в. (б).

Вывод о построении глаголицы на основе кириллицы подтверждается также анализом формы остальных 22 глаголических букв, служивших для передачи звуков, одинаковых в славянском и греческом языках. Как разобрано в главе 2 (табл. 4), 11 из 22 этих букв представляют собой трансформацию соответствующих им кирилловских букв, шесть букв — трансформацию соответствующих латинских букв и только пять букв были созданы в глаголице более или менее самостоятельно, причем три из них — на основе искусственного символического принципа.

Как показано в главе 2, иное объяснение формы глаголических букв, выводящее их из византийской скорописи, имеет три принципиальных недостатка: 1) на основе византийской скорописи значительно труднее (чем на основе кириллицы) объяснить форму большинства новых глаголических букв; 2) скоропись ни в Византии, ни у славян не применялась для религиозно-богослужебных целей, а глаголица, так же как и кириллица, была создана в первую очередь для этих целей; 3) глаголица имела скорее уставный, чем скорописный характер (раздельное написание букв, редкое применение лигатур, отсутствие элементов букв, выходящих за верхнюю и нижнюю линии строки и т. п.).

О том же свидетельствует отличная от греческой искусственно построенная цифровая система глаголицы, а также общий вычурный графический стиль этой азбуки.

Наконец, в пользу создания Константином кириллицы, а не глаголицы, свидетельствуют традиционные названия азбук.

Таким образом, вопреки взглядам большинства совре-



менных исследователей этого вопроса, нам представляется гораздо более вероятной гипотеза о создании Константином кириллицы.

## 5

В целом история возникновения и начального развития старославянского письма на основе всех рассмотренных выше материалов и соображений рисуется следующим образом.

Еще в первой половине I тысячелетия, в период формирования у славян племенного строя, у них, так же как и у большинства других народов, находившихся на тех же ступенях общественного развития, существовало первоначальное письмо типа «черт и резов». Это были простейшие счетные знаки в форме черточек и зарубок, племенные и родовые знаки, знаки собственности, календарные знаки и т. п.

Письмо типа «черт и резов» было, однако, непригодно для записи военных и торговых договоров, богослужебных текстов, исторических хроник и других сложных документов. Для этих целей славяне примерно с VII—VIII вв., когда у них возникали первые раннефеодальные княжества и развивались торговые связи с Византией, заимствовали буквенно-звуковое византийское письмо. Как почти во всех случаях таких заимствований, письмо это постепенно приспособлялось к своеобразной фонетике славянской речи и преобразовывалось в письмо протокирилловское.

Не исключена возможность создания у славян и протоглаголического письма. Письмо это могло развиваться на графической основе «черт и резов», но тоже под влиянием греческого, а может быть, и других буквенно-звуковых систем письма. Если такое, протоглаголическое письмо существовало у славян (а пока доказательств этого почти нет), оно должно было быть в графическом отношении значительно проще и геометричнее дошедших до нас глаголических букв.

Различные виды дохристианского славянского письма, а также возможные местные их разновидности длительно сосуществовали у славянских племен. С одним из этих видов дохристианского славянского письма, вероятнее всего с протокирилловским письмом, познакомился в Херсонесе Константин Философ. Затем, в 862—863 гг., перед поездкой в Моравию, Константин переработал известное

ему протокирилловское письмо в направлении большей его систематизации и более точной передачи фонетики старославянской речи. В конце IX—в начале X в. в Болгарии ученик Константина Климент, по-видимому, пополнил азбуку своего учителя несколькими недостающими буквами.

Одновременно с Климентом, в Моравии, тоже в конце IX—в начале X в. другие вернувшиеся туда ученики Мефодия, стремясь хотя бы частично уберечь славянское письмо от преследований немецко-католического духовенства, графически переработали слишком похожую на византийский устав кириллицу и создали на ее основе глаголицу; таким происхождением глаголицы объясняется, в частности, наличие в древнейших глаголических рукописях моравизмов, латинизмов и искусственный, вычурный характер глаголицы. Не исключено, что при создании глаголицы учениками Мефодия было использовано и протоглаголическое письмо (если только это письмо уже существовало у славян).

В X—XI вв. глаголическое письмо проникает из Моравии и к другим славянам, в том числе к южным и восточным и в течение сравнительно не столь долгого времени получает у них некоторое применение наряду с кирилловским письмом.

Однако вскоре созданное Константином и доработанное Климентом более простое, четкое и удобное кирилловское письмо почти повсеместно вытеснило глаголицу. Этому способствовало возникшее в славянских странах после официального принятия ими христианства стремление к унификации письма как орудия государственного религиозного культа. История письма показывает, что аналогичный процесс происходил и у других народов — у арабов после принятия ими мусульманства, у сирийских христиан и т. д.

Что же касается глаголицы, то в течение ряда веков она продолжала применяться лишь у юго-западных славян, перешедших в католичество, но сохранивших славянское письмо. Применение этими славянами глаголицы, а не кириллицы было вызвано стремлением противопоставить себя славянам, примкнувшим к восточнохристианской церкви и принявшим в связи с этим кирилловское письмо. Отсутствие у глаголицы каких-либо явных связей с Византией и византийским письмом было обусловлено и постепенное примирение с глаголицей римско-католической церкви.

Почти повсеместным вытеснением глаголицы кириллицей, искусственным сохранением глаголического письма лишь в немногочисленных католических общинах юго-западных славян объясняется, в частности, более архаичский характер языка глаголических памятников, а также наличие глаголически-кирилловских палимпсестов.

Такова, как нам представляется, была история возникновения и первоначального развития славянского письма.

## Глава 5

### Развитие славяно-кирилловского письма в России и в СССР

#### 1

Развитие кирилловского письма в России и в СССР происходило иначе, чем развитие письменных систем, возникших на базе латинского письма.

Системы письма западноевропейских народов не только заимствовали почти без изменений алфавит классической латыни (см. выше, стр. 61—62). Большинство этих систем письма, в особенности английская и французская, в течение многих веков не переживали сколько-нибудь крупных алфавитно-орфографических реформ. В результате разрыв между развивающимися языками и почти застывшими системами письма стал особенно велик. Многие буквы получили разное значение в зависимости от их места в слове (например, французское «с»); другие буквы пишутся, но не произносятся (например, немое «е» во французском письме); для передачи одних и тех же звуков применяются разные буквы и буквосочетания. Если произнести французские и английские слова буквально так, как они написаны, они непонятны для современных французов и англичан и звучат, как иностранные. Основным орфографическим принципом французского и английского письма стал принцип историко-традиционный, т. е. написание слов в соответствии с их происхождением или с их произношением в прошлом.

Такое отстающее от языка развитие письма большинства европейских народов было обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, параллельно с национальными языками и системами письма у этих народов в течение всего средневековья продолжали применяться мертвый латинский язык и латинское письмо, оказывавшие тормозящее влияние на развитие национальных письменных систем. Во-вторых, здесь сказывалось воздействие

консервативного католичества, а также ученых кругов, воспитанных на классической литературе, гордившихся своей образованностью и считавших приближение письма к народному языку вульгаризацией; это в свою очередь обуславливало консервативную государственную политику в отношении письма. Только в некоторых протестантских странах, где христианское богослужение было переведено с латинского на национальный язык, несоответствие между языком и письмом было частично ослаблено. В-третьих, с течением времени разрыв между письмом и языком настолько усилился, что для его ликвидации стали необходимы уже не отдельные реформы, а коренная, революционная перестройка письма. Между тем такая перестройка протекает очень болезненно, сложно, и, как правило, становится возможной лишь в эпохи религиозно-реформаторских, национально-освободительных и революционных движений.

В отличие от западноевропейского русское письмо почти непрерывно развивалось в соответствии с развитием русского языка. При этом до начала XVIII в. развитие русского письма происходило преимущественно стихийно, а с начала XVIII в. — в порядке государственных реформ. Важнейшие из этих реформ осуществлялись в периоды революционной перестройки всего русского общества. Такими важнейшими реформами русского письма были петровская реформа 1707—1710 гг. и советская реформа 1917—1918 гг. Кроме того, в промежутке между этими важнейшими реформами — в 1735, 1738 и 1758 гг. — Академия наук провела три другие, менее значительные реформы русского письма.

Исторические изменения русского письма могут быть разделены на три категории: изменения алфавитно-буквенного состава; изменения графики письма; изменения орфографии и пунктуации.

## 2

Изменения алфавитно-буквенного состава русского письма по их характеру и целям подразделяются на три основные группы.

К первой из этих групп относилось исключение букв, заимствованных из греческого алфавита и с самого начала ненужных для передачи славянской речи, а также букв, ставших ненужными вследствие исторических изменений славянской, в том числе русской речи. К началу XVIII в., т. е. ко времени петровских реформ, таких

букв в русском алфавите оказалось девять: «пси», «кси», «фита», «ижица», «омега», одно из двух кирилловских «и» («и» — «иже»), одно из двух кирилловских «з» («зело» — «земля»), «ять» и «малый юс», иногда применявшийся вместо буквы «я» (остальные три «юса» перестали применяться в русском письме еще раньше).

Петр I при изготовлении в 1707—1708 гг. первого комплекта разработанного по его указанию нового русского так называемого «гражданского» шрифта исключил из русского алфавита восемь из девяти этих букв: «пси», «кси», «омегу», «ижицу», «юс», а также «ферг» (оставив «фиту»), «землю» (оставив «зело»), «иже» (оставив «и»). Однако впоследствии большинство этих букв Петр восстановил, и в учебную азбуку 1710 г. (рис. 18) не вошли только «юсы», «пси», «омега», а также лигатура «от» — «омега» с надписанным над ней «т». В результате этого с 1711 по 1735 г. русские гражданские книги набивались различно — то одним, то другим составом азбуки.

Несмотря, однако, на такую недостаточную продуманность и незавершенность петровской реформы, она имела в истории русского письма большое, революционное значение. Ясно показав необходимость перестройки и обновления русского алфавита, реформа эта, кроме того, повлекла за собой ряд последующих реформ, осуществленных Академией наук.

Так, в 1735 г. Академией наук, кроме исключенных Петром «юсов», «пси» и «омеги», были дополнительно исключены буквы «кси», «ижица», «зело». В 1738 г. Академией наук было унифицировано написание «и десятиричного» (с одной точкой вместо двух точек) и упорядочено применение этой буквы (перед гласными звуками, перед «й» и в слове «мир» в значении «вселенная»). Наконец, реформой Академии наук 1758 г. была почему-то снова восстановлена ненужная «ижица».

Ко времени Октябрьской революции из букв, ненужных для передачи русской речи, в русском алфавите все еще оставалось четыре буквы — десятиричное «и» («и с точкой»), «фита», «ижица»<sup>1</sup> и особенно осложнявшая обучение грамоте буква «ять». Все эти буквы были окончательно упразднены советской реформой 1917—1918 гг.

Наибольшие споры как до реформы 1917—1918 гг. так и после нее вызывал вопрос, какое из двух кириллов-

<sup>1</sup> В декрете 1917 г. «ижица» прямо упомянута не была, но применение ее фактически прекратилось именно с этого времени.

Изображеніе аривныхъ и новыхъ пи́сменъ славенскихъ  
печатныхъ и рукописныхъ.

<del>А</del>	А	а	<del>А</del>	А	А	а	а	ДЗЪ
<del>Б</del>	Б	<del>Б</del>	<del>Б</del>	<del>Б</del>	Б	<del>Б</del>	Б	БЪКН
<del>В</del>	В	В	<del>В</del>	В	В	В	В	ВЪАН
<del>Г</del>	Г	Г	Г	Г	Г	Г	Г	ГЛГОЛЬ
<del>Д</del>	Д	Д	Д	Д	Д	Д	Д	ДОБРО
<del>Е</del>	Е	Е	<del>Е</del>	<del>Е</del>	Е	<del>Е</del>	Е	ЕТЬ
<del>Ж</del>	Ж	Ж	<del>Ж</del>	<del>Ж</del>	<del>Ж</del>	<del>Ж</del>	<del>Ж</del>	ЖИВЪТЕ
<del>С</del>	С	С	<del>С</del>	С	С	С	С	СЪЛО

Дано Петра Великаго 1710.  
Генералъ А. Яковлевъ

Р и с. 18. Страницы русской гражданской азбуки с собственноручными пометками Петра I.

ских «и» следует сохранить в русском алфавите. Сторонники сохранения «и с точкой» («и десятиричного») обосновывали свое предложение тремя очень существенными аргументами: во-первых, желательностью приближения русского алфавита к западноевропейским; во-вторых, тем, что замена «и восьмеричного» «и десятиричным» дала бы (вследствие меньшей ширины этой часто встречающейся в русском письме буквы) экономию около 1 % площади бумаги при письме и печати; в-третьих, гораздо лучшей различимостью «и с точкой» («и восьмеричное» слишком похоже по своей форме на другие две русские буквы — «н» и «п»). Несмотря на эти аргументы, победу одержали сторонники «и восьмеричного», сославшиеся на то, что сохранение этой чаще применявшейся буквы приведет к меньшему изменению традиционной графики русского письма. Повлияла здесь также неудача попытки Петра I ввести в русском письме по образцу Западной Европы «и десятиричное» вместо «и восьмеричного».

Во второй группе относились изменения в значении и применении некоторых букв в соответствии с историческими изменениями звуков русской речи. Наиболее важны изменения в значении и применении букв «ер» (ъ) и «ерь» (ь). Как описано в главе 2, буквы эти еще в XIII в. утратили свое звуковое значение и стали применяться главным образом для обозначения твердости (ъ) или мягкости (ь) предыдущей согласной, а также для указания на йотацию последующей гласной. В конце слова применение буквы «ер» (ъ) было излишним, так как на твердость конечной согласной в достаточной мере указывало отсутствие буквы «ерь» (ь). Однако вплоть до 1917—1918 гг. букву «ер» (ъ) в конце слов продолжали ставить, что приводило к напрасной затрате значительной части площади печатной бумаги.

Вопрос о необходимости очередной реформы русского письма, в частности об исключении из него одного из двух «и», «ять», «фиты», «ижицы» и «твердого знака» (в конце слов), оставленных при реформах XVIII в., неоднократно ставился русской общественностью еще в конце XIX в. Так, в 1888 г. этот вопрос был поставлен в докладе В. П. Шереметевского в Обществе распространения технических знаний, а в 1899 г. — в докладе профессора Р. Ф. Брандта в Педагогическом обществе<sup>2</sup>. В результате

<sup>2</sup> Брандт Р. Ф. О лженаучности нашего правописания // Филологические записки. Воронеж, 1901, № 1—2.



общественных настояний, в 1904 г. при Академии наук были образованы специальные комиссии и подкомиссия по этому вопросу, которые в том же году выработали предварительный проект рекомендаций<sup>3</sup>. Потребовалось еще 8 лет для того, чтобы этот предварительный проект превратился в «окончательный»<sup>4</sup>. Однако государственное утверждение этого «окончательного» проекта тормозилось еще в течение 5 лет.

Лишь в результате победы Октябрьской революции давно назревшая реформа русского правописания была проведена в жизнь. В первой его редакции декрет о реформе русского правописания был опубликован в газете «Известия» временного рабочего и крестьянского правительства от 23 декабря 1917 г.; окончательная, несколько измененная редакция этого декрета (рис. 19) была утверждена 10 октября 1918 г.

Реформа 1917—1918 гг., в особенности исключение «ять» и «твердого знака» в конце слов, вызвала ожесточенное сопротивление со стороны всех противников советского строя, а также со стороны значительных кругов консервативной интеллигенции. Для первых книги и газеты, напечатанные без «ять» и «твердого знака», стали ненавистными уже по одному тому, что новая орфография была введена сразу же после победы революции и тесно ассоциировалась с этой победой. Для других новая орфография казалась грубым нарушением традиционных законов грамотности.

Поэтому еще сохранявшиеся тогда частные издательства и типографии упорно продолжали печатать свои издания по старой орфографии. Чтобы преодолеть это сопротивление, пришлось даже изъять административным путем из ряда типографий все наборные литеры с «ять» и «твердым знаком». Это привело к тому, что в течение нескольких лет после революции внутри слов вместо «твердого знака» применялся апостроф.

Наиболее непримиримые враги советского строя не признавали новой орфографии вплоть до настоящего времени. Так, почти все издания, выпускавшиеся русскими контрреволюционными эмигрантами в зарубежных странах, печатались по старой орфографии. Многочисленные попытки возрождения старой орфографии предпри-

<sup>3</sup> «Предварительное сообщение орфографической подкомиссии». СПб., 1904.

<sup>4</sup> Постановления орфографической подкомиссии. СПб., 1912.

# СОБРАНИЕ УЗАКОНЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ РАБОЧЕГО И КРЕСТЬЯНСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

17 Октября 1918 г.

№ 74.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

## Декрет Совета Народных Комиссаров.

### 804. О введении новой орфографии.

В целях облегчения широкой массам усвоения русской грамоты и освобождения школы от воспроизводительного труда при изучении правописания, Совет Народных Комиссаров постановляет:

I. Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т. п.), все документы в бумаге должны с 15-го октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию.

#### II. Во всех школах Республики:

1. Реформа правописания вводится постепенно, начиная с младшей группы 1-й ступени одной школы.

2. При проведении реформы не допускается принудительное переучивание тех, кто уже усвоил правила прежнего правописания.

3. Для всех учащихся и вновь поступающих остаются в силе лишь те требования правописания, которые являются общими для прежнего и для нового правописания, и ошибки считаются лишь нарушениями этих правил.

Новые правила правописания, разработанные Народным Комиссариатом Просвещения.

1. Исключить букву Ъ, с последовательной заменой ее через Е.

2. Исключить букву Ф, с заменой ее через Ф.

3. Исключить букву Ъ в конце слов в частях сложных слов, но сохранить ее в середине слов, в значении отделятельного знака.

4. Исключить букву І, с заменой ее через И.

5. Писать приставки из, воз, из, раз, роз, изз, без, чрез, через—перед гласными и звонкими согласными с З, но заменять З буквой С перед глухими согласными, в том числе и перед С.

6. Писать в родительном падеже прилагательных, причастий и местоимений: ОГО, ЕГО—вместо АГО, ЯГО.

7. Писать в именительном и винительном падеже женского и среднего рода множественного числа прилагательных, причастий и местоимений—ЫЕ, ИЕ, вместо ЪЯ, ЯЯ.

8. Писать ОНИ—вместо ОНЪ в именительном падеже множественного числа женского рода.

9. Писать в женском роде—ОДНИ, ОДНИХ, ОДНИМИ вместо ОДНЪ, ОДНЪХ, ОДНЪМИ.

10. Писать в родительном падеже единственного числа местоимения женского рода ЕЕ—вместо ЕЯ.

11. При переносе слов ограничиваться следующими правилами: согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделена от этой гласной, равным образом группа согласных в начале слов не отделяется от гласной. Буква И перед согласной не должна быть отделена от предшествующей гласной. Также конечная согласная, конечная И и группа согласных в конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной. При переносе слов, имеющих приставку, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная перед согласной.

Подписали: Заместитель Народного Комиссара Просвещения М. Покровский. Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевич.

10 октября 1918 года.

Республикован в № 223 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 13 октября 1918 года.

Р и с. 19. Декрет Совета Народных Комиссаров от 10.X.1918 г. «О введении новой орфографии».

нимались также и немецкими фашистами на оккупированной ими советской территории. Таким образом, подобно тому как это произошло при Кирилле и Мефодии, борьба за введение новой, более доступной народу письменности слилась в одно целое с политической борьбой между силами прогресса и силами реакции.

К третьей группе алфавитных реформ относилось введение в русский алфавит недостающих новых букв.

Несмотря на все фонетическое богатство русского алфавита, в нем все же отсутствовали буквы для передачи полугласного «й» и йотированного «о» (ё), характерных для русской речи<sup>5</sup>. Буква «й» была введена Академией наук при реформе 1735 г. Буква «ё» была впервые применена в 1797 г. Н. М. Карамзиным в альманахе «Аониды» (взамен применявшегося иногда в XVIII в. лигатурного знака *iô*), но впоследствии в русском письме не закрепились. Выпал пункт о применении буквы «ё» и из последней редакции советского декрета о реформе правописания, опубликованной 17 октября 1918 г. (см. рис. 19). Поэтому вплоть до утверждения Академией наук СССР в 1956 г. новых «Правил русской орфографии и пунктуации» вопрос о букве «ё» оставался неясным и спорным.

В результате всех перечисленных изменений 33 буквы современного русского алфавита являются и необходимыми и почти полностью достаточными для правильной передачи русской речи, конечно, при условии сохранения господства в русском письме фонематически-морфологического принципа (см. ниже).

Правда, 33 буквами русского алфавита приходится передавать 39 разных фонем современного русского языка, а именно<sup>6</sup>:

Гласные фонемы

а  
о  
э  
у  
ы

Согласные фонемы

твердые *п, б, ф, в, т, д, м, н, л, р, с, з*  
мягкие *п, б, ф, в, т, д, м, н, л, р, с, з*  
прочие *ж, ц, ш, ч, к, г, х, ц, й, жж*<sup>7</sup>

<sup>5</sup> К числу новых русских букв иногда относят также букву «я», графически возникшую из «юса малого», и букву «э», введенную в русский алфавит в ее современной форме Петром I. Однако в старославянском кирилловском алфавите имелись буквы как для йотированных, так и для йотированных «а» и «э», (см. рис. 5), хотя форма их была иной и применялись они несколько differently от современных букв «а» — «я», «э» — «е».

<sup>6</sup> Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1960, с. 300.

<sup>7</sup> Из этих согласных фонем три — *ж, ц, ш* — произносятся только

Сравнительно точная передача фонематического состава русского языка достигается в русском письме следующим образом.

Пять русских гласных фонем передаются в письме десятью гласными буквами: а — я, о — ё, э — е, у — ю, ы — и. Из этих десяти букв пять служат для передачи сочетания соответствующего гласного звука с согласным «й» или же для указания на мягкое произношение предшествующего согласного звука.

Кроме того, две буквы — ъ, ь — никаких фонем не обозначают и служат главным образом для указания, что последующую гласную нужно произносить как йотированную (ъ, ь) или что предыдущую согласную нужно произносить мягко (ь).

Эти две особенности русского алфавита и орфографии обеспечивают различие в письме твердости и мягкости согласных фонем *п, б, ф, в, т, д, м, н, л, р, с, з* при использовании для них вдвое меньшего числа согласных букв.

Таким образом, при помощи 33 русских букв оказывается возможной сравнительно точная передача почти всех 39 фонем русского языка (кроме одной — *жж*).

Как отмечалось в главе 2, кирилловские буквы применялись в прошлом не только для передачи звуков, но и для обозначения чисел; для указания на такое использование букв над ними проставлялись сверху особые горизонтальные черточки — титла. С XIV—XV вв. в России появились арабские цифры; сравнительно широко распространились они в XVII в., а окончательно вытеснили из гражданской печати славяно-кирилловские цифры с XVIII в. после введения Петром Первым гражданской азбуки.

---

твердо, одна — ч — только мягко. Фонемы *к, г, х* могут произноситься и мягко и твердо, однако разница в их произношении не имеет в русском языке фонематического значения, т. е. не служит для различения слов. Фонема *щ* считается сочетанием двух фонем (*ш+ч*), а фонема *й* — неслоговой гласной фонемой. Фонема *жж* представляет собой особый согласный звук, встречающийся, например, в словах «вожжи», «визжать», «дожди» и имеющий в русском языке фонематическое значение.

Изменения графики русского письма (рис. 20) развивались главным образом в направлении облегчения и ускорения самого процесса письма. Кроме того, в петровскую эпоху изменение графики письма и шрифта было обусловлено крупными изменениями в содержании книг.

Древнейший русский почерк — устав применялся до XV—XVI вв. (последние два столетия — наряду с другими русскими почерками, полууставом и скорописью, причем почти исключительно для переписки книг). Русский устав, подобно греческому, отличался четким, каллиграфическим начертанием букв; каждая из них писалась отдельно, ставилась почти перпендикулярно строке (почти без наклона) и имела формы, близкие к геометрическим. Слова в уставе пробелами обычно не отделялись; редко применялись сокращения слов. Устав легко читался, но был труден в написании. Во многом совпадая с византийским, русский устав в то же время отличался и некоторыми графическими особенностями, возникшими как результат самостоятельного творчества древнейших славянских переписчиков книг<sup>8</sup>.

С середины XIV в. наряду с уставом начал распространяться полуустав, отличавшийся меньшей геометричностью букв, наклонным их расположением и применением большого количества «титл», т. е. сокращений слов, и «сил», т. е. обозначений ударений. Полуустав писался более бегло, чем устав, но был менее четким в чтении. Из рукописей полуустав перешел в печатные книги, в которых применялся от Ивана Федорова до петровских реформ.

С конца XIV в. в дипломатической, канцелярской и торговой переписке получает распространение еще более беглый почерк — скоропись<sup>9</sup>. Скоропись отличалась связным, слитным написанием букв, еще бóльшим количеством сокращений слов и росчерками, выходящими за верхнюю и нижнюю линии строки.

<sup>8</sup> Гранстрем Е. Э. О связи кирилловского устава с византийским унциалом // Византийский временник, т. III. М.—Л., 1950.

<sup>9</sup> Более беглое, скорописное начертание несомненно существовало и до XIV в. в русском уставном почерке, хотя в работах по славяно-русской палеографии устав никогда не подразделяется на книжный и скорописный. Более беглая и скорописная разновидность уставного почерка применялась при индивидуальной бытовой переписке, например в новгородских берестяных грамотах XI—XIII вв.

ШЪЛЪКЪСН ПОГОУ  
 БНТЪНАСЪ ВЪ  
 МЪТАКЪТОКЪСН

Возше оубо и научи мѣстѣ, по не-  
 по себѣхъ рязмѣстѣ. Сигора  
 Ан и мѣи прѣстѣ по подобію книги  
 сице научи мѣстѣ. С и мѣи мѣи мѣи

ВЪЗНЕСЪСЯ ПОКЪСЪСЯ

Илихъ мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи  
 мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи  
 мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи  
 мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи

Писма Гдѣи присланные мною гонимому  
 Третьяго декабря исполни. Исполни  
 Пославъ писма Гдѣи мѣи мѣи мѣи мѣи  
 мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи  
 мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи мѣи

Рис. 20. Эволюция русских почерков (устав, полуустав, вязь, скоропись и гражданское письмо начала XVIII в.).

Четвертым видом русских рукописных почерков была вязь. Вязь, как и скоропись, появилась с конца XIV в., но в связи со стремлением русских книжников к украшению книги. Вязь — декоративное письмо, которое применялось почти исключительно в заглавиях. Слова и буквы в строке вязи связывались в непрерывный орнамент; для этого буквы соединялись между собой или

вписывались друг в друга, а пустоты заполнялись украшениями.

Первые русские типографские шрифты, созданные в середине XVI в., почти в точности воспроизводили традиционную форму букв кирилловского рукописного полуустава (рис. 21); это было обусловлено стремлением русских первопечатников придать выпускаемым ими книгам тот же привычный внешний вид, который имели рукописные книги. Такой графический характер русские печатные шрифты сохраняли в течение полутора столетия, вплоть до начала XVIII в.

Коренное изменение графики русского печатного шрифта и рукописного письма произошло в петровскую эпоху, почти одновременно с реформой русской азбуки. После не совсем удачных опытов Яна Тессинга и Ильи Копиевского в Амстердаме новый русский так называемый «гражданский» шрифт был отлит в Голландии и Москве (на Печатном дворе) по указу Петра; первой книгой, напечатанной в России этим новым шрифтом, была «Геометрия» 1708 г. (рис. 22). Замена кирилловского полууставного шрифта новым гражданским шрифтом (так же как и реформа русской азбуки) была вызвана широким развитием в петровскую эпоху издания книг светского, гражданского содержания (научных, учебных и др.), для которых потребовался более простой, ясный и четкий шрифт, чем архаичный и трудный для чтения полуустав<sup>10</sup>.

До недавнего времени считалось, что русский гражданский шрифт, введенный для книг светского содержания Петром I, был почти полностью скопирован с западноевропейских, в частности с голландских шрифтов того времени. В настоящее время считается, что процесс создания нового, гражданского шрифта протекал сложнее и имел не одну, а две графические основы.

Еще в конце XVII—в начале XVIII в. в московском письме (дипломатическая переписка, грамоты и т. п.) развились на базе скорописи новые почерки, близкие к современному письму. От скорописи XV—XVI вв. эти почерки отличались большей симметричностью построения букв, большей плавностью в утолщениях и редким применением «титл» (сокращенных написаний слов) и «сил» (ударений), характерных для старорусской скорописи.

---

<sup>10</sup> В послепетровское время полуустав под названием церковнославянского шрифта продолжал применяться, но лишь для печатания религиозно-богослужебных книг.

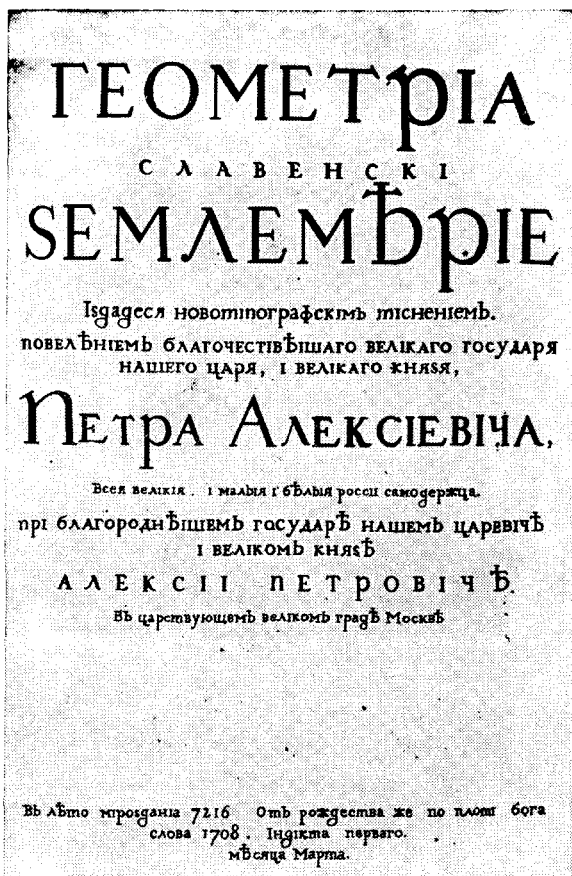


КѢИПИСѢОУСНІСТІАПАВЛА

**П**авелъ и тимодѣи , рабѣи ісхри , ЗА  
 всѣмъ стымъ оубо ісѣмъ общинамъ САЕ  
 въ филиппѣ съепикпы и діаконы .  
 благодарѣ вамъ и мнрѣ , шбга шца А  
 нашего , и гдѣсаха . благодарю бга  
 моего о всен пѣматн вашен вс  
 гдѣ , во велкон матвѣ мойн забвѣхъ  
 васѣ . ерадестин матвѣ мой творѣ общи  
 ннмъ вашемъ въ блгвѣтствованн . шперваго  
 днѣ даже и допнѣ . надѣавса сіе истое  
 іако научымъ дѣло ваго въ васѣ , не соверши  
 тѣ . даже дѣднѣ ісхри , іакоже ісѣ прѣ  
 ведно мнѣ сіемъ дрзствоватно въ хъ васѣ ,  
 заіже и мѣтнмъ въ рцы васѣ во оубахъ  
 мойхъ и во шбѣтѣ . и звѣщенн блговѣ  
 стіа , сообщннннмъ блгодѣтн въ хъ  
 васѣ общнхъ . кннцѣ , пѣа .

Рис. 21. Страница из первой русской датированной печатной книги «Апостола», напечатанного в 1564 г. Иваном Федоровым кирилловским полууставным шрифтом.





Р и с. 22. Титульный лист книги, напечатанной в России новым гражданским шрифтом, — «Геометрии», 1708 г.

Прежде считалось, что эти новые почерки возникли под влиянием введенного Петром в 1708—1710 гг. гражданского печатного шрифта, который, в свою очередь, явился подражанием западноевропейским шрифтам. Недавними исследованиями<sup>11</sup> доказано, что новые почерки существо-

<sup>11</sup> Шицгал А. Г. Графическая основа русского гражданского шрифта. М., 1947; Он же. Русский гражданский шрифт. М., 1959.

вали еще до введения гражданского шрифта и что петровский шрифт был создан как на основе западноевропейских шрифтов, так и на основе этих новых русских рукописных почерков.

Реформа русской азбуки и введение нового гражданского шрифта были очень высоко оценены наиболее передовыми русскими деятелями XVIII века. «При Петре не одни бояре и боярыни, — образно писал об этой петровской реформе М. В. Ломоносов, — но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды».

В основном алфавитно-буквенный состав и графика до-революционного русского печатного шрифта стабилизировались во второй половине XVIII в. после реформ Академии наук 1735, 1738 и 1758 гг.; с тех пор изменилась только форма строчного печатного «т» и отчасти «твердого знака» и «ять» (до 20—50 годов XIX в. применялось трехножное строчное «т», а «твердый знак» и «ять» иногда выступали за верхнюю линию строки) (рис. 23).

Почерковые изменения русского письма и шрифта за тысячелетие привели только к сравнительно небольшим изменениям формы букв. Из 31 буквы, перешедшей в современное русское письмо из кирилловской азбуки, значительно изменилась (причем во всех случаях — как в рукописном, так и в печатном шрифте, как в строчном, так и в прописном начертании) форма лишь восьми кирилловских букв: «есть», «земля», «иже», «наш», «ук», «червь», «я», «е» (табл. 6)<sup>12</sup>. Кроме того, в прописном начертании новую форму приобрели буквы «аз» (рукописная и печатная) и отчасти «добро» (рукописная), а в строчном рукописном начертании — буквы «буки», «веди», «глаголь», «добро», «твердо».

Особо следует отметить, что в древнейших кирилловских рукописях отсутствовало деление букв на строчные и прописные и каждая буква имела только одно начертание, близкое либо к современному строчному (например, буква «А»), либо к прописному (например, буква «Б»). Позже некоторые буквы начали применять в двух разных начертаниях, а с XVI в. буквы прописного начерта-

<sup>12</sup> Буква «есть» применялась в русском церковно-славянском письме не только в значении *э*, но и в значении *е* (наряду с буквой «э» йотированной). Для обозначения *у*, кроме лигатуры «оу», применялся «юс большой». Для звука *л*, кроме йотированного «а», применялся «юс малый», начертание которого и предопределило графику современной русской буквы «я».

**ПУТЕШЕСТВІЕ,  
ИЗЪ  
ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.**

---

„Чудища обла, озорно, огромно, спозѣвно,  
и лайи,,

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. сти: 514.

---

1790.

**ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.**

Р и с. 23. Титульный лист книги А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», издание 1790 г.

ния использовались для выделения крупных разделов текста. Выделение прописных букв в отдельный алфавит (наряду со строчным алфавитом) впервые появляется в России в букварях XVII в. Применение прописных букв упорядочивается в XVIII в. после введения гражданской азбуки.

Буквы кирилловской азбуки (XI век)	Современные русские буквы			
	Печатные		Рукописные	
	Строчные	Прописные	Строчные	Прописные
А	а	А	<i>а</i>	<i>А</i>
Б	б	Б	<i>б</i>	<i>Б</i>
В	в	В	<i>в</i>	<i>В</i>
Г	г	Г	<i>г</i>	<i>Г</i>
Д	д	Д	<i>д</i>	<i>Д</i>
Є	э, е	Э, Е	<i>э, е</i>	<i>Э, Е</i>
Ж	ж	Ж	<i>ж</i>	<i>Ж</i>
З	—	—	—	—
З	з	З	<i>з</i>	<i>З</i>
И	—	—	—	—
И	и	И	<i>и</i>	<i>И</i>
К	к	К	<i>к</i>	<i>К</i>
Л	л	Л	<i>л</i>	<i>Л</i>
М	м	М	<i>м</i>	<i>М</i>
Н	н	Н	<i>н</i>	<i>Н</i>
О	о	О	<i>о</i>	<i>О</i>
П	п	П	<i>п</i>	<i>П</i>
Р	р	Р	<i>р</i>	<i>Р</i>
С	с	С	<i>с</i>	<i>С</i>
Т	т	Т	<i>т</i>	<i>Т</i>
У	у	У	<i>у</i>	<i>У</i>
Ф	ф	Ф	<i>ф</i>	<i>Ф</i>
Х	х	Х	<i>х</i>	<i>Х</i>
Ц	—	—	—	—
Ч	ц	Ц	<i>ц</i>	<i>Ц</i>
Ш	ч	Ч	<i>ч</i>	<i>Ч</i>
Щ	ш	Ш	<i>ш</i>	<i>Ш</i>
Ъ	щ	Щ	<i>щ</i>	<i>Щ</i>
Ы	ъ	Ъ	<i>ъ</i>	<i>Ъ</i>
Ь	ы	Ы	<i>ы</i>	<i>Ы</i>
Ь	ь	Ь	<i>ь</i>	<i>Ь</i>
Ь	—	—	—	—
Ю	ю	Ю	<i>ю</i>	<i>Ю</i>
Я	я	Я	<i>я</i>	<i>Я</i>
Є	е	Е	<i>е</i>	<i>Е</i>

А, Ѧ, Ѫ, Ѭ,  
Ѣ, Ѥ, ѧ, Ѩ

Т а б л и ц а 6. Форма букв кириллицы в сравнении с формой современных русских букв, печатных и рукописных, строчных и прописных

Лишь постепенно сформировалось разное начертание и некоторых русских рукописных и печатных букв, в особенности строчных. Как указывалось выше, начертание печатных русских букв до XVIII в. почти в точности воспроизводило рукописный полуустав, а с XVIII в. — петровский гражданский шрифт (с небольшими последующими изменениями). Начертание современных рукописных русских букв ведет свое происхождение от старорусской скорописи, правда, значительно изменившейся в XVIII—XX вв. под влиянием печатного русского шрифта.

В современном русском печатном шрифте (табл. 6) иное по сравнению со строчными начертание имеют три прописные буквы (А, Б, Е); в русском рукописном шрифте прописных букв, имеющих иное начертание, чем строчные, семь (А, Б, В, Г, Д, Е, Т).

У некоторых современных русских букв разница прописного и строчного (А, Е) или печатного и рукописного начертания (Д, Т) постепенно стала столь большой, что эти начертания можно было бы считать даже разными графемами<sup>13</sup>.

#### 4

Орфография русского письма развивалась в сторону все более последовательного применения фонематически-морфологического принципа. Принцип этот требует одинакового написания фонем, а также морфем<sup>14</sup> слов, даже если произношение их изменяется в различных грамматических формах слов (например, одинаковое написание последней согласной в словах 'дуб' и 'дуба', несмотря на то, что в первом случае эта согласная произносится как *п*, а во втором — как *б*).

Применение этого орфографического принципа развивалось в русском письме за счет фонетического принципа (написание слов в соответствии с их современным произношением), преобладавшего на первых этапах бытового русского письма, а также за счет историко-традиционного принципа (написание слов в соответствии с их произ-

<sup>13</sup> Графема — простейшая структурная единица данной системы письма, имеющая определенное значение (например, звуковое или слоговое) и типовую графическую форму, обеспечивающую ее узнавание несмотря на различные почерки и гарнитуры шрифта (последний признак графемы, к сожалению, не всегда учитывается).

<sup>14</sup> Морфема — минимальная составная часть слова, выражающая какое-либо значение.

ношением в прошлом), господствовавшего в книжном церковнославянском письме.

С особенной остротой встал вопрос о выборе фонетического или фонематически-морфологического принципа (в качестве основного) к середине XVIII в. в связи с развитием выпуска книг нового гражданского содержания, набираемых новой реформированной азбукой. В защиту фонетического принципа выступил В. К. Тредиаковский<sup>15</sup>, предлагавший перейти с письма «по корням» на письмо «по звонам» (т. е. в точном соответствии с произношением). Интересно отметить, что в случае последовательного проведения предложения В. К. Тредиаковского русский алфавит пришлось бы пополнить несколькими дополнительными буквами, в частности буквами для редуцированных (ослабленных, неопределенных) гласных, встречающихся в русских безударных слогах. Сторонником фонематически-морфологического принципа был в XVIII в. М. В. Ломоносов, разработавший основы современной русской орфографии<sup>16</sup>.

В современном русском письме, в результате работ А. Х. Востокова, Н. И. Греча и других филологов, фонематически-морфологический принцип является господствующим, хотя применяется он недостаточно последовательно, сочетаясь иногда с принципами фонетическим и историко-традиционным. Примером применения фонетического принципа в современном русском письме может служить правило написания приставок «раз», «без», «воз» перед глухими и звонкими согласными<sup>17</sup>.

Несмотря, однако, на некоторую непоследовательность орфографии, современное русское письмо, благодаря тому, что оно строилось на близкой к славянскому языку кирилловской алфавитной основе, а также в результате ряда реформ, наиболее правильно из европейских систем отражает литературную речь. В то же время благодаря господствующему в нем фонематически-морфологическому принципу, русское письмо отличается систематичностью, независимостью от особенностей диалектного и индивидуального произношения и, кроме того, четко отражая морфемный состав слов, облегчает понимание их значения и грамматической формы.

<sup>15</sup> Тредиаковский В. К. Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой. СПб., 1748.

<sup>16</sup> Ломоносов М. В. Российская грамматика. СПб., 1775.

<sup>17</sup> Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1960, с. 304—306.

Постепенно развивалось в славяно-русском письме также и применение знаков пунктуации.

Наиболее древним знаком пунктуации, заимствованным из Византии, была в славянском письме точка или же различные комбинации точек — по две, по три и даже по четыре; иногда (например, в «Остромировом евангелии») вместо точки ставили крест. Применялись точки в древнем русском письме произвольно: иногда ими обозначались границы между словами, а иногда паузы. Пробелы как способ разделения слов нередко, но далеко не всегда, встречаются уже в полууставе. В XV—XVI вв., в связи с усложнением русской письменной речи, развитием богословской стилистики, а также в результате знакомства с западноевропейской практикой, в русской книге начинают применять, наряду с точками, также и другие знаки пунктуации: запятые — для коротких пауз, точку с запятой — в значении вопроса и др.

Большее единообразие внесло в применение знаков пунктуации возникновение в середине XVI в. русского книгопечатания. Еще более упорядочивается система знаков пунктуации в XVIII в., после введения гражданской азбуки. Начало научного изучения системы знаков пунктуации и их применения в русском письме было положено М. В. Ломоносовым в его «Российской грамматике». Окончательно систематизируется применение знаков пунктуации в результате работ Я. К. Грота<sup>18</sup>.

В современном русском письме (так же как и в современном латинском) применяется десять различных знаков пунктуации, в том числе шесть знаков для членения речи и выделения ее элементов (точка, запятая, точка с запятой, двоеточие, тире, скобки) и четыре знака для членения речи и для эмоционально-смысловой ее характеристики (вопросительный и восклицательный знаки, кавычки и многоточие). Кроме того, применяется особый знак для соединения слов — дефис, а разделительные функции выполняют пробелы и абзацы.

## 5

На славяно-кирилловской основе построены и современные системы письма большинства народов СССР.

Октябрьская революция застала системы письма народов России на самых различных ступенях развития. Многие народы России — русский, украинский, грузин-

<sup>18</sup> Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1885.

ский, армянский и другие — имели ко времени Октябрьской революции развитые и соответствующие их языкам системы письма; были созданы на славянской кирилловской основе алфавиты и для некоторых малых народов России, например для якутов и чувашей. Другие народы — татары, казахи, узбеки, таджики, хотя и имели письменность, но построенную на чуждой их языкам консонантной арабской основе. Более полусотни народностей России, в частности почти все народы Севера, совсем не имели письменности.

В соответствии с ленинской национальной политикой, работы по созданию новых систем письма народов СССР<sup>19</sup> были начаты уже с 20-х годов, т. е. почти сразу же после окончания гражданской войны. Новые системы письма создавались для всех народов СССР, совсем не имевших письменности или же имевших письменность, построенную на чуждой их языкам арабской основе.

Работы по созданию новых алфавитов строились на следующих принципах: 1) на основе максимального учета своеобразного фонематически-звукового состава каждого национального языка при соблюдении необходимого единства алфавитов СССР; 2) приближения письма к живому литературному языку при соблюдении единой орфографической системы, основанной, как правило, на фонематически-морфологическом принципе; 3) обозначения особых звуков (фонем) национальных языков, как правило, путем создания дополнительных и акцентированных букв, а не путем применения двух- и трехбуквенных сочетаний.

В 20-х и в начале 30-х годов большинство новых алфавитов строилось не на кирилловской, а на латинской основе. Между тем латинский алфавит беднее русского по звуковому составу. Латинский алфавит состоит из 26 букв, многие из которых в западноевропейских системах письма частично дублируют друг друга. Русский алфавит включает 33 буквы, т. е. на 25 % больше латинского, причем ни одна из букв не дублирует другую. Поэтому использование латинского алфавита в качестве основы для новых алфавитов требовало введения в них большего количества дополнительных букв и диакритических знаков. Кроме того, использование латинской основы

---

<sup>19</sup> Дешериев Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху // Вопросы языкознания, 1957, № 5; Истрин В. А. Октябрьская революция и системы письма народов СССР // Вестник истории мировой культуры, 1957, № 5.



оздавало разрыв между этими новыми алфавитами и алфавитами крупнейших народов СССР — украинским, русским, белорусским. Противоречило это также сложившейся дореволюционной практике разработки новых алфавитов, которые (например, якутский, хакасский, чувашский) строились на кирилловской основе.

С середины 30-х годов, по предложению самих национальных республик было решено отказаться от латинизации. Вслед за этим алфавиты всех народов СССР, не имевших до революции своей письменности или же имевших письменность, построенную на арабской основе, были переведены на кирилловскую основу.

В настоящее время большинство алфавитов СССР построено на кирилловской основе. Только литовский, латышский и эстонский алфавиты сохраняют латинскую основу, а армянский и грузинский алфавиты, в соответствии с многовековой традицией, имеют свою особую, соответствующую их языкам национальную основу.

При построении новых алфавитов народов СССР внимательно учитывалось своеобразие звукового состава национальных языков. Для всех звуков (точнее — фонем), имевшихся в этих языках, но отсутствовавших в русском языке, были созданы дополнительные и акцентированные буквы. В зависимости от своеобразия звукового состава языка количество таких дополнительных и акцентированных букв колеблется от одной-двух до восьми-девяти (татарский, казахский, башкирский и другие алфавиты).

Во всех алфавитах народов СССР, перешедших на кирилловскую основу, применяется в сумме около 50 (см. с. 181) дополнительных и акцентированных букв (кроме 33 букв русского алфавита). При этом для передачи близких звуков в различных системах письма СССР, как правило, применяются одинаковые буквы; в свою очередь одна и та же буква используется для обозначения близких звуков.

Орфографии народов СССР строятся на той же принципиальной основе, что и современная русская орфография. Основа эта состоит в максимальном приближении письма к литературному языку, но с соблюдением фонематически-морфологического принципа; правда, в некоторых системах письма (например, в белорусской, в меньшей мере в русской) фонематически-морфологический принцип применяется недостаточно последовательно.

Национальные системы письма имеют сейчас почти все народы СССР. В 1961 г. книги в СССР издавались на



близости его к латинскому «i», имеет и другие крупные преимущества <sup>20</sup>. Во-вторых, желательное достижение еще большего единообразия применения диакритических знаков в различных системах письма народов СССР (например, устранение разного начертания седидя; см. с. 181). В-третьих, следовало бы провести пересмотр орфографических правил, противоречащих фонематически-морфологическому принципу, положенному в основу орфографий народов СССР. Наконец, в-четвертых, необходимо максимально обобщить и упростить существующие орфографические правила, в частности, ликвидировать (по возможности) все еще многочисленные исключения из этих правил, усложняющие обучение грамоте <sup>21</sup>.

## 6

В настоящее время на кирилловской основе построены системы письма всех народов СССР, кроме Грузии, Армении, Латвии, Литвы и Эстонии. Системы письма, построенные на той же основе, применяются также в Болгарии, частично (наряду с латинским письмом) в Югославии (сербохорватское и македонское письмо) и в Монгольской Народной Республике.

Болгарские: Ъ ъ Ж ж

Сербохорватские: Ѓ ģ Ђ đ Ј ј Ц ц Њ њ Љ љ

Македонские: Ѓ ģ Ќ ќ S s Ј ј Ц ц Њ њ Љ љ

Монгольские: Ө ө Ү ү

Письмом, построенным на кирилловской основе, пользуются сейчас народы, говорящие более чем на 60 языках <sup>22</sup> и составляющие около 10 % населения мира.

---

<sup>20</sup> Вопрос о сближении русского и латинского алфавитов желательно было бы научно проработать в одной из международных организаций (например, при ЮНЕСКО). Латинский алфавит при этом рационально было бы пополнить несколькими новыми буквами, необходимыми для передачи звуков, особенно часто встречающихся в различных языках, например, буквами для звуков *ы, ч, ш*, возможно *щ*. Буквы для этих звуков, передаваемых сейчас многобуквенными сочетаниями, правильней всего было бы заимствовать из второй по распространенности в мире русской группы буквенно-звуковых систем.

<sup>21</sup> Шапиро А. Б. Немаловажный вопрос (к спорам о русской орфографии) // Изв. ОЛЯ АН СССР, т. XXI, 1962, вып. 6.

<sup>22</sup> Абазинский, абхазский, аварский, адыгейский, азербайджанский, алтайский, балкарский, башкирский, белорусский, болгарский, бурятский, даргинский, дунганский, ингушский, кабардино-

Укажем для сравнения, что системами письма, построенными на латинской основе, пользуются сейчас народы, говорящие более чем на 70 языках и составляющие около 30 % населения мира. Системами письма, построенными на арабской консонантно-звуковой основе, пользуются народы, говорящие на 12—15 языках и составляющие около 10 %, на индийской слоговой основе — около 20 %, на китайской логографической основе — около 25 % населения мира. На долю же всех остальных систем письма (японская, корейская, греческая, еврейская, грузинская, армянская, эфиопская и др.) приходится лишь немногим больше 5 % населения мира.

Наибольшей жизненной силой, видимо, обладают латинская и кирилловская группы систем письма. Это подтверждается тем, что на латинскую и кирилловскую основу письма постепенно переходят все новые и новые народы.

Таким образом, основы, заложенные еще Константином и Мефодием более 1100 лет назад, продолжают непрерывно совершенствоваться и успешно развиваться вплоть до настоящего времени.

---

черкесский, казахский, калмыцкий, каракалпакский, карачаевский, киргизский, коми, коми-пермяцкий, корякский, кумыкский, курдский, лакский, лезгинский, македонский, мансийский, марийский горный, марийский луговой, молдавский, монгольский, мордово-мокшанский, мордово-эзянский, нанайский, ненецкий, нивхский, ногайский, осетинский, русский, селькупский, сербо-хорватский, таджикский, татарский, тувинский, туркменский, удмуртский, узбекский, уйгурский, украинский, хакасский, хантыйский, чеченский, чувашский, чукотский, эвенкийский, эвенский, эскимосский, якутский.

## Литература

### 1. Работы, посвященные жизни и деятельности Константина и Мефодия, юбилейные сборники и библиографические справочники

- Б е л я е в Н. Св. Константин (нареченный Кирилл) и Мефодий. М., 1876.
- \*\* Б е р н ш т е й н С. Б. Константин-Философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. М., 1984.
- Б и л ь б а с о в В. Кирилл и Мефодий, ч. I и II. СПб., 1868.
- Б и л ь б а с о в В. Исторические монографии, т. I. СПб., 1901.
- Б о д я н с к и й О. М. Кирилл и Мефодий (Собрание памятников, до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся). — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1863—1873.
- \*\* В е р е щ а г и н Е. М. Доклад к дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей. — IX Международный съезд славистов. Киев, 1983.
- Г р а ц и а н с к и й Н. П. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве. — Вопросы истории, 1945, № 1.
- Д ю в е р н у а А. Блаженный Мефодий. М., 1894.
- И л ь и н с к и й Г. А. Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934.
- Кирилло-мефодиевский сборник. М., 1865.
- К н я з е в В. Св. равноапостольные Кирилл и Мефодий. СПб., 1866.
- Мефодиевский юбилейный сборник. Варшава, 1885.
- Мефодиевский юбилейный сборник. СПб., 1901.
- П л а т о н о в И. Жизнь и подвиги первоучителей славянских Кирилла и Мефодия. Харьков, 1862.
- П о п р у ж е н к о М. и Р о м а н с к и Ст. Кирилло-Мефодиевская библиография за 1934—1940 гг. София, 1940.
- Р а с с е й к и н Ф. М. Буржуазная историография о византийско-моравских отношениях в середине IX века. — Византийский временник, т. III. М., 1950.
- Т е о д о р о в - Б а л а н А. Кирилл и Мефодий. София, 1920, вып. 1; 1934; вып. 2.
- \*Т р у б а ч е в О. Н. Несколько лингвистических глосс к моравско-паннонским житиям. — Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М., 1987.
- Т у н и ц к и й Н. Л. Материалы для истории жизни и деятельности учеников Кирилла и Мефодия, вып. 1. Сергиев-Посад, 1918.
- Я с т р е б о в Н. В. Сборник источников для истории деятельности Кирилла и Мефодия. СПб., 1911.

## **II. Происхождение славяно-русского письма и древнейшие его памятники**

- А в д у с и н Д. А. и Т и х о м и р о в М. Н.** Древнейшая русская надпись. — Вестник АН СССР, № 4, 1950.
- \*\* Апракос Мстислава Великого.** Под ред. Л. П. Жуковской. М., 1938.
- А р т а м о н о в М. И.** Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — Советская археология, 1954, вып. 19.
- А р ц и х о в с к и й А. В. и Б о р к о в с к и й В. И.** Новгородские грамоты на бересте. М., 1958.
- А р ц и х о в с к и й А. В. и Т и х о м и р о в М. Н.** Новгородские грамоты на бересте. М., 1953.
- А р ц и х о в с к и й А. В.** Новые новгородские грамоты. — Советская археология, 1960, № 1.
- Б е л я е в Д. Ф.** История алфавита и новое мнение о происхождении глаголицы. Казань, 1885.
- Б о д я н с к и й О. М.** О времени происхождения славянских письмен. М., 1885.
- Б о р к о в с к и й В. И.** Драгоценные памятники древнерусской письменности. — Вопросы языкознания, 1952, № 3.
- Б р а н д т Р. Ф.** Лекции по славяно-русской палеографии. М., 1910.
- В и л и н с к и й С. Г.** Сказание Черноризца Храбра о письменах славянских. Одесса, 1901.
- В и н о г р а д о в В. В.** Проф. Л. П. Якубинский как лингвист и его «История древнерусского языка». В кн.: Л. П. Я к у б и н с к и й. История древнерусского языка. М., 1953.
- Г а р к а в и А. Я.** Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
- Г е о р г и е в Е.** Славянская письменность до Кирилла и Мефодия. София, 1952. (Рецензии на эту работу см.: «Вопросы языкознания», 1952, № 6; «Вопросы истории», 1953, № 3).
- Г е о р г и е в Е.** Кирилл и Методий основоположники на славянските литератури. София, 1956.
- Г е о р г и е в Е.** Основные вопросы возникновения старославянской (староболгарской) литературы и старославянского (староболгарского) языка. — Славянская филология, т. I, М., 1958.
- Г е о р г и е в Е.** Разцветат на българската литература в IX—X вв. София, 1962.
- Г о л д у б о в с к и й П. В.** О начале русской письменности. — Университетские известия, Киев, 1895.
- Г о ш е в И.** С какво писмо са били написани две те книги, които създателят на славянското писмо намерил в Херсон. — Език и литература, София, 1958, т. XIII, № 4.
- Г о р о д ц о в В. А.** Заметка о глиняном сосуде с загадочными знаками. — Археологические известия и заметки. М., 1897, т. V, № 12.
- Г о р о д ц о в В. А.** Заметка о загадочных знаках на обломках глиняной посуды. — Археологические известия и заметки. М., 1898, № 11—12.
- Г р а н с т р е м Е. Э.** О связи кирилловского устава с византийским унциалом. — Византийский временник, т. III. М.—Л., 1950.

- Г р а н с т р е м Е. Э. К вопросу о происхождении глаголической азбуки. — Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, IX. М.—Л., 1953.
- Г р а н с т р е м Е. Э. О происхождении глаголической азбуки. — Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР. XI. М.—Л., 1955.
- Г р и г о р о в и ч В. И. О древней письменности славян. — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1852, LXXIII.
- Д у р н о в о Н. Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов. — Byzantinoslavica, I, Praha, 1929.
- \* Житие Кирилла и Мефодия. Факсимильное изд. М., 1986.
- Ж у к о в с к а я Л. П. Поддельная докирилловская рукопись. — Вопросы языкознания, 1960, № 2. \* [Поддельной названа так называемая «Влесова книга». См. о ней также: Б у г а н о в В. И., Ж у к о в с к а я Л. П., Р ы б а к о в Б. А. Мнимая древнейшая летопись. — Вопросы истории, 1977, № 6; Ж у к о в с к а я Л. П., Ф и л и н Ф. П., «Влесова книга» Почему не Велесова? (Об одной подделке). — Русская речь, 1980, № 4.]
- Ж у к о в с к а я Л. П. Куйо М. Куев. Към въпроса за началото на славянската писменост. София. 1960 г. — Известия отделения литературы и языка Академии наук СССР. Т. XXI, вып. 6. М., 1962.
- \* Ж у к о в с к а я Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). М., 1963.
- \*\* Изборник 1073 года. Фототипическое изд. Науч. ред. Л. П. Жуковская. М., 1983.
- \*\*\* Изборник 1076 года. Тексты и исследования. М., 1975.
- История культуры древней Руси, т. I—II. М.—Л., 1950—1951.
- И с т р и н В. А. Кириллица. — БСЭ, изд. 2, т. 21. М., 1953.
- И с т р и н В. А. О возникновении славяно-русского письма. — Вестник истории мировой культуры, 1960, № 6.
- И с т р и н В. А. Развитие письма. М., 1964.
- И с т р и н В. М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода. Пг., 1922.
- К а р и н с к и й Н. М. Славянская палеография. Пг., 1915.
- К а р с к и й Е. Ф. Очерки славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1901.
- К а р с к и й Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928.
- \* Факсимильное переиздание под ред. В. И. Борковского. М., 1979.
- \*\* Киевские глаголические листки X в. Киев, 1983.
- \* Кирило-Методиевска енциклопедия. Гл. ред. П. Динеков. София, 1985. Т. I. А—З.
- К и с е л к о в В. С. Наистарата славянска азбука. — Език и литература. София, 1955, т. X, кн. 3.
- К о н с т а н т и н о в Н. А. Скифо-сарматские знаки на памятниках Причерноморья. — Крым, Симферополь, 1951, № 7.
- К о н с т а н т и н о в Н. А. Новые данные о происхождении русской письменности. — Смена, 25. IV, 1951 г.
- К о н с т а н т и н о в Н. А. История русской азбуки. — Знание — сила, 1953, № 1.
- К о н с т а н т и н о в Н. А. Черноморские загадочные знаки и глаголица. — Ученые записки Ленинградского ун-та (серия филологич. наук). Л., 1957, вып. 23.

- К у е в К. М. Към въпроса за началото на славянската писменост. София, 1960.
- К у е в К. М. Отново за годината, когато е била съставена славянската азбука. София, 1960.
- К у л ь б а к и н С. М. Можно ли считать доказанной греческую основу глаголицы. — Сборник археологического общества, Белград, 1927.
- Л а в р о в П. А. Материалы по возникновению древнейшей славянской письменности. — Труды славянской комиссии, Л., 1930.
- Л а в р о в П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 14. Пг., 1914.
- Л е о н и д. О родине и происхождении глаголицы. СПб., 1891.
- Л и х а ч е в Д. С. Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. — Вопросы истории, 1951, № 12.
- Л и х а ч е в Д. С. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952.
- Л о у к о т к а Ч. Развитие письма. М., 1950 (пер. с чешского).
- Л ь в о в А. С. К вопросу о происхождении русского письма. — Русский язык в школе, 1951, № 6.
- Л ь в о в А. С. Няко въпроси от кирило-методиевската проблематика. — Български език, София, 1960, кн. 4.
- Материалы для истории письмен. восточных, греческих, римских и славянских. М., 1855.
- М е д ь н ц е в а А. А. Тмутараканский камень. М., 1979.
- М е щ а н и н о в И. И. Загадочные знаки Причерноморья. — Известия ГАИМК, вып. 62. Л., 1933.
- М е ц Н. Д. Серебряники из с. Митьковки. — Советская археология, 1960, № 1.
- М и л л е р В. Ф. К вопросу о славянской азбуке. — Журнал Министерства народного просвещения, СПб., 1884, № 3.
- Н и к о л ь с к и й Н. К. К вопросу о русских письменах, упоминаемых в житии Константина Философа. — Известия АН СССР, т. I, кн. 1, 1928.
- О б н о р с к и й С. П. Язык договоров русских с греками. — Язык и мышление, вып. V—VI, М.—Л., 1936.
- О л е н и н А. Н. Письмо к гр. А. И. Мусину-Пушкину о камне тмутараканском, найденном на о-ве Тамане в 1792 г., СПб., 1806.
- О р е ш н и к о в А. В. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам. — Известия Академии наук, № 2, 1930.
- О р е ш н и к о в А. В. Денежные знаки домонгольской Руси. М., 1936.
- О р л о в А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв., М., 1936.
- Повесть временных лет. М.—Л., 1950.
- П о г о р е л о в В. А. Замечания об изобретении славянского алфавита. — Древности, М., 1902.
- П р и в а л о в а М. И. Об источниках глаголицы. — Ученые записки ЛГУ, Л., 1960, вып. 52.
- П р и с е л к о в М. Д. Курс русской палеографии. Л., 1938.
- П р о з о р о в с к и й Д. О названиях славянских букв. — Вестник археологии и истории. СПб., 1888, вып. VII.



- «Путешествие Ибн Фодлана на Волгу» (под ред. П. Ю. Крачковского). М.—Л., 1939.
- Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
- Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси. — Советская археология, 1940, № 6.
- Рыбаков Б. А. Об ошибках в изучении Крыма и о задачах дальнейших исследований (тезисы). Симферополь, 1952.
- Рыбаков Б. А. Древние русы. — Советская археология, 1953, XVII.
- Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полин. — Советская археология, 1962, № 4.
- Савва, епископ. Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей. М., 1863.
- Сапунов Б. В. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII вв. — Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, XI. М.—Л., 1955.
- Сборник ответов на вопросы по языкознанию (IV международный съезд славистов). М., 1958.
- Селищев А. М. Старославянский язык. М., 1951.
- Соболевский А. И. Славяно-русская палеография. Изд. 2. СПб., 1908.
- Соболевский А. И. Кириллица и глаголица. — Богословская энциклопедия, т. X. СПб., 1909.
- Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Срезневский И. И. Древние письмена славянские. — Журнал Министерства народного просвещения, СПб., 1848, ч. IX.
- Срезневский И. И. Палеографические заметки. — Известия Академии наук, IX, СПб., 1860.
- Тихомиров М. Н. Городская письменность в Древней Руси XI—XIII вв. — Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР, IX, М.—Л., 1953.
- Тихомиров М. Н. Начало славянской письменности в свете новейших открытий. — Вопросы истории, 1959, № 4.
- \* Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1966; 2-е изд.: М., 1982.
- Тихонравов Н. С. Русская палеография. М., 1889.
- Тодоров Ц. Происход и авторство на славенските азбуки. — Славистичен сборник, т. 1, София, 1958.
- Тодоров Ц. Кой е автор и кога е създадена първата славянска азбука — Български език и литература, София, 1959, т. II, кн. 4.
- Толстов С. П. Из предистории Руси. — Советская этнография, 1947, VI—VII.
- Третьяков П. Н. Новые данные о Великоморавском государстве. — Вопросы истории, 1961, № 5.
- Успенский П. Восток христианский, ч. III. Киев, 1877.
- Фигуровский И. А. Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными» знаками. — Ученые записки Елецкого педагогич. ин-та, вып. II. Липецк, 1957.
- Формозов А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками. — Вестник древней истории, 1953, № 1.
- Фортунатов Ф. Ф. О происхождении глаголицы. — Известия Академии наук, СПб., 1913, вып. XVIII, кн. 4.
- Чаев Н. С. и Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1946.

- Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.
- Черных П. Я. К истории вопроса о русских письменах в житии Константина Философа. — Ученые записки Ярославского педагогич. ин-та, вып. IX, 1947.
- Черных П. Я. Происхождение русского литературного языка и письма. М., 1950.
- Черных П. Я. Язык и письмо. — История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951.
- IV международный съезд славистов. Материалы и дискуссии, т. I—II. М., 1958.
- Шангин М. А. Первая известная греческая азбука очкового письма и глаголический алфавит. — Историк-марксист, 1940, № 2.
- Шафарик П. И. О происхождении и родине глаголитизма. — Читания общества истории и древностей российских. М., 1860 (пер. с пражского издания 1857 г.).
- Шляпкин И. А. Русская палеография. СПб., 1913.
- Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. М., 1918; \* переиздание под ред. М. В. Щепкиной. М., 1967.
- Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — Советская археология, 1954, вып. 19.
- Энгелатов Н. Древнейшая русская азбука. — Знание — сила, 1960, № 11.
- Эпштейн Е. М. К вопросу о времени происхождения русской письменности. — Ученые записки Ленинградского ун-та по историч. наукам, вып. 15, 1947.
- Ягич И. В. Вопрос о Кирилле и Мефодии в славянской филологии. СПб., 1885.
- Ягич И. В. Глаголическое письмо и графика у славян. — Энциклопедия славянской филологии, вып. 3. СПб., 1911.
- A b i c h t R. Ist die Ähnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall? Leipzig, 1895.
- A n t o n. Erste Linien eines Versuchs über die alten Slawen. Leipzig, 1789.
- D o b r o v s k i y J. Glagolitica. Prag, 1945.
- H a n u s z J. Zur slawischen Runenfrage. «Archiv für die österreichische Geschichte». Wien, 1857, XVIII.
- H a n u š J. Sv. Kyril nepsal Kyrilsky ner hlaholsky, Prag, 1857.
- H a n u s z J. Zur Glagolica—Frage. — Slawische Bibliothek. Wien, 1858, II.
- G a s t e r M. Ichester Lectures on Greeko-Slavonic Literature and its Relation to the Folklore of Europe during the Middle Age. London, 1887.
- G e i t l e r L. Die albanischen und slavischen Schriften. Wien, 1883.
- L e s k i e n A. Zur glagolitischen Schrift. — Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1905, t. XXVII.
- J. P o u l i k. Velikomorovské hradiste Mikulcice. Brno, 1962.
- B. R y b a k o v. Calendrier agraire et magique des anciens polians. Moscou, 1962.
- T a y l o r I. Über den Ursprung des glagolitischen Alphabets. — Archiv für slavische Philologie, Berlin, 1881, t. V.
- T a y l o r I. The Alphabet. An Account of the Origin and Development of letters, t. II. London, 1883.

- V a i l l a n t A. L'alphabet vieux slave. — Revue des études slaves, Paris, 1955.
- V a j s J. Rukovet hlacholské palaeographie. Praha, 1932.
- W e s s a l y G. Glagolitisch—lateinische Studien. — Studien zur Palaeographie und Papyruskunde. Leipzig, 1913, H. XIII.
- V o n d r á k W. Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets. — Archiv für slawische Philologie, Berlin, 1896, t. XVIII—XIX.

### III. Русское письмо XVIII—XX вв. и системы письма народов СССР

- А б а к у м о в С. И. Методика пунктуации. Изд. 2. М., 1954.
- Б о д у э н д е К у р т е н э И. Э. Об отношении русского письма к русскому языку. СПб., 1912.
- Б р а н д т Р. Ф. О лженаучности нашего правописания. — Филологические записки. Воронеж, 1901, № 1—2.
- Г р о т Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. СПб., 1873.
- Д е ш е р и е в Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху. — Вопросы языкознания, 1957, № 5.
- Д е ш е р и е в Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958.
- Е ф и м о в А. И. Красноречие и орфография. Известия, 24/III 1962 г.
- И с т р и н В. А. Октябрьская революция и системы письма народов СССР. — Вестник истории мировой культуры, 1957, № 5.
- Л о м о н о с о в М. В. Российская грамматика. СПб., 1775.
- «О введении новой орфографии». — Сборник узаконений и распоряжений Раб.-кр. Правительства РСФСР, 1918, № 74.
- «Постановления орфографической подкомиссии». СПб., 1912.
- П о т е б н я А. А. К истории звуков русского языка. Вып. 1—4. Воронеж—Варшава, 1876—1883.
- Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.
- Предварительное сообщение орфографической подкомиссии. СПб., 1904.
- Р е ф о р м а т с к и й А. А. Введение в языкознание. М., 1960.
- Т р е д и а к о в с к и й В. К. Разговор между чужестранным человеком и русским об орфографии старинной и новой. СПб., 1748.
- У ш а к о в Д. Н. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопрос о его реформе. М., 1917.
- Ф и л о м а ф и т с к и й Е. О знаках препинания вообще и в особенности для русской словесности. — Труды общества любителей российской словесности, ч. II. СПб., 1822.
- Ч е р н ы ш е в В. И. Упрощение русского правописания. Изд. 2. СПб., 1912.
- Ш а п и р о А. Б. Пунктуация. — БСЭ. Изд. 2, т. 35. М., 1955.
- Ш а п и р о А. Б. Немаловажный вопрос (к спорам о русской орфографии). — Известия отделения литературы и языка Академии наук СССР, т. XXI, вып. 6. М., 1962.
- Ш и ц г а л А. Г. Графическая основа русского гражданского шрифта. М.—Л., 1947.
- Ш и ц г а л А. Г. Русский гражданский шрифт. М., 1959.
- Щ е р б а Л. В. Теория русской азбуки. Избранные произведения по русскому языку. М., 1956.

## Оглавление

От редактора . . . . .	3
Глава 1. История жизни, борьбы и подвигов славянских просветителей Кирилла (Константина Философа) и Мефодия . . . . .	7
Глава 2. Что представляли собой славянские азбуки — кириллица и глаголица и на какой основе они были созданы . . . . .	51
Глава 3. Существовало ли письмо у славян до введения азбуки Кирилла (Константина) и каким было это письмо . . . . .	94
Глава 4. Какая азбука была разработана Кириллом (Константином) и откуда появилась вторая славянская азбука . . . . .	135
Глава 5. Развитие славяно-кирилловского письма в России и в СССР . . . . .	159
Литература . . . . .	184

**Истрин  
Виктор Александрович  
1100 ЛЕТ  
СЛАВЯНСКОЙ  
АЗБУКИ**

Утверждено к печати  
Редколлекцией научно-популярной  
литературы Академии наук СССР

Редактор издательства Т. М. Скринова  
Художник И. А. Гусева  
Художественный редактор В. С. Филатович  
Технический редактор Т. А. Калинина  
Корректоры Ф. Г. Сурова, Т. И. Чернышова

**ИБ № 38240**

Сдано в набор 03.11.87  
Подписано к печати 31.10.88  
Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>  
Бумага типографская № 1  
Гарнитура обыкновенная новая  
Печать высокая  
Усл. печ. л. 10,08. Усл. кр. отт. 10,4  
Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 40 000 экз.  
Тип. зак. 2156. Цена 45 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени  
издательство «Наука»  
117864, ГСП-7, Москва В-485,  
Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени  
Первая типография издательства «Наука»  
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12